

**А. В. Ремнев
Н. Г. Суворова**

**КОЛОНИЗАЦИЯ АЗИАТСКОЙ РОССИИ:
ИМПЕРСКИЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ СЦЕНАРИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

Монография

Омск
Издательский дом «Наука»
2013

УДК 940.2
ББК 63.3(2P5)52я43
P37

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 12-11-55007

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *А. П. Толочко*;
доктор исторических наук, профессор *В. Н. Худяков*

Ремнев, А. В.

P37 Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века : монография / А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова. – Омск : Издательский дом «Наука», 2013. – 248 с.

ISBN 978-5-98806-177-9

Авторы монографии исследуют позиции политиков, администраторов, общественных и научных экспертов по проблемам эффективности колонизации, ее институционального устройства, а также содержания административных, ментальных, национальных и экономических практик освоения Сибири. На большом фактическом материале прослеживаются взаимоотношения центральных и местных учреждений, общественных и научных институтов при разработке имперских и национальных сценариев колонизации азиатского пространства Российской империи второй половины XIX – начала XX в.

Монография предназначена научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам вузов, а также всем, кто интересуется историей Российской империи.

УДК 940.2
ББК 63.3(2P5)52я43

ISBN 978-5-98806-177-9

© Ремнев А. В., Суворова Н. Г., 2013
© Оформление, ООО «Издательский дом “Наука”», 2013

ОТ СОАВТОРА

Переписка длиною в книгу...

Этот проект начался почти сразу после отъезда Анатолия Викторовича в Саппоро, где в 2007–2008 гг. он работал в качестве приглашенного профессора в Центре славянских исследований университета Хоккайдо. Письма приходили часто, и получалось общаться больше и подробнее, чем между парами или командировками. Его идея написать о колонизации реализовалась сначала в виде статей для «Исторических записок», «Ab Imperio», потом – глав в коллективных монографиях, подготовленных в рамках проектов ИМИОН¹. В 2011 г., уже после операции, он продолжал, может быть, даже больше, чем обычно, заниматься наукой и преподавать. Он совершенно по-особому относился к своей работе – радостно и вдохновенно, получая удовольствие и от общения с коллегами-учеными, студентами, и от воплощения идей в тексты. Не мне одной посчастливилось быть причастной к творческой мастерской Учителя, он щедро делился идеями, любил их проговаривать и обсуждать в кругу заинтересованных слушателей и собеседников. Слушая его лекции или выступления на конференциях, работая с ним в библиотеках и архивах, получая наставления и замечания, главное, что я ощущала в итоге, – это желание

¹ «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации // Исторические записки. М., 2008. № 11 (29). С. 132–179; «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой или «сомнительные» культуртрегеры // Ab imperio. 2008. № 2. С. 157–222; Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи: оценки и прогнозы имперских экспертов // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск, 2010. С. 17–64; Казачество Азиатской России в колонизационных дискуссиях конца XIX – начала XX века // Сибирское казачество: история и современность. Омск, 2011. С. 11–20; Проекты степной колонизации 1870-х гг.: смена приоритетов и поиск новых методов интеграции // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. Вып. 2. № 3. С. 46–54; У истоков миграционной политики. Управление миграционными процессами в позднеимперской России: концепты, люди и структуры // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск, 2012. С. 25–92.

работать дальше, уверенность, что все задуманное будет реализовано. Наверное, это вдохновение, источником которого являлся он сам. Я благодарна своему Учителю за возможность совместного творчества. Было тревожно и сложно, давили груз ответственности перед мастером и несовершенство собственных опусов, но он был терпелив. Редкие, почти исключительные похвалы и сложно достижимые, но ярко очерченные цели являлись постоянным стимулом в работе.

В его письмах 2007–2011 гг. сохранились этапы этого проекта и технологии его воплощения. На последнем этапе данное исследование было завершено при поддержке РГНФ (2012–2013 гг.). Анатолий Викторович умер в самом начале 2012 г., но еще два года, перечитывая письма, я продолжала работать с ним, завершая этот проект.

Прежде чем предоставить слово Анатолию Викторовичу, хочу выразить надежду, что этот «момент общения» будет полезен читателям не только с точки зрения раскрытия исследовательского замысла и механизмов его реализации, но и для понимания самого ученого и Учителя...

Сразу после приезда в Саппоро, 2 июня 2007 г., с радостью и воодушевлением Анатолий Викторович написал: «С понедельника принимаюсь за работу – пока отдыхаем и знакомимся с городом. Получил прекрасный офис: компьютер, принтер, Интернет, бесплатное ксерокопирование, прекрасная библиотека, откуда можно все брать в офис и даже домой... На ксерокс смотрю с опаской – а как я потом все это повезу отсюда?! Пока с ужасом думаю, как мало времени – эти 10 месяцев, и все здесь нравится. Условия для работы прекрасные, а для отдыха и тем более...

21 июня 2007 г. <...> Прошел уже месяц – с ужасом смотрю на календарь, что осталось ВСЕГО! девять месяцев...

<...> Методологическая статья в Вестник ОмГУ задумывалась как «просветительская» и рассчитана, прежде всего, на аспирантов (Имперская история России: азиатский вектор. Проблемы исследования и преподавания // Вестник Омского университета. 2007. № 4. С. 6–16. – Н. С.). Это вещь ознакомительная и размышлительная, по поводу. Крестьян, действительно, нет! Но я намерен исправить это положение и заняться колонизацией как «обрусением» и внедрением «русского гражданства». Читаю вос-

поминания Яковлева (сподвижник Ильминского) – чуваш, создатель чувашского языка и школы (в Чебоксарах есть ему памятник, университет его имени), хотя православный миссионер и «обручитель». О себе пишет – «мы русские»... Пишите, мне все интересно. Особенно про Вас – я ведь еще и Ваш ментор! Ваша статья про переселенческую политику в Сибирском комитете будет для меня очень интересной. Я хочу уловить – когда появляется осознание того, что переселение крестьян не просто решение аграрных проблем, но и нечто большее?! <...>

5 июля 2007 г. <...> Сегодня меняю тематику своих занятий и дорабатываю статью по империологии (кстати, так называется сборник, который только что выпустил Мацузато). Колонизация никак пока не востребована, хотя интерес уже появился. Мне заказали сделать доклад на эту тему на зимний симпозиум здесь. <...>

1 сентября 2007 г. <...> Поздравляю с началом нового учебного года. Праздник со слезами на глазах! Хороших Вам студентов и не очень нервной работы на кафедре. Относитесь к этому спокойнее – и старайтесь заниматься тем, что Вам больше нравится. Даже из неприятных ситуаций нужно извлекать положительные эмоции. <...>

Несколько жалею, что меня нет с Вами, но греет душу то, что я могу жить и работать здесь в полное удовольствие (см. выше пожелание Вам!). Пролетели уже три месяца – сделано немало, но планов еще больше, и с грустью смотрю на календарь – ОСТАЛОСЬ ВСЕГО СЕМЬ МЕСЯЦЕВ!

14 октября 2007 г. <...> Сейчас смотрю материал по топонимике и храмовому строительству – как символическому «обрусению» и закреплению пространства. Главная идея – как «чужая» земля становится «родной», кто и как это делает и что происходит там с русскими? Тема необъятная – так что будет много идей, но не очень много материала. К сожалению, здесь нет миссионерских журналов. Хотя есть отдельные дневники миссионеров в разных журналах. Есть здесь даже «Сибирский архив», издававшийся в Минусинске. <...>

2 ноября 2007 г. <...> Погрузился в колонизацию как обрусение... Тема гигантская, а многого здесь не хватает. Попробую это подать в виде особого «внутреннего империализма» как дис-

курса и идеологии. Важно понять, кто и когда начинает осмысливать крестьянское переселение как имперский и национальный проект. Буду активно использовать то, что мы делали для «Сибири», хотя будет много нового из Степного края и даже Туркестана. Выяснил удивительный факт – вольное крестьянское переселение в Северный: к 1914 г. там было уже 14 русских поселков, над которыми уже установило опеку Переселенческое управление. А Куропаткин в русле «политики населения» в 1915 г. уже предлагал присоединить (или установить протекторат) к Российской империи эти территории. Еще одна важная мысль, о которой мы много говорили: забота о крестьянах-переселенцах, распространение передовой культуры на окраины, просвещение инородцев могли в известной степени примирить народнически настроенную интеллигенцию с имперской политикой, которую она подвергала критике уже в рамках социального дискурса, упрекая власти в недостаточной помощи и неорганизованности землепользования. Но сами русские переселенцы, при такой высокой миссии, возлагаемой на них, мало подходили на роль культуртрегеров. Тут много противоречий, но главное – что была почва для сотрудничества. Общее понимание, что без русской колонизации азиатские окраины обречены на дикость и отсталость. Я бы хотел разрушить стену между властью и интеллигенцией, мне представляется, что она была не столь уже непроницаемой и были возможности (пусть и дистанцированного, с взаимной подозрительностью) сотрудничества. Интеллигенцию раздражало, что власти ее не слышат и не хотят слушать. Власти же упрекали интеллигентов в непрактичности... и т. д. Отчасти об этом я пытался писать и в статье про 300-летие Сибири. Так что будет много постановочных задач, которые могут стать большой книгой, которую, может быть, когда-нибудь мы с Вами и напишем вместе. <...>

12 ноября 2007 г. <...> Конечно, социально-экономический дискурс в вопросах переселения-колонизации преобладал. Это несомненно. Здесь важно пересечение социального и имперского (национального, ориентального) дискурсов. Мы должны уйти от абсолютизации одного дискурса. Эти пересечения и дадут интересное поле для наблюдения. Пока же меня интересует идеологический момент – как крестьянство оказывалось включенным в имперский дискурс и концепцию «народного самодержавия»

и своеобразного «народного империализма». В присланном Вами материале очень интересен акцент на колониальный вопрос. Вот Вам и тема для нашей совместной работы о колониальном и колонизационном дискурсах. Я уже, кажется, писал, что пытаюсь ввести в оборот понятие «внутреннего империализма» и реконструировать его идеологии. Понять, кто и как описывает процессы, призванные укрепить империю (или просто единство России). Конечно, инициативная роль здесь принадлежит Каткову. Жаль, здесь нет газеты «Московских ведомостей», да и Катков умер раньше, чем тема колонизации приобрела особое значение. Все-таки ключевой момент – это голод 1891 г. <...>

20 ноября 2007 г. <...> Интересно, что есть в библиотеке Новомбергского?! Важно то, что многие имперские переселенческие деятели работали потом при советской власти и оказали большое влияние на советскую колонизационную политику. Доклад я подал, но не успел написать самую интересную часть про «культурное бессилие» и «сомнительных русских». Кстати, как раз это и могло бы стать темой нашего совместного исследования. Посылаю текст, который представляет микс из старых штудий, в том числе и вместе с Вами, и новых мыслей и источников. Если будет время и желание – то взгляните. <...>

22 ноября 2007 г. <...> Очень рад Вашим находкам. В этом и есть ценность нашей профессии, что получаешь от этого огромное удовольствие. К сожалению, статей Татищева в «Вопросах колонизации» я не видел. В своем докладе я поставил несколько задач – посмотреть, как крестьянин-переселенец вписывался в имперскую идеологию и кто это делал. Много Вы уже слышали от меня раньше. Но, как Достоевский, я пишу про одно и то же – про имперскую власть – и пытаюсь (сейчас) преодолеть жесткое разделение власти и интеллигенции. Ситуация была куда сложнее. Переселенческий чиновник для этого хороший объект. Но это уже задача для Вас, теперь я, кажется, понимаю, что можно искать в этих многих аграрных текстах. Конечно, нужны биографии этих людей. Здесь неизбежно придется выйти за 1917 год. Кстати, если будет случай, посмотрите материалы по районированию Сибири 1920-х гг., там могут встретиться знакомые персонажи и исторические справки. <...>

26 ноября 2007 г. <...> ...Встревожен – не шокировал ли Вас мой доклад?! Конечно, получилось не совсем то, что я задумывал. Я собирал активно материал про «сомнительных русских» и «культурное бессилие», а получилось что-то заведомо браваурное – в империалистическом духе. Так что буду акцентировать внимание именно на идеологическом аспекте взгляда на тему. <...>

29 ноября 2007 г. <...> Откликнитесь как можно оперативнее... Я предлагаю сделать совместную статью о «сомнительных русских» и «культурном бессилии» крестьян в Азиатской России. Поставив главный вопрос: кто и как переживал эту проблему и в каких плоскостях она обсуждалась. В центр нашего внимания должны попасть казаки, старообрядцы и «объинородничанье», крестьяне как культуртрегеры. Кроме того, надо будет посмотреть тексты о крестьянах, чтобы понять, кто и как их описывал как «отсталых», но потенциально важных как культуртрегеров. Это будет переселение имперского и национального нарративов. Обратить также внимание на параметры «русскости» и религиозность. Конечно, надо будет поднять и большой пласт этнографической литературы. Срок небольшой, но уже есть некоторый задел. Здесь есть многие журналы – нужно только эффективно организовать наши усилия. Подумайте и о названии! Я также буду думать. Если это очень отвлечет Вас от работы над другими сюжетами, то я готов что-то сделать и сам, но без Вас это будет явно хуже. Мне явно не хватает знания крестьяноведческой литературы – а времени изучать и ее просто нет. Если Вы откажитесь (не обижусь), то я буду думать и о другой теме статьи для себя. <...>

5 декабря 2007 г. <...> Нам нужно будет четко распределить наши усилия, кто и что смотрит. Я думаю, что статью нужно построить на противоречии идеалов и реалий. Мы предлагаем рабочее название: «“Обрусение” азиатских окраин Российской империи: оптимисты и пессимисты русской колонизации». Главная цель – посмотреть, кто и как осмысливал русское крестьянское движение на восток и стремился встроить его в имперские и национальные идеологии и практики «слияния» азиатских окраин с Россией, какие надежды и сомнения возникали у имперских экспертов и практиков переселенческого дела. 1. Колонизация и «обрусение» азиатских окраин, роль крестьянского переселения в их «слиянии» с Россией. Русский крестьянин – «колонист по

природе». Седентеризация кочевников и русский крестьянин как земледельческий «инструктор» и образец оседлого и «цивилизованного» образа жизни. Имперские и национальные сценарии крестьянской колонизации второй половины XIX – начала XX в. Стремление построить крестьянское движение на восток в имперскую идеологию «внутреннего» империализма и проект «большой русской нации». 2. «Культурное бессилие» русского крестьянина-переселенца. Низкие социокультурные и хозяйственные адаптивные способности переселенцев. Забота об имидже русского крестьянина в глазах инородцев. «Объинородничанье» русских в Азиатской России. «Сомнительные» русские. Сибирские старожилы и казачество – угроза утраты «русскости», «охлаждение» к православной вере. Региональная идентичность и вызовы сибирского автономизма. Колониальный дискурс как угроза национального курса на создание «единой и неделимой» России. <...>

Так что нужно решить – потянем ли мы всю Азиатскую Россию, в которой масса региональных отличий. Хотя можно будет не влезать в частности и сделать некоторый обобщенный вариант. Но в любом случае – специфику нужно всегда держать во внимании. У меня почти нет материала по Якутии и Бурятии. Я бы смог здесь посмотреть внимательно журналы: «Русское богатство», «Русскую мысль», «Военный сборник», «Сибирские вопросы» и кое-что еще. За Вами «Вопросы колонизации». Также надо бы посмотреть «Епархиальные ведомости». Но главное – наш акцент не на крестьянах, а на тех, кто их представлял «такими»! Задел, конечно, есть, но многое нужно еще сделать. А времени всего месяц! – максимум полтора. <...>

16 декабря 2007 г. <...> Теперь о делах. «Колонизаторы» слишком рискованно, потянет за собой массу ассоциаций и колониальный дискурс. В тексте можно об этом говорить, но выносить в название не стоит. Относительно казаков я думал, но, может быть, действительно, ограничиться крестьянами (лишь упомянув о сомнительных казаках), уточнив название – «“Обрусение” азиатских окраин Российской империи: оптимисты и пессимисты русской крестьянской колонизации». Правда, название слишком громоздкое. Есть еще один изъян – хронология! Епархиальные ведомости есть и в библиотеке ОмГУ, и в музее. Очевидно, что-то есть и в «Пушкинке». Там надо обратить внимание на сетования

в недостатке церквей, священников и религиозном индифферентизме русских крестьян. Конечно, журналы удобнее смотреть здесь – если это имеется в библиотеке. В Омске же смотреть то, что здесь недоступно. Здесь есть все материалы Государственной думы и Государственного совета. Надо бы мне посмотреть здесь газету «Оренбургские губернские ведомости» – там был удивительный колонизационный прорыв в Тургайскую область.

<...> Попробуйте описать свое видение статьи – ее возможную структуру. Пусть это будет в самом рабочем виде. Главное – провести ревизию, что у нас есть. В свою очередь, я пройду по Вашей схеме и впишу, что есть у меня. В скобках можно указывать авторов текстов. Главный акцент – на тех, кто так думал и презентовал крестьян-переселенцев в империи. Майнов есть и здесь – я также буду его смотреть. Сделаю фотокопию. Напишу Борисову – может, он посоветует какие-то свежие работы. Но Якутия для нас не так и важна, а вот с Бурятией сложнее. Давайте попробуем составить список источников и литературы, которые мы намереемся привлечь для статьи. Конечно, это не будет монография – статья важна своей концептуализацией. А сателлитами можно сделать целый ряд мелких публикаций в «братских могилах». Чтобы хоть как-то освоить материал. Еще один важный аспект: мы должны точнее определиться в терминологии (как ее осмысливали наши герои) – «обрусение», колонизация и переселение. <...>

19 декабря 2007 г. <...> Над Вашими замечаниями и размышлениями я думаю. У названия было, разумеется, много вариантов. В том числе – заменить «оптимистов» и «пессимистов» на «оптимизм» и «пессимизм», или проще «надежды» и «разочарование». Кстати, это важно – это ракурс нашего исследования. Что мы изучаем: людей или идеи?! Если то и другое – то в каком соотношении, что в приоритете?! Но к этому можно будет вернуться. Про «колониальный дискурс» стоит только упомянуть – это особая тема. Марк Бассин меня давно подбивает написать об этом статью. Но для этого нужно специально многое смотреть! Хотя этот вопрос на разных конференциях мне адресуют с удивительным постоянством самые разные люди. Пока я отбиваюсь своей статьей про Сибирь – «колония» или «окраина». У меня было любопытное замечание о контексте «колония» у областников в ста-

тье про 300-летний юбилей Сибири. Я поймал мысль, что для областников статус «колонии» не всегда носил отрицательный, осуждающий характер. Но об этом мы не будем – проблем и без этого предостаточно. Разделить по темам, а не по людям – с этим я абсолютно согласен! Тем более что «оптимисты» не были лишены пессимизма, а у «пессимистов» не все выглядело так уж безнадежно! Но я буду тянуть в свою сторону – меня интересуют имперская власть и ее эксперты... Хотя в этой статье строго ограничиться этим не удастся. Важно показать, в каких плоскостях разворачивался дискурс «обрусения» в связи с крестьянской колонизацией, с какими другими дискурсами он пересекался. Административное «обрусение» стоит только упомянуть и сделать сноску (одно предложение!), а вот Ваша идея «русской» модели крестьянского и инородческого (особенно последнего) мне представляется богатой! Вам за нее и держать ответ! Хронология – конечно, это с середины 19 в.: идея Каткова может послужить отправным моментом в новом национальном курсе. Главное – уловить и подчеркнуть, когда крестьянскому движению придают «обрусительный» смысл. Как транслируется опыт западных окраин, где, как мне кажется, впервые актуализируется идея насаждения «русского элемента». Это есть в книге и статье Горизонтова. Есть схожая тема и на Кавказе – но хронологически более поздняя. Казачество я посмотрю – это будет первое, что я постараюсь сделать. Тогда станет понятно, что у меня есть и чего не хватает. Про офицерское казачье землевладение можно посмотреть материал у Андреева. Сектантов и раскольников – кроме того, что у нас есть, – нужно смотреть в «Епархиальных ведомостях» и в «Православном благовестнике». Есть хорошие идеи и у Джераси в статье о христианизации киргизов. Надо посмотреть статьи Себастьяна Пероуза на эту же тему. Западная историография также на мне. «Старожилами», я думаю, особенно увлекаться не будем – оставим их только в разделе “сомнительные русские”. Как быть с «инородцами»? Их «обрусение» – особая тема... Я думаю, что нам нужно в статье сосредоточиться на русских и разных трактовках «русскости». Они нас будут интересовать только в связи с оценкой культуртрегерских способностей русских. По поводу «объинородничанья» – я думаю, что эта тема была излишне драматизирована (на что и попался Сандерланд), как нечто «необыч-

ное» (это ключевое слово!). Даже Ядринцев, кажется, понимал, что переоценил опасность такой угрозы. Речь ведь шла о маргинальных зонах Сибири – в Степном крае казаки и даже крестьяне, конечно, перенимали элементы инородческой культуры, но всегда сознавали (или переживали как нереализованное) свое культурное или военное превосходство. Особенно это было сильным в Туркестане. Апофеоз этих «обнаглевших» переселенцев – события 1916 г. Об этом я напишу! Про немцев, поляков, прибалтов как культурно более высоких (и поэтому особо опасных) напишите Вы. Я лишь кое-что добавлю. «Оптимизм» и его смысл возьмем из моего доклада в Саппоро. Тем более что его я также должен доводить до состояния статьи. Но там будет сделан акцент на способности крестьян «обрусить» землю и изменить географию империи. <...>

12 января 2008 г. <...> Теперь о наших делах. На дворе уже 12 января – пора активно браться за дело. Предлагается несколько скорректированное название: «“Обрусение” азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации». Первую часть («оптимизм») мы нарежем из нашего текста про колонизацию Сибири, добавим туда Степной край и Туркестан. Это можно сделать и из моей саппоровской статьи, которую к 10 февраля я должен сдать редактору. За Вами кусок про «переселение» и «колонизацию». Я посмотрю, как это выглядело в Государственной думе. Там, кажется, разводили просто как «выселение» и «заселение», актуализируя тем самым проблемы решения аграрного кризиса в центре (в первом случае) и хозяйственного освоения окраин (во втором). Но, очевидно, это только одна из версий.

Сложнее с «пессимизмом», который нужно писать заново.

Подумайте на такую тему. В фольклоре народов русского востока запечатлелись это жадное стремление русских колонистов к земле и «хитрость», с которой они ее приобретают. Утверждения, что земля «божья» и «мирская», получают в этом контексте дополнительное основание справедливости того, чтобы занять ее, не стесняясь правами местных жителей. Какие еще основания своих прав на новые земли бытуют у крестьян? Эту землю забрал для них русский царь?! Есть ли какие-то еще заметки? Может, посмотреть сибирский фольклор и есть ли об этом что-то у переселенческих наблюдателей? Я посмотрю еще раз у Куломзина.

Совсем кратко в «пессимизме» надо упомянуть об отношении русских крестьян к инородцам. Майнова смотрю я? Мне это очень удобно – взять оригинал в библиотеке... За Вами полностью «Вопросы колонизации». Здесь не оказалось «Русского вестника» – надо бы также посмотреть. Есть «Северный вестник» – но не весь комплект. Эти журналы есть в нашей универовской библиотеке. <...>

11 ноября 2010 г. <...> Я все еще мытарюсь по больницам, и обещают положить только на следующей неделе. Так что все по-прежнему, в подвешенном состоянии... Очень интересные дела в РГИА, дадут ли Вам дело о Переселенческом управлении, нашли ли Вы, через что проходил законопроект, был ли это Государственный совет? Если это так, то лучше всего искать в нем – там хороший указатель по фондам. Может, стоит зайти в каталог?

14 ноября 2010 г. <...> Я подозревал, что фонд большой и отчетов множество. Постарайтесь хотя бы посмотреть историю создания Переселенческого управления и, самое главное, мотивацию его создания и дискуссию между ведомствами в этой части. Важно понять, что надо смотреть дальше, в будущем!

3 февраля 2011 г. <...> Вчера нарезал и присочинил статью о казачестве. Может, еще и не возьмут – казаки у меня получаются не очень хорошие. Худяков звонил и говорил, что его мать в детстве батрачила у казаков и вспоминала, что более ленивых людей не видела. Так что в нашей будущей книге будет хороший задел на главу. Прилагаю, почитайте, пожалуйста...

4 февраля 2011 г. <...> Я думаю, что с начала марта смогу стать в строй (у меня ведь еще и культурологи!)... Нашел интересную статью об Экспедиции Щербины (есть состав и проч.). Там был и Чермак с «предосудительным» формуляром. Думаю, не он один... Сотрудничали Букейханов и проч. <...>

27 марта 2011 г. <...> ...Успешной Вам поездки. Посмотрите журнал «Русское обозрение» за 1920 год (Пекин). Нужны воспоминания П. В. Вологодского. Будет хорошо, если Вы зайдете в Институт истории... Держите меня в курсе о ваших питерских делах. Я заказал книгу Н. А. Ивановой о сословном обществе в России, так что не вздумайте покупать. Жду степную колонизацию. <...>

31 марта 2011 г. <...> Рад за Вас и питерскую погоду. Привет Лукичу! Кажется, записка о переводе киргизов в осед-

лость есть у меня, если это конец 19 в. Действительно, в библиотеке РГИА можно найти много интересного. Завтра отправлю статью про постколониализм и тут же буду смотреть степную колонизацию. На факультете все нормально. Держите меня в курсе Ваших питерских событий... Посмотрите журнал «Сибирский архив», особенно последние номера, нет ли там продолжения статьи Колосова про Ядринцева и Драгоманова. Начало у меня есть, но было обещано продолжение...

18 апреля 2011 г. <...> ...Спасибо Вам за этот труд. Выглядит как некролог (это о юбилейной статье. – Н. С.)! Шучу, особенно в преддверии завтрашней поездки к врачу. Красным я внес исправления, а зеленым – лучше убрать. Прилагаю еще интервью, которое я дал по проекту В. П. Корзун. Может быть, это покажется Вам любопытным. А также новую статью о Вологодском, которую я написал при Вашей поддержке. А впереди нас ждет большой труд по истории славянской миграции в Сибирь, для Дятлова!!!

31 июля 2011 г. <...> Нашел редкую статью Остафьева из «Юридического вестника» (1891, № 5–6, 7–8). Кстати, у Остафьева также «предосудительный формуляр»! Таких, как Щербина, оказывается, в Сибири и особенно в Степном крае очень много. Щербина, Шкапский, Швецов, Чермак и т. д. В Омске они контролировали газету «Степной край». Важно дать не только организационные структуры, но и людей, которые предлагают не только новые методы, но и новый язык описания колонизации. <...>

8 августа 2011 г. <...> Надеюсь, через пару дней войду в форму. Прислали из Иркутска макет монографии, надо будет до 14-го посмотреть. Но пусть Вас беспокоит только новый наш текст. Хорошо бы дней (максимум!) через десять иметь уже черновой набросок, пусть и с большими лакунами, чтобы понимать, в каком месте мы находимся. Как я понимаю, к 1 сентября нужен текст доклада (страниц на 30), поэтому главное его сейчас выстроить концептуально. <...>

26 августа 2011 г. <...> Как договорились. Жду первую часть. А я делаю комитеты. <...>

18 сентября 2011 г. <...> Наконец-то я осилил весь текст. По мере сил какие-то правки и вставки сделал. Но в последнем разделе мне так и не удалось все это отформатировать и свести в единый текст. Но, я думаю, у нас еще будет время. <...>

21 сентября 2011 г. <...> ...Счастливого Вам пути, хорошей погоды и интересных собеседников. Проект доделаю, а отправим уже с Вашим приездом.

Я написал Дятлову:

«Дорогой Виктор Иннокентьевич, к сожалению, меня снова не будет с Вами, но полномочный представитель (Суворова) уже в пути. Мы, как всегда, написали большущий текст, и он, очевидно, не очень вписывается в какую-то общую канву. Мы все-таки постарались посмотреть на проблему управления миграциями, а также на язык описания миграций и адаптаций, а главное – проблему решения земельного вопроса, который был тогда самым главным. Очень интересными, как нам кажется, стали включение науки в управленческие процессы, стремление ученых перехватить инициативу или хотя бы активно воздействовать на власть в этом деле, которое описывалось как «живое дело». Знаменательным было и то, что сами переселенческие чиновники начинают понимать, что в этом деле нельзя действовать только бюрократическими методами, а смена «системы», или «режима», автоматически не обещает кардинального решения проблемы. Это не означает общего примирения, но некоторое сближение власти и общества, формирование гражданских институтов можно наблюдать. Конечно, много в тексте институциональных подробностей, которыми легко можно пожертвовать. Но нам казалось важным, как эти институции (как организационные структуры, так и институциональные «правила игры») формировались и какие акторы действовали на миграционном поле. Так что предвижу некоторые трудности на семинаре – доклады получились уж очень разные. Успехов Вам, обо мне все знает Суворова. Хорошей Вам погоды, интересных разговоров и новых проектов. Поклон всем!!!» <...>

Незавершенная переписка и неразрешенные научные вопросы, поставленные в этих письмах, оставляют мне возможность продолжать начатую работу.

Н. Суворова

ВВЕДЕНИЕ

В работе речь идет не о социально-экономическом аспекте аграрных миграций крестьян, а о теоретических конструкциях империи, которая находилась в поиске национальной консолидации «единой и неделимой» России. Аграрное движение русских крестьян на новые земли включалось в идеологию так называемого «внутреннего империализма», а с рубежа XIX – начала XX в. стало осознаваться задачей первостепенной государственной важности. Все это позволяло современникам, а затем и историкам интерпретировать миграционные процессы как естественное расселение русских, не упуская не только имперских, но и национальных мотивов того, что область колонизации «расширялась вместе с государственной территорией»². Заселение азиатских окраин русскими стало частью формирующегося национального дискурса, включившего в описание «русского дела» понятийный ряд: «мирное завоевание», «оживление» окраин, «водворение русской гражданственности», а чаще всего «обрусение».

Российская империя имела свой сценарий освоения пространства и его закрепления в рамках государственной территории. Поглощение азиатских окраин может быть представлено не только как постепенное расширение национального русского ядра, но и как создание русских анклавов («островков русского мира») в стратегических зонах Русской Азии. Со второй половины XIX в. движение русского населения на имперские окраины (как стихийное, так и регулируемое государством) начинает осознанно восприниматься в правительстве и в обществе как целенаправленное политическое и национальное конструирование империи. Это была своего рода сверхзадача, которая с 1860-х гг. формулируется как новый стратегический курс на создание «единой и неделимой» России. Вместе с тем во взглядах имперских наблюдателей, теоретиков и практиков управления на крестьянское переселение никогда не существовало единства. При очевидной разнице в масштабах и целях теоретических концепций и объяснительных моделей их объединяли схожая цивилизационная риторика и признание исключительной важности роли русского крестьянина

² Ключевский В. О. Сочинения: в 8 т. М., 1956. Т. 1. С. 31.

в политическом, экономическом, социокультурном и ментальном расширении России. Предлагаемые идеологические формулы уже не замыкались в служебных документах или научных трактатах, а тиражировались и пропагандировались журналами и газетами, становясь важным фактором формирования общественного мнения, стереотипизации исторического и географического смыслов крестьянского движения в степную зону Азиатской России. В результате для переселенческого движения крестьян был найден новый, порой противоречивый, политически нагруженный социальными, имперскими и национальными смыслами язык описания. Образы русского переселенца в прочтении имперских экспертов XIX в. представляют весьма показательный пример манипуляций культурной дистанцией, геополитического искажения реалий фронта. Обострение национальных вопросов на имперских окраинах, а также формирование собственно русской национальной идеи постепенно корректировали цивилизационный дискурс российского интеллектуального общества. Деление общества на «мир культуры» и «мир дикости» усложнялось, наполняясь новыми, в том числе национальными и региональными, характеристиками.

Имперским экспертам удалось задействовать значительное число научных экспертов, в том числе и за счет привлечения политических ссыльных и «неблагонадежных» лиц, которые обеспечили трансляцию не только профессиональных знаний, но и нового языка описания социальных и национальных процессов, стремились внедрить в правительственные документы элементы либеральных, демократических и даже социалистических программ. Именно эти люди внушили властям, что научное знание сможет обеспечить бесконфликтное и рациональное решение земельного вопроса.

Чиновники, ученые, общественные деятели, совместно действуя в научных и просветительских обществах (членство в которых становилось своего рода нормой), а также в инициированных правительством экспедициях по изучению географических, хозяйственных и демографических условий колонизации, формировали новую общественную среду со своим этосом, что могло отдалить их от местного полицейско-административного аппарата, помочь интегрироваться, хотя бы некоторым, в общий поток интеллигенции. Такая ситуация порождала новые миграци-

онные сценарии, региональный аспект которых демонстрировал возможности не только конфликта, но и сотрудничества самых разных акторов: имперских центральных и местных бюрократических структур, новых администраторов в виде переселенческих чиновников, окрыленных возможностями реализации «живого дела», ученых, рекрутируемых как из академической среды, аграрной науки, общественных активистов, так и из числа политических ссыльных и лиц, находящихся под надзором полиции, а также лидеров регионального («сибирского областничества») и национального (казахского) движений. Предлагаемые ими различные колонизационные сценарии и способы седентеризации кочевников, возможные варианты решения земельного вопроса становились частью широкого общественно-политического дискурса, включившего имперские, национальные, социальные (от консервативных до либеральных и даже социалистических) программы и языки описания. Сущностными чертами такого явления стали институциональные правила и формы организации взаимодействия «знания и власти» (М. Фуко), взаимоотношения центральных и местных органов управления (имевших существенные различия во взглядах на темпы и формы крестьянского переселения, положение казачьего населения, на эффективность и конфликтный потенциал ускоренного разрушения кочевого социума, происходившего на фоне пробуждающегося национального самосознания казахов), сотрудничества чиновников и интеллигенции, которые пытались прорвать разъединяющие их преграды, а также появление новых каналов и механизмов общественного воздействия на общий политический курс колонизации степных областей и формирование местных институтов гражданского общества.

Смена исследовательских ракурсов в изучении традиционной тематики переселенческих движений позволила приблизиться к иному пониманию сущности миграционных процессов и механизмов восприятия принимающим обществом нового населения с иными культурными кодами, преодолеть жесткие оценки колониальных трактовок политики России в данном регионе, по-новому взглянуть на значение и смысл «русского вопроса» и перевести научную и общественную дискуссию в плоскость более широких процессов взаимодействия и симбиоза традиционности

и модернизации, найти новые объяснительные модели исторически длительного сосуществования.

Исследование основывается на современных достижениях новой имперской истории, ментальной географии, интеллектуальной истории, этнологии и культурной антропологии. Задача авторов состояла в соединении новых теоретических подходов современной гуманитаристики с традиционным анализом конкретно-исторического материала, собранного в центральных и местных архивах. Проблематика исследования и специфика предметного поля определяют теоретико-методологический контекст работы. Проблемы русской колонизации в Сибири в целом и в частности на территории Омского Прииртышья рассматриваются с учетом национального и регионального факторов. Региональная история позволяет описывать историческое пространство как целостную территориальную систему, вобравшую в себя общее и особенное, совмещать генерализирующие методы с возможностями локальной истории, макро- и микроистории. В таком случае история колонируемого региона не сводима только к совокупности отдельных историй народов, проживающих на данной территории, это еще и поле столкновения и взаимодействия разного рода имперских, национальных, социальных, экономических, религиозных и культурных идей и практик, ареал деятельности «строителей» и «разрушителей» империи. Очевидные достоинства регионального подхода заключаются в возможности не абсолютизировать, не замыкать исследовательское пространство единственно возможным форматом, будь то национальный, территориальный или социально-экономический, но сочетать их, добываясь полноты реконструируемой реальности. Ключевым понятием исторической регионалистики является понятие «регион», понимаемое как историко-географическое пространство. Следует подчеркнуть продуктивность введения данного понятия именно для имперских исследований, так как оно позволяет отказаться от эмоционально перегруженных оценочных категорий: «метрополия», «колония», «периферия».

Избрав региональный подход, авторы анализируют два территориальных уровня – так называемую «большую Сибирь», включающую азиатские окраины Российской империи, и на этом

фоне – Степную Сибирь, или Омское Прииртышье. Детализация колониционных процессов в рамках Омского Прииртышья позволяет выявить специфические «степные» акценты имперских, цивилизационных и национальных идеологем, определить дополнительные экономические и социокультурные параметры интеграции, обусловленные географическим расположением в «пограничье» лесостепной зоны, а также активными контактами оседлой (земледельческой) и кочевой (скотоводческой) культур, христианской и исламской конфессий и традиционных верований, симбиоза азиатского традиционализма и «дара модерности» Российской империи. Регион Прииртышья (и шире – юга Западной Сибири и северо-восточных районов Степного края) во второй половине XIX – начале XX в. стал территорией интенсивного миграционного воздействия русских крестьян-переселенцев, движимых не только аграрным кризисом в центре страны, но и своеобразной миссией расширения русского культурного и политического пространства – «Русского мира». Целенаправленная колониционная политика в Омском Прииртышье (особенно в так называемый «стольпинский период») потребовала расширения круга акторов, прежде всего за счет масштабного научного исследования колониционного потенциала региона, выработки возможных сценариев хозяйственных и межкультурных контактов различных этнических, сословных и конфессиональных групп. В настоящем исследовании предложен анализ представлений правительственных и общественных экспертов о славянской колонизации Омского Прииртышья («Сирого клина» – в украинской интерпретации) второй половины XIX – начала XX в. как большого пограничного социокультурного пространства и регионального варианта формирования «большой русской нации», включающей великороссов, украинцев и белорусов, а также некоторые неславянские этнические группы.

Выделяя два уровня регионов, авторы не предполагают жестко увязывать их с количественными параметрами, административными или политическими границами, но стремятся учитывать прежде всего ментальные характеристики территории. При этом будет использован понятийный аппарат регионалистики и ментальной географии, разработанный В. Л. Каганским

и Д. Н. Замятниным³. Так же как и в национальном нарративе (Э. Геллнер, Б. Андерсон, Э. Смит, М. Хрох, В. А. Тишков), в региональных исследованиях существуют крайние позиции: признание региона объективно заданной реальностью или исключительно «воображаемым» конструктом. При наличии крайних позиций попытка их синтеза выглядит оправданной и продуктивной. Для описания политических и управленческих процессов будет использовано уже апробированное А. В. Ремневым понятие «географии власти»⁴.

Расширение смыслов и приращение эмоциональных коннотаций термина «колонизация» потребовали более четкого его определения в конкретно-историческом контексте. Первоначально достаточно узкое толкование ограничивало колонизацию как процесс массового вселения в некультурную (или малокультурную) страну выходцев из цивилизованного государства. В дальнейшем колонизация получает все более негативное звучание, связанное с эксплуатацией природных ресурсов, местного населения, захватом рынков, эксплуатацией природных ресурсов и дешевой рабочей силы для получения максимальной прибыли. Колонизация (особенно в постсоветской казахстанской историографии) рассматривается как процесс формирования отношений

³ Каганский В. Л. Методологические основания регионального анализа как культурной практики: [Интернет-портал «Россия»]. URL: <http://rospil.ru/tu00/37.htm> (дата обращения: 20.11.2013); Он же. Национальная модель культурного ландшафта // Гуманитарная география: науч. и культурно-просветит. альманах. Вып. 6. М., 2010. С. 293–296; Замятин Д. Н. Власть пространства и пространство власти: географические образы в политике и международных отношениях. М., 2004; Он же. Культура и пространство: моделирование географических образов. М., 2006.

⁴ Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004; Он же. География власти и ее региональная историческая динамика в Сибири и на Дальнем Востоке России (XIX – начало XX вв.) // Вопросы социальной истории России конца XVIII – начала XX вв.: сб. науч. трудов / под ред. В. Н. Худякова. Омск, 2004. С. 3–14; Он же. Российский Дальний Восток и имперская география власти: историографические и методологические наблюдения в контексте современности // Россия и островной мир Тихого океана. Южно-Сахалинск, 2010. Вып. 2. С. 5–29; Remnev A. V. Asiatic Russia: Colonization and «Russification» in the Imperial Geography of the Nineteenth to Early Twentieth Centuries // Asiatic Russia Imperial Power in Regional and International Contexts / ed. by Tomohiko Uyama. Routledge, 2011. P. 102–129.

«господства – подчинения», позиционирование отличий между «цивилизированной метрополией» и «некультурной колонией»⁵. Ближким к такому пониманию колонизации является и понятие «фронтира» (Ф. Тернер⁶) как подвижной границы, места активных межцивилизационных контактов. В последние годы предпринимаются активные попытки применить теорию фронтира к истории Сибири и Казахстана⁷. Перспективы подобных подходов продемонстрированы как в западных, так и в российских исследованиях⁸. Тема «внутреннего колониализма»⁹, «внутренней колонизации»¹⁰, расширяющегося «фронтира» и «пограничья» на окраинах

⁵ Козыбаев М. К. История и современность. Алма-Ата, 1990; Мажитов С. Ф. Вопросы методологии изучения характера колониального господства России в контексте истории Казахстана начала XX века // Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. Алматы, 1994. С. 62–73; Абдиров М. Ж. Завоевание Казахстана царской Россией и борьба казахского народа за независимость (из истории военно-казахской колонизации края с конца XVI – начала XX вв.). Астана, 2000; Айтенова Б. К. Проблема колонизации Казахстана Российской империей в современной казахстанской историографии // Человек в контексте эпохи. Омск, 2005. С. 290–294 и др.

⁶ Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории / пер. с англ. А. И. Петренко. М., 2009.

⁷ Bassin M. Turner, Solov'ev and the «Frontier Hypothesis»: the Nationalist Signification of Open Spaces // Journal of the Modern History. 1993. N 65. P. 473–511; Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005; Агеев А. Д. Американский «фронтир» и «сибирский рубеж» как факторы цивилизационного разлома // Американский и сибирский фронтир. Томск, 1997. Вып. 2. С. 30–36; Он же. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. Иркутск, 2002.

⁸ Demko J. The Russian Colonization of Kazakhstan, 1896–1916. Bloomington, 1969; The Siberian Saga: a History of Russia's Wild East // ed. by Eva-Maria Stolberg. Frankfurt am Main, 2005; Dave B. Kazakhstan. Ethnicity, language and power. New York, 2007; Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History / ed. by N. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. Routledge, 2007; Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX веков / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков, И. В. Побережников. М., 2004.

⁹ Хетчер М. Внутренний колониализм // Этнос и политика: хрест. / авт.-сост. А. А. Праззаускас. М., 2000.

¹⁰ Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. статей / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М., 2012; Уффельманн Д. Подводные камни внутренней (де)колонизации России // Политическая концептология. 2013. № 2. С. 57–84; Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / авториз. пер. с англ. В. Макарова. М., 2013.

Российской империи помимо военных действий и организации управления может включать и «конструктивные» аспекты русской колонизации: «рождение новой социальной идентичности, этнических отношений, новых ландшафтов, регионального хозяйства и материальной культуры»¹¹. В работах данного направления с использованием различных методик, в том числе лингвистических и культурологических, предпринимается попытка выявить на уровне понятий и практик специфику явления, определяемого как «внутренняя колонизация», «внутренний колониализм», «фронтир». Не всегда оправданно расширяя хронологию, например включая период сталинской коллективизации, авторы в поисках преемственности дискурсов утрачивают важнейший фактор, определяющий их содержание. Ситуация постмодернистского переворота в гуманитарных исследованиях ограничила исследователей рамками текста, сведя воедино, без разграничения, представления не только имперских чиновников, ученых, общественных деятелей, но и советских сталинских идеологов. Имея, несомненно, значительный исследовательский потенциал, предоставляя широкую компаративную панораму бытования указанных терминов, данный подход, очевидно, нуждается в весомой конкретно-исторической аргументации, подтверждающей заявленный тезис о существовании в неопределяемо широких исторических рамках «внутреннего колониализма», тем более без внутренней периодизации этого явления. Один из способов преодоления этой ситуации видится в акцентировании исследовательских интересов на самих носителях языка, поиске объяснительной модели возникновения и бытования подобного дискурса.

При этом следует понимать, что «пограничье» не есть периферия (или не только периферия), импульсы сюда идут не из единого центра, а сама граница может стать сгустком разного рода воздействий. В реальности мы можем обнаружить своеобразное «гибридное общество», в котором «сопротивление» и «лояльность», чувства «отчужденности» и «принадлежности» сосуществуют и переплетаются, проявляясь ситуационно, складываются

¹¹ Баррет Т. Линии неопределенности: северокавказский «фронтир» России // Американская русистика. Вехи историографии. Имперский период. Самара, 2000. С. 163–195.

парадоксальные отношения любви и ненависти, связывающие «колонизаторов» и «колонизуемых». Граница между ними оказывается не линией, а динамическим пространством, а потому его очертания при анализе нередко ускользают от четкого определения. Ориентализм и постколониальный дискурс (Х. Бхабха, Д. Чакрабартти) становятся все более влиятельными в постсоветских государствах, отрицая «великие нарративы» колониализма и модернизации как способ уйти от универсалистского европеизма с его жесткими оппозициями «Запад – Восток», «цивилизованный – нецивилизованный»¹². Одним из способов такого преодоления стало обращение к евразийским теориям, столь популярным в современном Казахстане.

Существуют и другие доказавшие продуктивность научные подходы, объединяющие исследование национальной идентичности и пространства, в рамках которого происходит ее формирование. Например, «география национальной идентичности» предполагает, что именно география как среда является одной из «несущих структур» образа нации¹³. Переселение на новую территорию и процессы социокультурной и хозяйственной адаптации решительным образом обостряют проблемы организации национального пространства, воссоздания определенной географической иерархии идентичностей разного уровня. Отсутствие подобной иерархии или ее слабость могут явиться одним из факторов разрушения идентичности («обынородчивание» – В. Сандерланд) или возникновения новых региональных идентичностей (например, «сибиряк», «степняк»)¹⁴. Особое место отведено элементам так называемого «национализированного» и антропогенного культурного ландшафта, которые становятся важной частью символического конструирования. Представления русского пересе-

¹² Бхабха Х. Местонахождение культуры // Перекрестки. 2005. № 3–4. С. 161–191; Чакрабартти Д. Обиталища модерности: эссе по следам Subaltern Studies // Перекрестки. 2007. № 3–4. С. 166–201.

¹³ Бассин М. К вопросу о географии национальной идентичности // Идентичность и география в современной России. СПб., 2003. С. 10–14.

¹⁴ Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология. М., 2005. С. 199–287.

ленца о «новой родине», «новой России» в Степном крае оставались крайне нестабильными, изменчивыми, как и сами национальная и социокультурная идентичность и культуртрегерский потенциал русского переселенца или старожила. Несмотря на признание стержневой роли народной колонизации в российской истории (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский), миграционное движение крестьян поздно попадает в поле зрения историков как феномен имперской идеологии и практики в связи с «обрусением» азиатских окраин и «национальным» курсом¹⁵. Переосмысление переселенческого движения, наделение его помимо социально-экономических еще и национальными, геополитическими характеристиками начинается в России во второй половине XIX – начале XX в. в связи с обострением так называемых имперских национальных и конфессиональных вопросов. Заслуга постановки проблемы в таком ракурсе принадлежит дореволюционным исследователям, которые были непосредственно причастны к формированию и реализации колонизационной политики Российской империи на окраинах (А. А. Кауфман, В. П. Вошинин, Г. К. Гинс, Г. Ф. Чиркин и др.)¹⁶. Социальный, национальный и др. факторы начинают волновать правительство тогда, когда на первый план выносятся проблемы не только решения аграрного вопроса во внутренних губерниях России (вытеснение малоземельных крестьян или лиц, неугодных крестьянскому обществу и помещику), но и русского заселения степных областей Азиатской России. Государство, возлагая на переселенческое движение решение важнейших геополитических, экономических, национальных задач, было заинтересовано в сохранении «русскости» переселенческого населения. Приоритеты государства в связи с этим должны

¹⁵ Сили И. Возникновение и источники теории «колонизации» С. М. Соловьева // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 150–154.

¹⁶ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905; Он же. Переселение. Мечты и действительность. М., 1906; Вошинин В. П. Переселенческий вопрос в Государственной Думе III созыва. Итоги и перспективы. СПб., 1912; Он же. На сибирском просторе. СПб., 1912; Гинс Г. К. Переселение и колонизация. Вып. 2. СПб., 1913; Чиркин Г. Ф. Очерк колонизации Сибири второй половины XIX и начала XX в. // Очерки по колонизации Севера и Сибири. Вып. II. Пг., 1922. С. 79–132; Он же. О задачах колонизационной политики в Сибири // Вопросы колонизации. 1911. № 8. С. 1–37.

были смещаться от узкой задачи – заселения любым, даже «слабым населением» – к более широкой – созданию экономически устойчивого русского населения, способного не только к хозяйственному освоению окраин, но и к культурному воздействию на принимающие социумы. Военная наука, в рамках которой в основном и формируется российская геополитика, выделяла как один из важнейших имперских компонентов «политику населения», предусматривавшую активное вмешательство государства в этнодемографические процессы, регулирование миграционных потоков, манипулирование этноконфессиональным составом населения на имперских окраинах для решения военномобилизационных задач¹⁷. Прежде всего это было связано с насаждением русско-православного элемента на окраинах с неоднородным составом населения или на территориях, которым угрожала демографическая и экономическая экспансия. Между тем приоритетным направлением исследования крестьянского переселения в дореволюционной историографии оставалось социально-экономическое, predetermined результатом которого стала многоплановая картина стабильно ухудшавшегося бедственного имущественного положения крестьян, только усугублявшегося бюрократически плохо организованными миграционными процессами. Советская историография, унаследовав традиции дореволюционного народнического демократизма, предпочитала рассуждать в рамках классового нарратива, демонстративно разделяя «царизм» и «народ», «самодержавный режим» и «прогрессивную интеллигенцию». Переходными фигурами отечественной историографии стали «имперские эксперты», востребованные новой эпохой. Первое систематическое изложение теории колонизации было предложено отечественными исследователями в 1926 г. в связи с образованием на землеустроительном факультете Московского межевого института секции колонизации и переселения. Переселенческий вопрос в условиях социалистического государства составлял часть общей проблемы рационального распределения населения по всей территории страны.

¹⁷ Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // *Rossia*. 1998. Vol. XXI. № 11/12. С. 26–54.

Проблемы крестьянских миграций во второй половине XIX – начале XX в., влияние переселений на экономическое освоение региона стали приоритетными направлениями не только в советском сибиреведении, но и в работах исследователей истории Казахстана и Средней Азии. Методологической основой изучения крестьянской колонизации стало ленинское определение Сибири как «колонии в экономическом смысле». Несмотря на то, что это определение считается в настоящее время явно недостаточным, и сегодня исследователям приходится сталкиваться с известными трудностями в понятийном аппарате, пытаясь разобраться в хитросплетениях терминов: «центр», «внутренние губернии», «периферия», «окраина», «колония», «колонизация», «переселение» и т. п. Доказательствами непреходящего и все возрастающего интереса к проблемам переселения и колонизации в отечественной историографии служат коллективный исследовательский проект новосибирских историков под руководством профессора М. В. Шиловского и изданные ими три выпуска сборника документов «Сибирские переселения», а также коллективная монография «Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII–XX вв.» и ряд сборников статей¹⁸. Новые аспекты миграционных процессов в Сибири поставлены на повестку исследования в большом межрегиональном проекте Иркутского государственного университета: «Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков»¹⁹. Большое внимание колонизацион-

¹⁸ Сибирские переселения: документы и материалы. Вып. 1. Новосибирск, 2003; Сибирские переселения. Вып. 2. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений: сб. документов. Новосибирск, 2006; Сибирские переселения. Вып. 3. Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVI – начале XX в.: сб. документов. Новосибирск, 2010; Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века: сб. материалов регионал. науч. конф. Новосибирск, 2007; Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII–XX вв. Новосибирск, 2009.

¹⁹ Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск, 2010; Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов; Иркутск, 2011; Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск, 2012.

ным процессам уделяется национальными историографиями постсоветских государств, чему, в частности, может служить свидетельством большое количество защищаемых по этой проблематике диссертаций, публикаций документов и конкретно-исторических исследований²⁰.

В этой связи авторы данного исследования стремились к переосмыслению итогов современной сибирской и казахстанской историографии, в которой по-прежнему доминируют оценки положения казахской степи в составе России как колонии, а также однозначно негативные оценки колонизаторской и колонизационной политики²¹. История имперского периода представлена преимущественно как история колониальная (возражения российских коллег воспринимаются казахстанскими учеными как «апологетика цивилизирующей роли» России), в нем сосуществуют два

²⁰ Тебаев Д. Б. Казахские жузы и российская политика на территории Степного края во второй половине XVIII – первой четверти XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; Абдрахманова Б. М. История Казахстана: власть, система управления и территориальное устройство XIX в. Астана, 2001; Джампеисова Ж. М. Функционирование традиционных властных институтов казахов в колониальной системе Российской империи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2004; Рахимбекова А. К. Роль имперского фактора в трансформации казахского общества (XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2004; Мусабалина Г. Т. Потестарно-политические институты казахского общества и колониальная администрация царской России (первая четверть XVIII – первая половина XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2001; Сариева Р. X. Колониальная политика царизма в Казахстане на примере Тургайской области (1868–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2002; Рахимбекова А. К. Роль имперского фактора в трансформации казахского общества (XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2004; Барсукбаева А. М. Колониальная политика царизма в казахских землях в XIX–XX вв. на материалах Северо-Восточного Казахстана: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2005; Аграрная история Казахстана (конец XIX – начало XX в.): сб. документов и материалов. Алматы, 2006; Коншин Н. Я. Труды по казахской этнографии / сост. А. С. Сейдимбек, Н. Ж. Шаханова. Астана, 2007; История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв.: в 10 т. Алматы, 2005–2010 и др.

²¹ См. подробнее: Ремнев А. В. К вопросу о «колониальном возврате» постсоветской историографии Казахстана // XIV Сулеймановские чтения. Тюмень, 2011. С. 88–90; Он же. Может ли история Казахстана имперского периода быть постколониальной? Взгляд со стороны заинтересованного наблюдателя // Казахстан и Россия: научное и культурное взаимодействие и сотрудничество. Астана; Омск, 2013. С. 194–215.

главных тренда: нарастающая с начала присоединения к империи колониальная эксплуатация и рост национального и социального протеста казахов. Ориентализм и постколониальный дискурс становятся необходимыми современным казахским интеллектуалам, актуализирующим колониальное наследие как утрату «своей культуры» со своим способом описания исторического прошлого, чтобы предложить национальной идеологии с ее «исторической политикой» доминирующие трактовки травматического наследия имперского прошлого. Борьба против «фальсификаторов» за «историческое прошлое» и «места исторической памяти», «возвращение к истокам», социокультурная «деструкция» и «денационализация», «русификация» и «христианизация», имперские и колониальные синдромы в общественном сознании, эссенциализм в преподавании истории стали важными объяснительными моделями государственной легитимации и национальной консолидации. Оппозиция «колонизаторы» – «колонизуемые» представлена жестко схематично, хотя через эту схему все еще прорываются альтернативные концепции «великой дружбы народов» или советская парадигма «двух культур». Сохраняется формула: несмотря на русификаторскую политику царского правительства, пробивались «прогрессивные тенденции», способствовавшие «развитию русского образования среди казахов и ознакомлению с русской литературой, что открывало путь к общению с русским народом». Не случайны сложности в определении мотивов сотрудничества с империей части казахской традиционной элиты, военная служба Ч. Валиханова, прорусские высказывания поэта Абая, творческие контакты казахского просветителя А. Алтынсарина с известным православным миссионером Н. И. Ильминским, участие А. Букейханова в Экспедиции по исследованию степных областей, выводы которой были положены в основу переселенческой политики. На фоне историографического бума в современной Республике Казахстан в постсоветское время в Российской Федерации не вышло почти ни одной крупной работы по истории Казахстана имперского периода, хотя в целом заметен значительный подъем в исследованиях истории Российской империи. Если для казахстанских политиков и историков «колониальность» Казахстана в прошлом – это аксиома и императив, то для их российских коллег – все еще дискуссионная проблема. Наиболее слож-

ными для ученых остаются вопросы, связанные с определением места и роли в колонизационных процессах национального фактора, в том числе русского²². Объективные трудности осмысления российской колонизации в национальном аспекте были связаны со сложностями процесса русского нациостроительства и роли миграций в нем. В конце XX – начале XXI в. зафиксирован устойчивый рост интереса к проблемам образования наций и формирования национального самосознания, а также к выявлению причин и возможных последствий этих процессов в современном мире. В целом можно констатировать, что изучение русской колонизации азиатских территорий в рамках Российской империи, Советского Союза и современной России все еще находится на начальной стадии формирования научно-исследовательской проблематики и сбора исторического материала. Особенности нашего исследования являются стремление к компаративному изучению миграционных процессов и концентрация исследовательского внимания на идеологической и национальной составляющих колонизации Азиатской России в имперский период, ее политического, научного и общественного дискурсов.

Тема «Русские в России» в национальном и имперском нарративах становится необычайно важной, хотя и весьма чувствительной с точки зрения исторической памяти. Сама же проблема «русскости» в этой связи остается сложной, сочетая этнические, национальные, гражданские, конфессиональные, региональные, государственные и имперские параметры. В работе используется новый ракурс исследования колонизационных мероприятий с позиции изучения процесса выработки («техники») административных решений, в которых были задействованы как правительственные чиновники различных ведомств и уровней, так и научные и общественные эксперты. Таким образом, открывается малоизученная сфера конфликта и сотрудничества представителей власти и общества («знание – власть») в области истории освоения и интеграции одного из политически и экономически значимых регионов, возможностей формирования в его пределах российской гражданской нации, общественных и национальных

²² Ларуэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в Казахстане: история, политика, идентичность. М., 2007.

институтов. Сопоставление имперских и национальных проектов русской колонизации на конкретном материале позволяет выявить новые механизмы формирования имперской идеологии и управленческих практик, охарактеризовать участие различных референтных групп. Данное направление исследования открывает новые, в том числе национальные, претензии к русскому крестьянству как главному субъекту и объекту колонизационных сценариев. Сопоставление русского переселенца с его основными союзниками и конкурентами в Омском Прииртышье (сибиряки, казачество, старообрядцы, казахи, немецкие колонисты и проч.) выявляет и более общие проблемы, в том числе механизмы формирования и сохранения русской идентичности в иноэтничной и иноконфессиональной среде, роль Русской православной церкви и школы в интеграционных процессах на имперских окраинах, формирование общероссийской гражданской идентичности.

Смена исследовательских ракурсов в изучении традиционной тематики переселенческих движений позволяет углубить понимание сущности миграционных процессов и механизмов восприятия принимающим обществом пришлого населения с иными культурными кодами; преодолеть жесткие оценки колониальных трактовок политики России в данном регионе, что во многом присуще современной казахстанской историографии, по-иному взглянуть на значение и смысл «русского вопроса» и перевести научную и общественную дискуссию в плоскость более широких процессов взаимодействия и симбиоза традиционности и модернизации, русской и казахской культур и социумов; найти новые объяснительные модели исторически длительного сосуществования русского и казахского народов в региональном измерении.

Особой темой исследования стала институциональная история переселенческого управления, основанная на комплексном анализе проектов центральных ведомственных учреждений и местных чиновников в контексте диалога «центр – регион». В рамках этого направления не предполагалось ограничиваться традиционными учрежденческими сюжетами: выявлением и характеристикой структуры управления переселенческим движением как на центральном, так и на местном уровнях, персонального состава переселенческих учреждений, а также научных экспедиций, направленных для изучения колонизационных возможностей

юга Сибири и северо-восточных районов Степного края. На основе текстуального анализа правительственных проектов и программ, экспертных научных заключений, анализа результатов и рекомендаций экспедиций, а также содержания выступлений депутатов и официальных правительственных лиц в Государственной думе, статей в специальных и популярных общественных изданиях были выявлены технологии и основные направления разработки колониационного курса в отношении данного региона, а также влияние на власть и общество различных стратегий решения земельного вопроса для переселенцев и проблем седентеризации кочевников через призму модернизационного воздействия на традиционное общество, реакций старожильского и туземного населения, интересы которых отстаивала сибирская областническая и казахская национальная интеллигенция. Главное внимание было направлено на оценки разных групп переселенцев, своеобразный «оптимизм» и «пессимизм» культуртрегерского потенциала русского народа (крестьяне, казаки, старообрядцы), способности его к хозяйственному прогрессу и социокультурной комплиментарности с принимающим социумом. Фокус исследования был сосредоточен на основных акторах переселенческой политики и практиках администрирования, колониационных институтах, адептах и критиках «обрусения» региона, выявлении главных политических и социокультурных инструментов превращения «чужого» пространства в «родную землю».

Глава 1.

КОЛОНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ: КОНЦЕПТЫ, ИНСТИТУТЫ И ПРАКТИКИ

Оптика нашего исследования в этой главе сосредоточена не на аграрном движении русских крестьян за Урал¹, а на экспертных представлениях о русском переселенце как колонизаторе и особом социокультурном феномене, вписанном в политические сценарии национализирующей империи Романовых. Переселенец оказался на пересечении имперского, национального и социального дискурсов, предлагавших свои языки описания, когда интеллигентская парадигма «власть и народ» могла подвергаться существенной ревизии. Ученые, общественные деятели, администраторы (нередко в одном лице или часто в сложных ситуациях взаимодействия) стремились не только понять социальные причины крестьянских миграций, найти оптимальные способы их хозяйственного и бытового размещения в Сибири, но и определить более широкий геополитический и цивилизационный контекст, открыв для себя усложненный образ русского крестьянина на азиатских окраинах империи². Заселение и освоение азиатских окраин русскими стало частью формирующегося национального дискурса, включившего в описание «русского дела» понятийный ряд «мирное завоевание», «оживление» окраин, «водворение русской гражданственности», а чаще всего – «обрусение». Это потребовало внести коррективы в устоявшиеся стереотипы «русского народа», которые оставались одновременно важной конструктивной

¹ Новейший обзор традиционного понимания истории русской колонизации см.: Никитин Н. И. Русская колонизация с древнейших времен до начала XX века (исторический обзор). М., 2010.

² Определение «русские» на азиатских окраинах оставалось дискурсивным, могло включать не только великороссов, но также украинцев и белорусов, не ограничиваясь принадлежностью к православию, что могло трактоваться как синоним «русского гражданства». Численность русских в Сибири была усилена за счет статистического включения в их состав украинцев и белорусов, а также быстро «обрусевших», оторванных от основного этнического массива и христианизированных чувашей, мордвы, удмуртов, марийцев и др.

составляющей имперской идеологии, национальных теорий и народнических социальных идей. В такой трактовке многочисленные статистические данные о «передвижении населения» или его «механическом» перемещении оказывались недостаточными и требовали не только уточнения, но и наполнения старых терминов «переселение» и «колонизация» новыми смыслами.

1.1. Переселение и колонизация конца XIX – начала XX века: в поисках научных терминов и политических смыслов

Наиболее распространенным долгое время являлось утверждение, подчеркивавшее кардинальное отличие России от европейских стран в том, что миграции ее населения на окраины следует называть «переселением», а не «колонизацией» или тем более – «эмиграцией». Отличием Российской империи от западных мировых держав считалось также то, что она представляет собой цельный территориальный монолит и, как заметил современный британский историк и политолог Д. Ливен, «русскому колонисту было затруднительно ответить на вопрос, где, собственно, заканчивается Россия и начинается империя?»³. Сравнивая Российскую и Британскую империи, Д. Ливен утверждает, что в степных областях и Туркестане российская политика была, по сути дела, колониальной, но в отношении Сибири XIX века он уже не столь категоричен. Если первые 150 лет российского владения Сибирь больше напоминала французскую Канаду, то впоследствии она «дает также примеры тактик российской имперской экспансии, которые не имеют аналогов с западноевропейскими колониальными империями». Суть этих различий заключается, на его взгляд, в том, что это была периферийная сухопутная империя, а русские распространялись в мире, «который не был действительно новым». «В качестве барьера между континентами Урал выглядел менее внушительно, чем Атлантика. Коренное население Сибири не сильно отличалось от тех племен Северо-

³ Ливен Д. Русская, имперская и советская идентичность // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999. С. 299.

Восточной Европейской России, которые русские, в погоне за мехом, давно обнаружили и эксплуатировали»⁴. Российский исследователь Л. Е. Горизонтов видит в русском колонизационном движении своего рода перспективу «двойного расширения» Российской империи путем внешнего ее территориального роста в целом, который дополнялся параллельным разрастанием «имперского ядра» за счет примыкающих к нему окраин⁵.

Сбережение населения внутри государства являлось важнейшей демографической, экономической и политической задачей. Для одного из первых идеологов «единой и неделимой» России М. Н. Каткова переселение представлялось средством, «каким обыкновенно упрочиваются за государствами их территориальные приобретения», поэтому нужно направить население туда, где требуется усиление «русского элемента»⁶. Казалось, что колонизация будет способна снизить социальные конфликты и междоусобия во внутренней России, дать простор развитию массового мелкого крестьянского хозяйства, а наличие свободных земель внутри империи и переселенческое движение станут альтернативой эмиграции. Не случайно депутаты Государственной думы в начале XX в. отказались даже рассматривать вопрос об организации облегченного выезда в Америку. Подчеркивалось, что из России (по сравнению с другими европейскими странами) эмиграция невелика и выглядит «незначительной рябью»⁷. Россия заполняет *своим* населением *свою* территорию, тогда как западно-европейские народы перешли к колонизации вне своего отечества, создавая колонии, которые постепенно начинают сознавать себя «как нечто особое от своего прежнего отечества, имеющее свои отдельные интересы и задачи»⁸. Допускаемое сходство признава-

⁴ Ливен Д. Российская империя и ее враги с XV века до наших дней. М., 2007. С. 349, 365.

⁵ Горизонтов Л. Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 130.

⁶ Московские ведомости. 1881. 17 мая.

⁷ Е-вечь. Эмиграция и переселение // Туркестанские ведомости. 1913. 3 июля. № 143.

⁸ Серповский Н. Г. Переселения в России в древнее и новое время и их значение в хозяйстве страны. Ярославль, 1885. С. 2.

лось лишь с движением на новые земли в США и Канаде, но и там заселение происходило за счет эмигрантов, тогда как у нас «главная масса переселенцев набирается почти исключительно из внутренних губерний, великороссийского и малороссийского племени»⁹.

Стихийно присоединенное «баснословное пространство» (определение Ф. Броделя) Сибири осваивалось чрезвычайно медленно, что предоставило самодержавию время «мало-помалу принять свои предосторожности, навязать свой контроль, разместить казачьи отряды и своих чиновников, активных, даже если и склонных к казнокрадству». Сибирь не могла «ускользнуть» от России уже в силу своей экономической отсталости и почти автаркического положения многих ее областей¹⁰. Сибирь, в отличие, например, от Канады, надолго застряла на первоначальной стадии хозяйственного освоения. В отличие от Америки, Сибирь не стала российской мечтой (короткие периоды энтузиазма можно наблюдать только к рубежу XIX–XX вв.), а прирост имперского могущества России виделся в иных направлениях, для которых Сибирь была своего рода транзитной территорией. Сибирский регион почти на всем протяжении XIX в. не стал ни объектом мощного колониационного движения, ни источником сырья для российской промышленности, ни заметным рынком сбыта для мануфактур и фабрик центральной части страны. Вплоть до строительства Сибирской железной дороги Сибирь с экономической точки зрения, как резко выразился один из современников, оставалась большим «географическим трупом»¹¹.

Хотя, замечает Д. Ливен, получи сибиряки свободу и представительные региональные институты, вокруг которых бы фокусировался региональный патриотизм, они могли бы выработать самостоятельную идентичность, имевшую возможность, подобно Австралии или Канаде, перерасти в независимое государство-нацию¹². Впрочем, знаменитый путешественник Фритьоф Нансен,

⁹ Васильчиков А. И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. СПб., 1876. Т. 2. С. 924.

¹⁰ Бродель Ф. Время мира. М., 1992. С. 17, 470.

¹¹ Вельяминов Н. А. Воспоминание об императоре Александре III // Российский архив. М., 1994. Вып. V. С. 313.

¹² Ливен Д. Россия как империя: сравнительная перспектива // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999. С. 273.

рассуждая о возможности сибирского сепаратизма, оценивал его скептически. Напротив, утверждал он, сибиряки – это не ирландцы, добывающиеся гомруля, они никогда не забудут того, что они русские, и будут всегда противопоставлять себя азиатским народностям. Отвергал Нансен и мнение, что азиатские владения Российской империи вытягивают лучшие силы из центра страны, понижая тем самым ее экономический и культурный уровень. В отличие от испанских, португальских и британских колоний, Сибирь представляла, по его мнению, «в сущности естественное продолжение России, и ее надо рассматривать не как колонию, а как часть той же родины, которая может дать в своих необозримых степях приют многим миллионам славян»¹³. В отличие от «украинского вопроса», «сибирский вопрос» не перешел в опасную стадию политического сепаратизма, оставаясь в рамках требований расширения местного самоуправления и хозяйственной самостоятельности. Массовое переселенческое движение начала XX в., породившее напряженность в отношениях сибирских старожилов и новоселов, в известной степени сняло остроту опасности формирующейся сибирской идентичности и регионального патриотизма. Указание же на колониальный статус Сибири в Российской империи использовалось чаще всего для того, чтобы обратить внимание центра на сибирские нужды.

Термин «колонизация» в середине XIX в. редко употреблялся в русском языке и представлял собой заимствование из латыни через французский, вошедшее в известные лексиконы иностранных слов, опубликованные в Санкт-Петербурге в 1845, 1847, 1859 и 1862 гг., он трактовался как «заселение какой-либо страны». Историк П. И. Небольсин уже в 1849 г. употреблял понятие «система колонизации» применительно к правительственным мерам по заселению территорий за Уралом. Признав «колонизацию», отечественные историки и экономисты всегда подчеркивали своеобразие применения этого термина к миграционным процессам в России. Истоки таких трактовок, очевидно, следует искать в трудах влиятельных ученых и прежде всего в работах историка С. М. Соловьева, который уже в 1851 г. представил в противовес

¹³ Нансен Ф. Страна будущего // Дальний Восток. 1994. № 4/5. С. 185.

концепции «завоевания» теорию «колонизации» как преимущественно мирного движения, являвшегося основным фактором российского исторического процесса. У А. И. Герцена колонизация удачно вписывалась в его концепцию особого пути России, которая, в отличие от европейских держав, осуществляла свое территориальное расширение не в результате завоеваний «с последующей эмиграцией в новые колонии», а за счет «постепенного расселения великорусского народа». Это не было простым миграционным движением, но и не было освоением и присоединением новых территорий и народов к Российскому государству. В Политико-экономическом комитете Русского географического общества при обсуждении в 1861 г. вопросов колонизации не ограничились только экономическими аспектами, признав, что «переселение составляло отличительную черту русского народа», определяемую самим «народным духом»¹⁴. Даже «штрафная колонизация» не исключалась из этой благой картины и, по мнению П. П. Семенова, давала вполне хорошие результаты, а потомки преступников и свободных переселенцев ничем не отличались друг от друга в Сибири и достигали «высшей степени нравственного превосходства, нежели Великороссийское население»¹⁵. Но уже в 1861 г. исследователи вынуждены были признать, что невозможно удержаться в пределах экономического или географического анализа и не обращаться к вопросам политическим. Позднее история колонизации получила развитие в трудах В. О. Ключевского и особенно М. К. Любавского. Все это позволяло современникам, а затем и историкам, интерпретировать миграционные процессы как естественное расселение русских, не упуская не только имперских, но и национальных мотивов того, что область колонизации «расширялась вместе с государственной территорией»¹⁶.

Первоначально достаточно узкое толкование ограничивало колонизацию как процесс массового вселения в некультурную (или малокультурную) страну выходцев из цивилизованного

¹⁴ Политико-экономический комитет при Императорском Русском географическом обществе (собрание 11 марта 1861 г.) // Век. 1861. № 15.

¹⁵ Политико-экономический комитет при Императорском Русском географическом обществе (собрание 22 марта 1861 г.) // Век. 1861. № 20.

¹⁶ Ключевский В. О. Сочинения: в 8 т. М., 1956. Т. 1. С. 31.

государства. Однако слова «колонист» и «колония» использовались в России в основном применительно к иностранцам. Именно в такой трактовке они представлены в «Толковом словаре» В. И. Даля, хотя уже допускалось слово «колонист» как синоним «переселенца», но оставалось малоупотребимым. В наиболее авторитетном энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона «переселение» определялось А. А. Кауфманом уже как движение населения внутри собственного государства, схожее с немецким *innere Kolonization*. Отсылка к немецкому термину влекла за собой параллели и с национальной политикой германизации польских провинций Пруссии. В Комитете Сибирской железной дороги составлялись записки об опыте германизации Пруссией польских провинций¹⁷, о постановке колонизации в Северной Америке, а А. Н. Куломзин, который играл видную роль в переселенческой политике, прямо заявлял, что прусский опыт насаждения германского элемента в польских провинциях стал «путеводной нитью» в переселенческой политике в Сибири¹⁸. Председатель Комитета министров и вице-председатель Комитета Сибирской железной дороги Н. Х. Бунге в своем политическом завещании 1895 г. указывал, в свою очередь, на русскую колонизацию как на способ, по примеру США и Германии, стереть племенные и культурные различия: «Ослабление расовых особенностей окраин может быть достигнуто только привлечением в окраину коренного русского населения, но и это средство может быть надежным только в том случае, если это привлеченное коренное население не усвоит себе языка, обычаев окраин, вместо того чтобы туда принести свое»¹⁹.

А. А. Кауфман, опираясь на заключения германских экономистов, видел в «переселении» традиционное миграционное движение, а «колонизацию» представлял, в противовес «завоеванию», способом не только более равномерно распределить население по территории государства и снизить тем самым аграрное

¹⁷ Германская колонизация польских провинций Пруссии. СПб., 1894.

¹⁸ Куломзин А. Н. Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 190. Л. 53; Д. 191. Л. 3.

¹⁹ Бунге Н. Х. Загробные заметки // Река времен (книга истории и культуры). М., 1995. Кн. 1. С. 211.

напряжение, но и распространить на азиатские окраины империи передовую культуру²⁰. Вместе с тем в русском народном движении на восток он не усматривал ничего уникального, даже по его масштабу, а главной особенностью признавал лишь то, что оно не было заморским. По словам другого исследователя русского переселения и видного чиновника Ф. Г. Тернера, Россия «обладает в своих азиатских владениях свободными землями, на которые могут изливаться избытки сельского населения, не только не разрывая связи со своим отечеством, но служа, напротив того, большому сплочению этих дальних стран с Россиею»²¹.

Один из самых авторитетных исследователей мировых миграционных процессов П. Леруа-Болье, труды которого оказали существенное влияние на позиции российских ученых и практиков, также подчеркивал не только территориальную непрерывность процесса русской колонизации, но и схожесть климатических и почвенных условий Центральной России и Сибири. По его словам, это лишь простое перемещение населения, или миграция²². При этом в российской политике нужно было в комплексе учитывать интересы как районов выселения, так и районов заселения, что также является отличием от заморских территорий европейских держав или принимающих мигрантов государств. Для России как переселенцы, так и местное туземное население тоже «свои», к ним нельзя относиться несправедливо, как европейцы порой действуют в отношении коренных жителей колоний. И это не могло быть простой декларацией, хотя в реальности оказывалось трудно не только соблюсти баланс интересов, но и придать определенную последовательность и непротиворечивость правительственным распоряжениям и стихийно складывающимся экономическим и культурно-бытовым отношениям пришельцев и принимающих сообществ. «Но в виде правила, – уточнял А. А. Кауфман, – в основу колонизации наших окраин полагается, безусловно, правильный и с гуманитарной, и, кажется нам, с политической точки зрения принцип: живи – и жить давай другим; другими словами – стремление согласовать интересы русской колонизации окраин

²⁰ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 3.

²¹ Тернер Ф. Г. Государство и землевладение. СПб., 1896. Т. 2. С. 109.

²² Леруа-Болье П. Колонизация у новейших народов. СПб., 1877.

с законными правами и насущными интересами их туземного населения, не отнимая у него возможности не только вести хозяйство установившегося у него типа, но и развивать последнее в направлении большей культурности и интенсификации»²³. А. А. Кауфман приводил высказывания европейских ученых, чтобы подчеркнуть, как писал один немецкий автор: «Туземное население – это тоже свое население, к которому ни русское правительство, ни русское общество не могут относиться так, как испанцы относились к ацтекам или инкам и как англичане до сих пор относятся к чернокожим обитателям своих африканских владений»²⁴. Обозревая деятельность Государственной думы по переселенческому вопросу, В. П. Воцинин, в свою очередь, подчеркивал: «Русское переселение не укладывается в рамки западно-европейских представлений о колонизации, предполагающей достижение государством определенных целей преимущественно за пределами метрополий, – оно шире и уже этого понятия, так как наряду с стихийным и не зависящим от воли правительства передвижением населения на пустующие пространства той же Империи им обнимаются ныне, при заселении приграничных местностей, и задачи политические». Поэтому это явление он предлагал определять как «колониционное переселение», или «внутреннюю колонизацию»²⁵.

«В последнее время можно считать, – ранее утверждал другой аналитик переселенческого вопроса Н. Г. Серповский, опираясь на авторитет П. Леруа-Болье, – окончательно установившимся в науке мнение о том, что освобождение колоний от метрополии составляет неизбежное последствие развития первых»²⁶. При этом он специально подчеркивал историческое значение переселенческого движения, потому что «государственная власть в нашем отечестве издавна сознавала громадное значение переселений в деле расширения политического могущества русского народа и развития русской национальности»²⁷. Такое уточнение являлось следствием демонстративного нежелания похо-

²³ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. С. 10.

²⁴ Цит. по: Там же. С. 9.

²⁵ Воцинин В. П. Переселенческий вопрос в Государственной думе III созыва. Итоги и перспективы. СПб., 1912. С. 3.

²⁶ Серповский Н. Г. Указ. соч. С. 2.

²⁷ Там же. С. 4.

доть на колониальные империи и признавать свои азиатские окраины, включая Сибирь и Дальний Восток, колониями. Переселение представлялось в такой трактовке лишь «естественным последствием органического роста государства». При этом превозносились как «национальные черты» особая способность русского человека к колонизации, своеобразный «переселенческий зуд» и даже страсть к бродяжничеству. В этом заключалась другая сторона российского исторического процесса, когда государство должно было принимать меры «для преграждения излишней подвижности населения», чему служили как крепостное право, так и довольно жесткая паспортная система.

Оставалась популярной противоположная позиция, высказанная в 1861 г. влиятельным чиновником Министерства императорского двора Е. К. Мейендорфом, что «новые наши приобретения на востоке отнимают у нас и время, и силы замечательных деятелей, в которых, конечно, у нас нет излишества; предполагая даже, что мы успеем устроить благосостояние всех наших новых поселений, мы этим только будем споспешествовать их отделению от метрополии, как учит история всех колоний»²⁸. Казалось, что сама внутренняя Россия еще требует большого внимания и ресурсов, а Сибирь, даже с ее золотыми промыслами, весьма сомнительна с точки зрения доходности. И даже М. И. Венюков соглашался, что две трети Сибири не пригодны для земледелия. В этих дискуссиях содержался еще один важный аспект, который и привел в заключение председатель Политико-экономического комитета В. П. Безобразов: разнообразие мнений среди столь влиятельных лиц неизбежно будет порождать и противоречивые тенденции в самом руководстве переселенческим делом.

Переселение долгое время воспринималось как средство к более равномерному распределению населения по территории государства, сопровождаясь призывами «обращаться бережливо с этим запасным фондом народного хозяйства, не расточая его иностранным колонистам, полудиким инородцам или лицам, уже владеющим другими имуществами»²⁹. На Сибирь смотрели как на

²⁸ Политико-экономический комитет при Императорском Русском географическом обществе (собрание 1 апр. 1861 г.) // Век. 1861. № 22.

²⁹ Васильчиков А. И. Землевладение и земледелие в России. С. 926.

запасное пространство для будущих поколений русских земледельцев, не задумываясь о быстром и эффективном его освоении. Переселение за Урал скорее сдерживалось, нежели поощрялось, а политика в отношении земельных ресурсов Сибири была скорее охранительной, нежели наступательной, подчеркивая преимущественно мирный характер движения русских на восток. «Водворение это было мирное и не сопровождалось ни насилием, ни вытеснением туземцев, ни отнятием у их земель, и это именно и отличает развитие и основание русского государства от истории других стран... Русские насельники никого не истребляли, никого не вытесняли, занимая только пустые земли, и, поселяясь среди инородцев, постепенно их поглощали, налагая на всех печать своей народности и подданства русскому царю»³⁰. Уже при картографировании переселенческого движения появились трудности его фиксации, так как оно не охватывало сплошных территорий, по примеру Северной Америки, где «район заселения расширялся по мере оттеснения туземных племен в глубь страны, на отдельные свободные земельные участки, вкрапленные в заселенные местности»³¹. В таком случае обозначение на крупномасштабной карте полос сплошного заселения почти никогда не соответствовало реальному положению вещей.

Еще один правительственный эксперт Г. К. Гинс в конце имперского периода широко трактовал задачу «колонизации», понимая ее как «культурное воздействие европейских народов на азиатские государства», или систему мер, направленных «к скорейшему экономическому и культурному развитию отсталых частей государства», культурное развитие «незаселенных или слабозаселенных пространств». «У нас есть переселенческая политика, но нам нужна политика колонизационная», – призывал он³². «Переселение» в таком случае чаще всего предполагало наличие естественного миграционного потенциала у населения, стремившегося

³⁰ Васильчиков А. И. Землевладение и земледелие в России. С. 926.

³¹ Журнал Подготовительной комиссии при Комитете Сибирской железной дороги (№ 51). По делу об участии Комитета Сибирской железной дороги на всемирной выставке 1900 г. в Париже (заседание 20 марта 1898 г.) // Россия. Комитет Сибирской железной дороги. СПб., 1898. Т. 1. Л. 389.

³² Гинс Г. К. Переселение и колонизация. СПб., 1913. Вып. 2. С. 7, 28.

решить свои частные проблемы. «Колонизация» же была связана в большей степени с имперской политикой и искусственными мерами регуляции переселенческих потоков. Она была направлена не только на удержание завоеванных территорий, но главным образом на расширение пространства самой «Русской земли». Вместе с тем, как заметил один из имперских экспертов по Дальнему Востоку полковник Генерального штаба Л. М. Болховитинов, военно-политические задачи укрепления восточных границ и выселение из Европейской России малоземельных крестьян, чтобы заселить «окраинные пустыри», привели к тому, что «колонизация переплелась с переселением»³³.

Констатируя начало массового движения крестьян за Урал (рост в 1907 г. почти в три раза по сравнению с предыдущим годом), главноуправляющий землеустройством и земледелием князь Б. А. Васильчиков призвал заменить «переселение» на «заселение». На первый план он выдвинул уже не столько аграрные или даже социальные меры, а задачи геополитические и национальные. Во-первых, это было следствием «пробуждения» Китая и поражения в Русско-японской войне. Правительственное внимание было переключено на дальневосточные области и Забайкалье. «Эта богатая пустыня непосредственно граничит с такими перенаселенными странами и государствами, как Китая и Япония, – напомнил он депутатам Государственной думы, – и мы уже имеем определенные данные о тех мероприятиях, которые так называемый «дремлющий Китай» предпринимает для заселения смежных с нами областей»³⁴. Во-вторых, должна была измениться ситуация с землевладением в самой Сибири, где население «свыклось с идеей о безграничном земельном просторе, и потому всякое заселение новым пришлым элементом соседних с ним земель сибиряки склонны считать нарушением ежели не своих прав, то, во всяком случае, своих интересов. Лозунг «Сибирь для сибиряков», – констатировал глава земельного ведомства, – широко проник во

³³ Болховитинов Л. М. Колонизаторы Дальнего Востока // Великая Россия: сб. ст. по воен. и обществ. вопросам. М., 1910. Кн. 1. С. 222.

³⁴ Речь главноуправляющего землеустройством и земледелием князя Б. А. Васильчикова в комиссии Государственной думы по переселенческому делу, 5 декабря 1907 г. // Вопросы колонизации. № 2. С. 419.

все слои и группы местного населения. Отсюда вытекает и совершенно определенно выраженная недоброжелательность к переселению; выражаясь в низших, менее культурных, слоях подчас прямым насилием против мирного пришлого населения, в более культурных слоях это же настроение выражается в форме огульного порицания всей переселенческой политики Правительства и противопоставления ей особой сибирской политики», требующей признания земельного приоритета за сибирскими старожилами и инородцами³⁵. В-третьих, заселение инородческих земель и меры по седентеризации кочевников вводили миграционное движение русских крестьян в поле национальных проблем, обостряя их и на азиатских окраинах империи. Между тем межевание земель было процессом длительным (окончания можно было ожидать не ранее 1930 г.), а крестьяне-переселенцы не могли и не хотели ждать, что вынуждены были признать и правительственные чиновники. Народное движение за Урал было воспринято как программное правительством П. А. Столыпина: «Важнейшим в Сибири государственным делом является переселение. Богатая всем, кроме людей, Сибирь только в приливе сюда живой русской рабочей силы может найти полноту хозяйственной и культурной жизни. Все остальное: быт старожилов, киргиз, казаков, лесные и горные промыслы, земские и городские дела – все это представляет довольно неподвижную общую среду; напротив, переселение является здесь главной движущей силой. Под влиянием этой силы сдвигаются с места и перестраиваются все иные отношения: к новым условиям, создаваемым приходом переселенцев, должны приспособляться и захватное хозяйство старожила, и вековое первобытное хозяйство кочевника, и местные рабочие рынки»³⁶.

Оставаясь в рамках эволюционистской и прогрессивистской парадигмы, в правящих кругах оценивали землевладение кочевников как патриархальное, тогда как «необъятные степные пространства должны, несомненно, рано или поздно подпасть под влияние этой (прогрессивной) земледельческой. – А. Р., Н. С.)

³⁵ Речь главноуправляющего землеустройством и земледелием князя Б. А. Васильчикова. С. 422.

³⁶ Поездка в Сибирь и Поволжье. Записка П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина. СПб., 1911. С. 1.

культуры, с которой кочевой народ, оставаясь таковым, ужиться не может». В такой ситуации власти были готовы лишь смягчить удары «неизбежной эволюции», а кочевники должны были смириться с изъятием «многих миллионов десятин для заселения их русскими»³⁷. Постановка управления переселенческим движением и меры по хозяйственному устройству переселенцев вызывали критику не только в части технической организации и финансовой поддержки, но и в куда более важных социальных и культурных аспектах. Для преобладающего народнического дискурса, который доминировал не только в среде радикально настроенной интеллигенции, но был не чужд и значительному числу правительственных чиновников, переселенческое движение поставило целый ряд «неудобных» вопросов, связанных не только с социальным «перерождением» идеализируемого ими русского мужика, но и с новыми отношениями, в которых тот оказался в инокультурном пространстве Азиатской России. Многие ссыльные революционеры-народники были вовлечены (прежде всего через отделения Русского географического общества) в этнографические и миграционные исследования и оказались востребованы администрацией как научные консультанты. Особую позицию в референтном сообществе занимали сибирские областники и формирующаяся национальная интеллигенция народов Сибири.

Казалось, что переселенческое движение крестьян на азиатские территории Российской империи открывает возможности для сотрудничества власти и общества, империи и народа. К такому сотрудничеству во второй половине XIX в. были готовы переселенческие чиновники и земства в районах выселения, а за Уралом различные общественные и научные организации и даже лица с так называемым «предосудительным формуляром» – политические противники самодержавия. Председатель Общеземской организации и будущий глава Временного правительства кн. Г. Е. Львов открыто заявлял в 1907 г., солидаризируясь с геополитической трактовкой миграционных процессов, предложенной имперскими властями: «Всем ясно, какое громадное государственное значение приобрела именно теперь правильная усиле-

³⁷ Речь главноуправляющего землеустройством и земледелием князя Б. А. Васильчикова. С. 423–424.

ная колонизация отдаленных восточных окраин Империи. Всем ясно, какое громадное значение получило правильное выселение избытка населения из центра. Переселенцы – не лишние люди, до которых нам нет дела. Они разрешают и на них возлагаются великие задачи. Они должны установить на окраинах тесную связь общих интересов со своей родиной-метрополией, должны сохранить связь с ее культурой и жить одною с ней жизнью. Одни они могут слить в единое целое далекие окраины наши с отчизной, сплотить их внутренней связью с родиной»³⁸. И уже земские переселенческие съезды провозглашали, что «степные области Средне-Азиатской России» очень подходят для выходцев из Малороссии, необходимо ускорить землеотводные и ирригационные работы в Семиреченской и Сырдарьинской областях, начать строительство железной дороги Ташкент – Верный – Транссиб, подъездных путей к Сибирской магистрали и т. п.³⁹ Переселенческое дело не только подталкивало общественность, сохранявшую антибюрократический пафос, к сотрудничеству с властями, но и заставляло ее переосмыслить свои воззрения на русского крестьянина, который неожиданно оказался не только «страдальцем», но и «хищником», как по отношению к природе, так и в отношении к коренным народам Азиатской России.

В дальнейшем колонизация получает все более негативное звучание, связанное с эксплуатацией природных ресурсов, местного населения, захватом рынков и дешевой рабочей силы для получения максимальной прибыли⁴⁰. Колонизация в таком контексте рассматривалась как процесс формирования отношений «господства – подчинения», позиционирование отличий между «цивилизованной метрополией» и «некультурной колонией». Впрочем, В. И. Ленин признавал трудность в определении статуса тех или иных территорий в составе Российской империи и некоторую неясность в трактовке колониального характера Сибири:

³⁸ Доклад земским собраниям председателя Общеземской организации кн. Львова об участии Общеземской организации в переселенческом деле // Вопросы колонизации. № 2. С. 408.

³⁹ Первый областной переселенческий съезд в г. Харькове // Вопросы колонизации. № 2. С. 403.

⁴⁰ Маркс К. Капитал. М., 1973. Т. 1. Гл. 25. Современная теория колонизации.

«как бы колония», «колония в экономическом смысле»⁴¹. В советское время в сибиреведении на несколько десятилетий закрепилось компромиссное ленинское определение Сибири как «колонии в экономическом смысле»⁴². Исследователи и практики колонизационного дела с дореволюционным стажем И. Л. Ямзин и В. П. Вошинин, переходя на советскую риторику, предлагали под колонизацией понимать «процесс заселения и использования производительных сил *недонаселенных* и экономически *недоразвитых* (курсив наш. – А. Р., Н. Г.) территорий значительными массами людей, эмигрирующих из более густонаселенных областей»⁴³. В таком определении смешивались не только колонизация и эмиграция, но и правительственное и вольнонародное переселение, а колониальной политике противопоставлялись планомерные колонизационные мероприятия и организация «оптимальных» хозяйств. Политика в этой сфере была отнесена к «искусству колонизации», а наука должна была найти закономерности, лежащие в основе колонизационных процессов. Исследователи предлагали и свое понимание человеческих «миграций», различая три вида их участников: 1) эмигранты (выселяющиеся из одного государства в другое); 2) иммигранты (вселяющиеся в другое государство) и 3) переселенцы (меняющие оседлость в пределах одного государства). Таким образом, переселение и колонизация уже более не разделялись, а сливались в общем потоке миграционных процессов. Говоря же об истории «колонизации» в России, они по-прежнему предпочитали описывать ее как переселенческое движение, уточняя лишь направленные действия по «колонизации» отдельных районов или применительно к отдельным категориям населения, а также включая в это понятие правительственные и общественные действия по обеспечению выселения, передвижения и вселения переселенцев, а также административному, финансовому, научно-исследовательскому, агротехническому и прочему их сопровождению. Такая трактовка присутствует

⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 4. С. 86; Т. 30. С. 121.

⁴² Горюшкин Л. М. Место Сибири в составе России в период капитализма // Исторический опыт освоения Сибири. Новосибирск, 1986. С. 37–50.

⁴³ Ямзин И. Л., Вошинин В. П. Учение о колонизации и переселениях. М., 1926. С. 4.

и в «Советской сибирской энциклопедии» (т. IV), где имеется статья с показательным, но мало проясняющим смысл названием: «Переселение в Сибирь и ее колонизация». При этом политический смысл (в том числе национальный) колонизации игнорировался. Для советских историков и идеологов термин «колонизация» становился все более неудобен, так как невольно ассоциировался с «колониальной политикой», поэтому были найдены, как казалось, менее одиозные определения: «освоение», «заселение» с противопоставлением «вольнонародного» переселения «правительственной» колонизации. Н. И. Никитин, недавно сам исповедовавший такое понимание миграционных процессов, теперь осуждает советских историков-«перестраховщиков» за то, что предложенные ими термины-«заменители» не могли охватить все многообразие даже социально-экономических процессов (игнорируя во многом их социокультурную составляющую), определяемых емким словом «колонизация»⁴⁴. Возврат и реабилитация старого термина сопровождаются попытками его деполитизации в противовес отождествлению «колонизации» и «колониальной политики» в современной национальной историографии новых постсоветских государств⁴⁵. Сохраняется дискуссионность и в современном сибиреведении, а специалисты по истории и экономике Сибири «до настоящего времени так и не определились, «что такое есть эта громадная страна: колония, или колонизируемая территория, или неотделимая часть неделимой России»⁴⁶.

Таким образом, хотя термины «переселение» и «колонизация» нередко смешивались, за первым к началу XX в. закрепился аграрный приоритет решения социальных задач крестьянства, тогда как во втором доминирующую роль играли политические интересы государства. Практика почти синонимичного их употребления свидетельствовала о совпадении в некоторых случаях пере-

⁴⁴ Никитин Н. И. Указ. соч. С. 5.

⁴⁵ Подробнее см.: Ремнев А. В. Имперская история России: азиатский вектор. Проблемы исследования и преподавания // Вестник Омского университета. 2007. № 4. С. 6–16.

⁴⁶ Ламин В. А., Резун Д. Я. Метаморфозы фронта в истории Сибири, Северной Америки и Австралии (к постановке проблемы) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 22.

селенческих и колонизационных усилий государства и народа. Разделение понятий «переселение» и «колонизация» никогда не было строгим, но всегда настороженным в случае ассоциаций с «колониальной политикой», за которой сохранялся негативный оттенок неравноправия и эксплуатации.

Колонизационные процессы в Российской империи никогда не ограничивались только завоеванием, присоединением территории и не всегда совпадали с переселенческим движением, поскольку основной смысл смещался от заселения к долговременному процессу «поддержания» государственного единства, созданию своего «русского» пространства. Важнейшую роль в строительстве империи должны были сыграть не столько военные и чиновники, сколько мирные крестьяне-переселенцы. Рассматривая усложнение в этой связи имперского дискурса в конце XIX – начале XX в., В. Сандерланд представил его как неоднозначное по смыслам движение: «Если российская колонизация и русское переселение равнозначны, это означает, что колонизация в России была не только крестьянской или земледельческой, или домашней, или колониальной проблемами, но всеми этими проблемами вместе. Результатом явилось то, что русские образы колонизации были изначально запутанными»⁴⁷. Вместе с тем миграционные процессы могут быть оценены и как стихийное народное движение, и как этнодемографический инструментарий «внутреннего» расширения империи, национального закрепления территории, реализации проекта «большой русской нации» за счет переселения и консолидации главным образом славянских народов.

1.2. Колонизационная политика самодержавия в Сибири: этапы и направления

Внутренний характер колонизации решительным образом повлиял на характер переселенческого законодательства и колонизационной политики русского правительства, перед которым

⁴⁷ Sunderland W. The «Colonization Question»: Visions of Colonization in Late Imperial Russia // *Janrbucher fur Geschichte Osteuropas*. 2000. № 48. P. 210–213; Он же. Империя без империализма // *Новая имперская история постсоветского пространства*. Казань, 2004. С. 459–472.

стояли задачи не только регулирования миграционных процессов, но и упорядочивании методов и форм водворения на окраинах. Очевидно, что интересы внутренних губерний и окраин находились в сложном противоречии⁴⁸.

Сохранение крепостного права в центре страны не позволяло государству свободно распоряжаться зависимым крестьянским населением, поэтому подавляющее большинство прибывших в Сибирь в XVIII в. крестьян было беглыми помещичьими или черносошными (государственными) крестьянами⁴⁹. Вольнонародная колонизация была в известной степени выгодна государству, поэтому особых усилий по возврату беглых крестьян, как правило, не предпринималось, хотя допускалось принудительное переселение вновь прибывших в Сибирь в районы первейшей государственной необходимости⁵⁰. В XVIII в. это территории, принадлежащие императорскому Кабинету на Алтае, притрактовая полоса в Барабинской степи, Прииртышье (Пресногорьевская, Кузнецкая, Иртышская линии), Забайкалье, Якутско-Охотский тракт.

Обеспечивая русское присутствие на азиатских окраинах, государство способствовало в первую очередь заселению стратегически важных территорий – трактов и пограничных линий, – укомплектованию штата административных учреждений и пополнению военных гарнизонов, используя при этом доступные колонизационные элементы: ссыльных раскольников, казаков донского и запорожского войск, бессрочно отпущенных солдат, уголовных

⁴⁸ Современные исследователи склонны, в отличие от советского периода, придавать большее значение регулирующей роли государства в деле колонизации и хозяйственного освоения Сибири. Результаты новейших исследований по истории переселенческой политики обобщены в коллективной монографии «Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII–XX вв.» (Новосибирск, 2009) и в обзорной главе Г. А. Ноздрина «Массовые переселения в Сибирь в конце XIX – начале XX в.: роль государства и адаптационные стратегии». – Массовые аграрные переселения на востоке России (конец XIX – середина XX в.). Новосибирск, 2010. С. 11–82.

⁴⁹ Кабузан В. М., Троицкий С. М. Движение населения Сибири в XVIII в. // Сибирь в XVII – XVIII вв. Новосибирск, 1962. С. 146.

⁵⁰ Бульгин Ю. С. Колонизация русским крестьянством бассейнов рек Чарыша и Алея до 1763 г. // Вопросы истории Сибири. Вып. 1. Томск, 1964. С. 17; Сафронов Ф. Г. Охотско-Камчатский край (пути сообщения, население и земледелие до революции). Якутск, 1958. С. 39–52.

ссылных. «Штрафная колонизация» в XVIII в. была важным источником пополнения рабочей силы на казенных и частных заводах и рудниках. Но уже на ранних этапах колонизации сибирская администрация, признавая негативное влияние ссылных, запретила приселять их к старожильческим деревням, «дабы леностью ссылных не заражать местное население». Ссылнопоселенцы, как и прочие слабо инкорпорированные группы, во многом определяли специфику сибирского крестьянского общества, оказывая влияние на самые разные сферы его жизнедеятельности, например, на экономическое положение хозяйства старожилов, их психологию, практику управления и т. д. Слабые и несостоятельные в экономическом и общественном отношениях, поселенцы неизбежно становились эксплуатируемой частью общества, на которую почти не распространялись ни общинная демократия, ни мирское сострадание. Народник Н. М. Астырев, наблюдая за отношениями между старожилами и поселенцами, образно заметил, что поселенцы являлись «жирной почвой для развития эгоистических наклонностей, притупляли в местном населении и без того недоразвитые в нем альтруистические чувства». Поселенец, особенно принадлежавший к иной этнической, языковой или социальной среде, не чувствовал привязанности к новым обычаям и местам, куда он попал не по своей воле. Чувство оторванности закреплялось неполноправным положением, в которое он попадал на месте приписки.

Последним крупным проектом XVIII столетия стал сенатский указ 1799 г. о населении «Сибирского края, прилежащего к границам китайским», который предусматривал принудительное заселение стратегически важных территорий⁵¹. В указе подчеркивалось, что сибирский край из-за слабой заселенности «не приносит пользы, каковую бы государство от него получить должно». Планировалось переселение первоначально 2 тыс., а затем до 10 тыс. ссылных, которым обеспечивались льготные условия водворения, в частности наделение по 30 дес. удобной земли. Однако этот план не имел успеха. В 1806 г. программа заселения Сибири была скорректирована, и в качестве главной причины неэффективности прежних колонизационных усилий было

⁵¹ ПСЗ-I. № 19157.

признано отсутствие надзора и контроля со стороны государства. Новое положение о переселении в Сибирь, учитывая негативный опыт штрафной колонизации, расширило территорию водворения и состав переселенцев. Впервые было разрешено вольным переселенцам из государственных крестьян малоземельных внутренних губерний селиться в Западной Сибири. Переселенцы делились на казенных и собственных (т. е. самостоятельных): казенные водворялись в поселки, построенные за счет казны, вторые селились по своему усмотрению. Казенные поселения, по сути, повторяли идею военных поселений, только осложненную тем, что водворялись в казенных селениях не военные, а ссыльнопоселенцы.

В Тобольскую и Томскую губернии направляли в основном государственных крестьян. Они освобождались от уплаты податей (временная податная льгота) и выполнения повинностей, за исключением воинской, получали от казны ссуду, сельскохозяйственный инвентарь, рабочий скот. До первой жатвы на месте переселенцы получали семена на посев и хлеб или кормовые деньги. После завершения льготного срока они обязаны были выполнять все казенные подати и выплачивать в течение 15 лет ссуду. К 1813 г. в Томскую губернию прибыло около 16 тыс. переселенцев. В Иркутской губернии расселяли крестьян, принятых от помещиков, отставных солдат и ссыльнопоселенцев. Принудительная ссылка давала значительно меньшие результаты. Так, за Байкалом и вокруг него за 1800–1819 гг. было водворено около 8 тыс. поселенцев.

В ноябре 1821 г. М. М. Сперанский внес на рассмотрение Сибирского комитета проект: «О позволении переселения в Сибирь государственных крестьян из внутренних губерний, а также в Сибирь из одной губернии в другую». Сперанский отмечал двоякую выгоду для государства добровольных переселений в Сибирь: возможности, во-первых, заселить малолюдный край, во-вторых, обеспечить безземельных крестьян. Сибирский комитет одобрил предложение, и оно было претворено в именном указе «О разрешении казенным крестьянам всех губерний переселяться в Сибирь и внутри сибирских губерний» 1822 г. При этом совершенно отказаться от услуг «штрафной» колонизации государство не смогло, что нашло отражение в подготовленном тем же Сперанским «Уставе о ссыльных» 1822 г.

Возрастающий поток ссыльных в Сибирь приводил к тому, что в некоторых волостях число причисленных ссыльных равнялось числу старожилов или даже превышало его. В донесениях Нижнекаинского волостного правления Томской губернии отмечалось, что к деревням этой волости приселены ссыльные, число которых равняется числу старожилов, «а притом большая часть поселенцев, не имея привычки заниматься сельскими работами, обращаются в бродяжничество и делают кражи и другие вредные поступки». С подобными жалобами обращались и жители других волостей Томской и Тобольской губерний⁵². В 1827 г. крестьяне Нижнекаинской волости подали прошение о переводе ссыльных, причисленных к их волости, на другие «приличные им поселения». Чиновники, ревизовавшие государственные имущества Западной Сибири в 1840-е гг., также отмечали негативное воздействие на нравственность старожилов, особенно в Томском округе, где поселенцы по численности стали преобладать над крестьянами. Ревизоры отмечали, что как только ссыльнопоселенцев становилось больше старожилов, они приобретали перевес во мнениях и увлекали крестьян «к разврату и пьянству», что являлось первым шагом к расстройству их хозяйства.

Наличие значительного количества неустроенных ссыльнопоселенцев приводило к ухудшению криминогенной обстановки в регионе. Часто воровство являлось «единственным ремеслом», которым владел ссыльный, а главным объектом его нападений становились крестьяне. Официальные отчеты фиксировали формирование сплоченных групп, объединенных «общим делом» против крестьянского общества, скрывающих преступников, препятствующих проведению розыскных действий. Такие факты отмечались в отношении так называемых лютеранских колоний (Рига, Ревель, Нарва и Гельсингфорс), существовавших на территории Омского округа. Полиция и волостное правление не могли эффективно осуществлять следственные мероприятия на территории подведомственных колоний хотя бы потому, что никто из колонистов не соглашался быть понятым, а приглашенные из русских деревень, «не владея их наречием», не в состоянии бы-

⁵² РГИА. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 19. Л. 2 об., Д. 75. Л. 12–23 об.

ли противостоять действиям по сговорам и сокрытию вещественных доказательств⁵³. Несмотря на то, что ссыльнопоселенцев после водворения причисляли в сословие казенных поселян, они оставались неполноправными членами крестьянского общества. Волостное начальство зачастую не способствовало, а препятствовало обзаведению поселенцами собственным хозяйством и домами. Поскольку все волостное начальство избиралось из старожилов, то при разборе поселенческих дел оно, как правило, и поддерживало старожилов.

Кроме того, отсутствие правил по причислению ссыльных к волостям для волостных правлений и несоблюдение таких Экспедицией о ссыльных также не способствовали укоренению ссыльнопоселенцев. Генерал-губернатор Западной Сибири Г. Х. Гасфорд после обозрения волостных правлений Тобольской и Томской губерний отмечал, что «волостное начальство и земская полиция не настаивают, чтобы ссыльные водворялись». Это подтверждалось тем, что земские суды выдавали ссыльным увольнительные билеты еще до прибытия их в волость, также не особо удерживали их в волостных правлениях, особенно после того как выдача увольнительных билетов была передана от поселенческих смотрителей в волостные правления и эта сфера стала еще одной «золотоносной жилой» сибирских волостных писарей.

Отказывая старожилам в праве не принимать в свое общество ссыльнопоселенцев, местная администрация признавала возможным создание обществ по инициативе самих ссыльных. Общество поселка Деспот-Зеновича было сформировано бывшими ссыльными поляками по принципу единства веры и языка. Прожившие более 30 лет в старожильческих поселках, они по-прежнему испытывали притеснения в мирских выборах, «бытовую и религиозную рознь» и потому просили у администрации особый земельный участок для самостоятельного общества⁵⁴.

К середине XIX века стало очевидным, что устройство ссыльных силами крестьян-старожилов и местной администрации

⁵³ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 13452. Л. 46.

⁵⁴ Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольскую губернию за последние 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.). Т. 1. Историко-статистическое описание 100 поселков. М., 1895. С. 379.

неэффективно уже в силу их незаинтересованности в увеличении числа самостоятельных хозяйств⁵⁵. Хотя ссыльнопоселенцы до причисления в сословие государственных крестьян не входили в единое податное общество, включение их в крестьянское общество снимало с чиновников и переключало на волостное начальство целый ряд задач, в том числе по учету населения и сбору податей. В отношении ссыльных эта задача осложнялась и превращалась в чрезвычайно трудоемкий процесс в связи с их постоянными перемещениями с места приписки.

Важным этапом в переселенческой политике стала реформа государственной деревни, проводимая министром государственных имуществ П. Д. Киселевым. В 1842 г. на Сибирь были распространены правила об общем порядке переселения казенных крестьян, изданные в 1824 и 1831 гг. До этого Сибирь исключалась из районов водворения переселенцев до окончательного заселения Причерноморья. Закон 1843 г. стал первой попыткой самодержавия решить проблемы малоземелья в некоторых великорусских губерниях за счет массового переселения государственных крестьян в Сибирь. С 1838 по 1855 г. в Западную Сибирь прибыло более 90 тыс. переселенцев. Правительство также практиковало выкуп у помещиков крепостных с последующим их переселением в Сибирь. Самовольные переселения частновладельческих крестьян не приветствовались, хотя в Сибири постоянно выявлялись новые люди, самовольно ушедшие сюда из центра страны. Чиновники, подобно Магеллану и Колумбу, вплоть до второй половины XIX в. открывали новые деревни, не учтенные ревизиями⁵⁶.

Государство, контролируя масштабы переселения, жестко регламентировало все его этапы, заботясь о появлении в Сибири

⁵⁵ Томский губернатор рассуждал следующим образом: «И что же было бы, если бы все поселенцы обрабатывали поля? Кто бы стал есть хлеб и чем бы уплачивать подати? Дай бог, чтобы число поселенцев на промыслах не уменьшилось, это полезно промышленности и земледельцам, которых труд ныне по дешевизне не вознаграждается... Люди, слава Богу, заняты, только мы не знаем, чем и где...». Цит. по: Мамсик Т. С. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX в. Новосибирск, 1987. С. 35.

⁵⁶ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1927. Л. 221.

состоятельного колонизатора и прочности его водворения. Местные учреждения Министерства государственных имуществ (МГИ) должны были контролировать районы выхода и водворения переселенцев, определяя экономическую, политическую и социальную целесообразность переселения, проводить межевые и землеустроительные работы, формировать переселенческие партии, следить за использованием ссуд. Переселенцев обеспечивали жильем, продуктами питания, сельскохозяйственными орудиями, строительными материалами, кормами и семенами, предоставляли им трехлетнюю льготу на выплаты податей и десятилетнюю денежную ссуду. При незначительных размерах переселенческого движения государству удавалось обеспечивать переселенцев всем необходимым, но льготы привлекали население в Сибирь и способствовали нарастанию переселенческого потока. Процесс утрачивал контролируемый характер и эффективность водворения. Не способствовало прочности освоения Сибири и скептическое отношение местной администрации к переселенцам и в целом к переселенческому курсу правительства. Узость рынка, отсутствие удобных речных и морских путей для сбыта земледельческой продукции, малочисленность городского и промышленного населения могли привести к перепроизводству хлеба, снижению цен на него и, как следствие, снижению платежеспособности сибирского крестьянства⁵⁷. Чиновник по особым поручениям Н. Я. Смирнов по итогам ревизии МГИ отмечал, что переселение крестьян в Сибирь при значительных затратах пользы правительству не принесет. Переселенцы будут «сыты, но нищи, от них обнищают и сибиряки. Хлеб потеряет свою цену, чем заплатят крестьяне подать, на что купят вина?». Поэтому, заключал он, для Сибири еще долго «не нужны попечения правительства об умножении в ней народа извне; это раннее попечение превратит Сибирь, страну богатую, довольную – в нищую»⁵⁸. Экономические доводы сибирской администрации тем не менее оказывали незначительное влияние на правительственный курс и еще менее затрагивали устремления потенциальных переселенцев.

⁵⁷ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2071. Л. 115.

⁵⁸ Там же. Л. 116.

За Уралом самодержавие отказалось от крепостнического варианта закрепления за империей новых земель, используя помещика в качестве колонизационного и культурного элемента, как это было в Поволжье, Новороссии и Западном крае⁵⁹, и сделало главную ставку на крестьянина⁶⁰. Хотя на протяжении первой половины XIX в. государство неоднократно возвращалось к идее участия российского дворянства в колонизации сибирской окраины. Развитие крупного помещичьего хозяйства на сибирской окраине не только предполагало более высокий агротехнический потенциал, финансовую обеспеченность, не требующую дополнительных затрат со стороны казны, но и мотивировалось развитием края в соответствии с «потребностями Русской жизни и сообразно с Монархизмом», а также расширением в среде сибирского населения образованных и «верных слуг престола, безусловных исполнителей воли Монаршей»⁶¹.

Заселение Сибири во второй половине XIX – начале XX в. еще теснее увязывалось правительством с разрешением крестьянского вопроса в центре России. После реформы 1861 г. крестьяне получали личную свободу, но правительство, учитывая заинтересованность помещиков в дешевом крестьянском труде, сдерживало переселенческие устремления. За переселение без разрешения правительства предполагалось уголовное наказание (от 3 недель до 3 месяцев). По закону 1866 г. отменялись ссуды и льготы для переселенцев, не предоставлялись они совсем и в случае переселения на кабинетские земли Алтая.

Принятие «Временного положения» об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-

⁵⁹ О полемике сторонников помещичьей и крестьянской колонизации в Западном крае и Царстве Польском во второй половине XIX – начале XX в. см.: Горизонтов Л. Е. Выбор носителя «русского начала» в польской политике Российской империи. 1831–1917 // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000. С. 107–116.

⁶⁰ См.: Худяков В. Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск, 1986. Гл. VI «Попытки насаждения дворянского землевладения в Сибири»; Островский И. В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991. Глава I. 3. «Мероприятия по созданию помещичьего землевладения».

⁶¹ ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 50. Л. 3, 7.

губернаторств 1868 г. активизировало обсуждение местными администрациями дальнейших перспектив степных окраин в составе Российской империи, поиска оптимальных и продуктивных колонизационных практик. Период 70–80-х гг. XIX в. в этом отношении был чрезвычайно плодотворным, поскольку генеральная линия этого процесса (а именно русская крестьянская колонизация) еще не была окончательно определена. В связи с этим оставались открытыми вопросы и о будущем кочевого хозяйства казахов, их сословном и административном устройстве в условиях интеграции степных территорий. С момента официального «открытия» Акмолинской и Семипалатинской областей (новый переселенческий закон от 13 июля 1889 г. «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли»⁶²) крестьянская легальная и стихийная колонизация, усиленная мощными экономическими стимулами (голод начала 90-х гг. и дешевая транспортировка переселенцев по железной дороге), окончательно вытеснит альтернативные проекты казачьей и «казахской» степной колонизации.

В конце XVIII – первой половине XIX в. основным субъектом степной колонизации, укрепляющим границы, создающим оседлую земледельческую культуру, оставался казак. Переселение по инициативе государства великорусских и малороссийских крестьян в 40–50-е гг. предполагало причисление их в казачье сословие⁶³. В начале 60-х гг., признавая ценность самовольных крестьянских переселенцев, администрация распространяет и на эту категорию колонизаторов льготы и пособия при поселении в станицах Сибирского казачьего войска. В отношении казахского населения постоянно, хотя и непланово, проводились мероприятия, направленные на «приохочивание» их к оседлой жизни (податные льготы, продовольственные и денежные ссуды, освобождение от воинской повинности, «изнеживание в хоромаш», построенных за казенный счет)⁶⁴.

⁶² ПСЗ-III. Т. IX. № 6198.

⁶³ Памятная книжка Акмолинской области на 1909 г. Омск, 1909. С. 83.

⁶⁴ Записка по вопросу содействия кочевникам киргизам к переходу в оседлое состояние // РГИА. Коллекция печатных записок. № 2493. С. 1–10.

Степная комиссия в 1865 г. пришла к выводу, что «прочное, крепкое прикование земель этих навсегда к России и постепенное *органическое их слияние* (здесь и далее курсив наш. – А. Р., Н. С.) с нею может быть единственной целью нашей администрации в среднеазиатских владениях». Имперским экспертам теперь кажется, что наступил момент, когда «*умиротворение*» степи уже произошло, внешние границы империи отодвинуты к югу, поэтому в отношении казахов можно действовать более решительно. «Для распространения между киргизами *гражданственности*, – проявляя идеологический модерн, заключала комиссия, – сближения их с русскими и развития производительных и промышленных сил страны нельзя не признать полезным и необходимым водворение в степи русского населения, которое, принадлежа к *высшей расе*, будет иметь благодетельное влияние на быт народа и подготовит его к *полному соединению* с Россией. В этих видах колонизация русским населением киргизских степей, которые, вследствие последних завоеваний наших в Средней Азии, обратились во *внутренние провинции* империи, имеет важное значение для всего государства»⁶⁵. Несмотря на то, что Степная комиссия предлагала ускорить русскую колонизацию, западносибирский генерал-губернатор А. О. Дюгамель в русле охранительной политики продолжал настаивать, что, несмотря на то, что «встречаются самые благоприятные условия и роскошные пастбища, эта степь не годится для земледелия и всегда будет населена исключительно кочевым племенем»⁶⁶. Даже в 1873 г. на всеподданнейшем отчете акмолинского губернатора В. С. Цытовича, который он представил предварительно генерал-губернатору А. П. Хрущеву, на полях, очевидно, сам начальник края оставил краткое, но весьма красноречивое замечание: «утопия». Речь шла о рассуждениях Цытовича, только что занявшего губернаторский пост, как приобщить кочевников к «русской цивилизации и просвещению». Он возлагал большие надежды на соседство «киргизских зимовых стойбищ с оседлым населением. От этого соприкосновения произойдет обмен мыслей и понятий между кочевыми и оседлыми

⁶⁵ По проекту положения Киргизской Степной комиссии об управлении киргизскими степями (1868 г.) // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 120. Л. 60.

⁶⁶ Автобиография А. Ю. Дюгамеля // Русский архив. 1885. № 7.

жителями, причем первые будут заимствовать от последних некоторые привычки, обычаи, удобства жизни и т. п. Из этого возникает вопрос о колонизации степи, вопрос чрезвычайно важный, но и чрезвычайно трудный для разрешения». Однако новый губернатор проявлял осторожность и также заключил: «Сделать киргиз оседлыми значит убить скотоводство, чего вовсе нежелательно, тем более что, лишив кочевников этого источника благосостояния, мы ничего не можем дать им взамен. Более желательно было бы устройство в степи русских поселений; но и к этому Акмолинская область представляет мало удобств по отсутствию леса, а местами и пресной воды»⁶⁷.

Пока в правящих кругах дебатировали вопрос о целесообразности крестьянской колонизации степи, сами крестьяне, не дожидаясь разрешения, селились там, арендуя землю у кочевников. Так, уже к 1866 г. в Акмолинской области появились первые крестьянские поселки, численность населения которых стала быстро расти. Самовольные переселенцы из ближайших Пермской и Тобольской губерний создавали селения на условиях аренды казахских земель под хлебопашество либо «без всякого согласия и участия» казахов. Самостоятельный выбор участков крестьянами, без согласования с чиновниками, оправдывался только удобством природно-климатических и хозяйственных условий и поэтому, как правило, был удачным и привлекательным для будущих переселенцев. Участки первоначального стихийного заселения быстро разрастались сначала в большие «заселки» в несколько дворов, а потом и в целые селения, несмотря на протесты «туземных жителей». В результате казачьи станицы как центры степного земледелия дополнялись крупными и богатыми крестьянскими селениями. Это приводило к конфликтам с кочевниками, что заставляло местную администрацию вмешиваться в формирующиеся новые земельные отношения. Схожий процесс перехода от арендного пользования землей к собственному крестьянскому землевладению, с которым приходилось мириться чиновникам, шел также в Тургайской и Семипалатинской областях⁶⁸. Очевидно, в Омске

⁶⁷ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11285. Л. 369–370.

⁶⁸ Из журнала Совещания о землеустройстве киргиз (23 марта 1907 г.) // Аграрная история Казахстана (конец XIX – начало XX в.). Алматы, 2006. С. 55.

все же были готовы предложить меры по упорядочению переселенческого движения, о чем свидетельствует журнал совета Главного управления Западной Сибири, который еще при генерал-губернаторе А. П. Хрущеве сообщили в МВД⁶⁹.

Н. Г. Казнаков, занявший пост западносибирского генерал-губернатора 1 января 1875 г., уже в первом своем отчете в Петербург во главу угла имперской политики в отношении Казахской степи поставил русское крестьянское переселение: «Положение степных областей требует особенного внимания. Со времени принятия киргизами русского подданства успехи, сделанные ими в гражданственности, ничтожны. Попытки перехода к земледелию, впрочем, весьма успешные, остались почти только те, которые были введены Китайским Правительством. Между тем доколе киргизы будут одиноко совершать в пустынных пространствах степей огромные орбиты своих кочевок вдали от русского населения, они останутся верноподданными лишь по названию и будут числиться русскими только по переписям. Сопредельные с ними по линии казаки, по малочисленности своей, не принесли делу обрусения киргизов ощутительной пользы, но сами научились поголовно киргизскому наречию и переняли некоторые, впрочем, безвредные привычки кочевого народа. Осторожное водворение внутри самой степи, поныне еще неразрешенное, оседлого русского населения, без стеснения, однако, кочевок, частое общение русских с киргизами не на одной только пограничной линии, а на местах постоянных киргизских зимовок, наглядный ежедневный пример более удобной жизни, награды и поощрение киргизам, начинающим соединять кочевую с земледельческой жизнью, т. е. таким, которые, кочуя летом, обсеменяют поля весной, а осенью собирают жатву и занимаются сенокошением, избавляющие от неминуемой гибели стада их в случае зимней гололедицы, представляют, мне кажется, свод единственных средств, могущих смягчить нравы и поднять уровень благосостояния полудикого народа, у которого в недавнем еще времени воровы и разбойники пользовались почетным именем барантачей»⁷⁰.

⁶⁹ ГИАОО. Ф. 3. О. 7. Д. 11587. Л. 304.

⁷⁰ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 13200. Л. 370–371. Отчет был отправлен из Омска в столицу 30 сентября 1875 г.

Но даже в середине 1870-х гг., когда западносибирский генерал-губернатор Н. Г. Казнаков, ответственный за управление северо-восточной частью казахской степи, поставил вопрос о привлечении туда русских крестьян-переселенцев, его планы не были одобрены в Петербурге⁷¹. Однако запретительная политика не могла уже остановить набравшего силу миграционного потока, что привело к расширению практики самовольных переселений, удельный вес которых увеличился до 80–85 %. Именно это обстоятельство вынудило правительство в 1869, 1871, 1876 гг. признать за самовольными переселенцами права на вселение.

Семипалатинское областное правление в 1873 г. поддержало предложение генерал-губернатора начать крестьянское заселение Степного края с почтовых и коммерческих дорог. «Образование русских поселений при путях почтовых и коммерческих даст нужные удобства при передвижении торговых транспортов, с чем неизбежно понизится и ценность привозимых в степь продуктов, развитие же хлебопашества при благоприятной во многих местах почве дало бы возможность с большею против настоящего выгодой приобретать хлеб на месте, что при случающемся нередко в степи большом упадке скота, влекущем разорение и голод степного населения, служило бы более надежным обеспечением продовольствия самих кочевников, которые перестают уже довольствоваться одною только животною пищею»⁷². Обсуждения «затруднений», связанных и с размещением русских поселков, и с правами на землю кочевников, чиновники областного правления посчитали преждевременными и не особо значимыми. Решение вопросов о правах казахов на землю, которая могла отойти в пользование переселенцев, виделось из канцелярий до появления здесь переселенцев, т. е. в теории, простым и бесконфликтным. Сохранялось также представление, что кочевое хозяйство казахов достаточно однородно и примитивно уже потому, что все

⁷¹ Подробнее см.: Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Степная колонизация в проектах западносибирской администрации 1870-х гг. // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность). Омск, 2010. Вып. 4. С. 47–74.

⁷² ГИАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11587. О водворении в степи русских поселений ... 1873. Т. 2. Л. 265.

земли находятся в общем пользовании⁷³. Поэтому, казалось, будет достаточным проверять точность сведений, предоставляемых уездными начальниками, «соотносить сложившуюся ситуацию с нуждами края», а дальше уповать «на беспрестанную перемену киргизами зимних и летних стойбищ», т. е. что нужные участки сами собой освободятся⁷⁴. Но даже в такой ситуации областное правление не доверяло уездным чиновникам самим отыскивать «удобные и годные земли». Необходимость учета множества как естественных, так и психологических факторов, а также ответственность за принятое решение (особенно в случае неудачного выбора) делали уездных чиновников не особо заинтересованными в обнаружении подходящих переселенческих участков. Самостоятельность крестьян в выборе места и оформлении земли позволяла чиновникам оставаться в роли третейских судей, т. е. не быть виноватыми для обеих сторон в случае конфликта. Отсутствие урожая, конфликты с местным населением, голодовки приводили к реальным и не вполне просчитываемым материальным потерям. Вероятно, можно отметить и ведомственную незаинтересованность чиновников уездной (как и областной) администрации в реализации долгосрочных реформаторских проектов, тем более что они усложняли текущую административную практику. Опыт подсказывал, что крестьяне самостоятельно и более успешно могли решать эту задачу. До утверждения окончательного плана водворения было принято решение не прерывать инициативы крестьян и кочевников, желающих завести оседлые земледельческие хозяйства, в виде опыта и эксперимента. Это фактически означало признание вольнонародной колонизации более эффективной по сравнению с государственной.

Инициатива Н. Г. Казнакова не была безоговорочно поддержана и столичными ведомствами. При рассмотрении западно-сибирских проектов в МГИ и МВД степная колонизация была признана преждевременной, поскольку более злободневной и незавершенной задачей оставалось водворение русских переселен-

⁷³ Отчеты о деятельности ЗСО ИРГО за 1898, 1899, 1900 и 1901 гг. Омск, 1902. С. 27.

⁷⁴ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11587. Т. 1. Л. 6 об.

цев в Уфимской и Оренбургской губерниях. Министр государственных имуществ П. А. Валуев призывал к крайней осторожности при допущении переселенцев в столь отдаленные местности при слабой заселенности внутренних территорий. Кроме того, предполагалось дождаться результатов уже начатого эксперимента, апробировать на практике разработанные положения и в дальнейшем внедрять их в Степном крае. Военное и финансовое ведомства признали «быструю колонизацию» степей оправданным мероприятием с точки зрения экономической пользы, а также военно-политических целей укрепления русского элемента на окраинах, способного пополнять вооруженные силы империи⁷⁵. Но и эти ведомства указывали на неуместность колонизации «в частном порядке» на основании разработанных правил для отдельных областей, предлагая подойти к проблеме в государственном масштабе, рассматривая в комплексе колонизацию и Сибири, и степных областей. Это было весьма резонное замечание. Обсуждая в течение более четырех лет колонизацию Акмолинской и Семипалатинской областей, чиновники почти не обращались к опыту ближайших соседей, например Семиреченской области, где уже в 1869 г. стараниями Г. А. Колпаковского были утверждены временные правила о крестьянских поселениях. Исследования показывают, что характер обсуждаемых вопросов по проблемам колонизации по всем азиатским окраинам оказывался схожим⁷⁶.

Из стратегических соображений (необходимость освоения пограничных окраин) в 1861 и 1866 гг. создаются особые правила заселения Приамурского и Южно-Уссурийского краев, Приморской области, но и там не была реализована идея Н. Н. Муравьева-Амурского о свободном заселении и, по опыту колонизации Се-

⁷⁵ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11587. Т. 2. Л. 306.

⁷⁶ См., например: Галузо П. Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алматы, 1964; Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008; Тумайкина В. В. Г. А. Колпаковский – организатор крестьянского переселения в Туркестанский край (60–80-е гг. XIX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–2. Серия «История». URL: <http://izvestia.asu.ru/2009/4-2/hist/TheNewsOfASU-2009-4-2-hist-40.pdf> (дата обращения: 17.12.2010).

верной Америки, передаче земли в частную собственность⁷⁷. Дальневосточные земли стали своеобразной площадкой новых колонизационных технологий с высокой степенью участия государства: плановое заселение вдоль почтовых трактов и на побережье Амура, морские перевозки Добровольческого флота, более активное финансовое участие казны, использование не только общинного, но и подворного (хуторского) хозяйства. Добровольческий флот за трехлетие 1883–1885 гг. доставил во Владивосток морем 5780 душ обоюго пола, из них 4683 были перевезены на казенный счет. Задача, сформулированная заведующим переселением в Приамурском крае Ф. Ф. Буссе, – создать полосу поселений, которые закроют «русской грудью границу», обеспечат главный торговый путь края и станут плацдармом для дальнейшего продвижения, сломив сильное «манзовское» население, – считалось, была выполнима только при условии контролируемых миграций. Вместе с тем, сравнивая успехи русской колонизации со встречным движением корейцев, китайцев, собственными иностранными и иноконфессиональными колонистами, современники неоднократно указывали на слабость общественной организации у русских, полное отсутствие помощи обществ, которые переселенцы покидали⁷⁸.

Разработанные и утвержденные в 1881 г. Временные правила для переселения крестьян, по мнению исследователей, в большей степени сдерживали, чем поощряли переселения. Правила имели ограниченное применение и не были даже опубликованы. Стремясь проконтролировать процесс, не допустить стихийного движения, выдачу разрешений обставили множеством формальностей. Переселенец, решивший получить законные основания для изменения места жительства, должен был получить согласие не только собственной общины, местного начальства, но и двух министерств (МВД и МГИ). Выступая пе-

⁷⁷ Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX в.: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. Новосибирск, 1998. С. 192.

⁷⁸ Болховитинов Л. М. Колонизация Дальнего Востока // Русский разлив. М., 1996. Т. 2. С. 360–370.

ред «сведущими людьми» переселенческой комиссии 22 сентября 1881 г., министр государственных имуществ назвал свободное переселение «главным злом», сравнив его с азартной игрой, в основе которой, как и в переселении, лежит желание «легчайшей наживы»: «Это произведет волнение умов, стремление к несбыточным надеждам и приучит лишь крестьян к шатанью с места на место, нигде не укрепляясь надолго, обратит их в каких-то номадов». Поэтому, настаивал он, следует говорить не о переселении, а о «расселении» всех нуждающихся в земле. «Все эти лица, занявшись лично хлебопашеством, будут государству одинаково полезны и уменьшат пролетариат, уже начинающий тяготеть и над нашею странюю»⁷⁹.

Результативность переселенческого движения зависела не только от политики центра, но и от позиции местной администрации. Так, степная администрация в начале 80-х гг. в переселенческом деле осторожничала, опасаясь, очевидно, не только хозяйственных, но и политических осложнений. Акмолинский губернатор М. А. Ливенцов (1883–1890) смог добиться приостановки русского переселения в степь, а местные чиновники продолжали скептически утверждать, что «оседлая колонизация здесь невозможна и гибельна для кочевников»⁸⁰. Был даже поднят вопрос, всполошивший сибирских казаков, об изъятии части земель в пользу казахов и переселенцев из «десятиверстной полосы». В выводах межведомственной комиссии, возглавляемой Ливенцовым, содержался призыв «возвратить эти земли их исконным владельцам». Защитник казахских интересов Г. Е. Катанаев, близкий в молодые годы к областникам, подвел итог этому периоду: «Так смотрела областная администрация в начале 1880-х годов на дело водворения в степях русских людей. Замечательно, что ее подерживали в разных периодических изданиях и даже в докладах ученым обществам русские представители дешевого либерализма, почерпавшего всю свою мудрость из последних книжек ходовых

⁷⁹ Цит. по: Берг И. Н. Переселение. Б. м., 1882. С. 6–7.

⁸⁰ Катанаев Г. Е. На заре сибирского самосознания. Воспоминания генерал-лейтенанта Сибирского казачьего войска. Новосибирск, 2005. С. 96.

тогдашних журналов»⁸¹. Несмотря на неполную реализацию каз-наковских планов, колонизационный вопрос в Казахской степи удалось сдвинуть с мертвой точки. «Не обращая внимания на крики об обезземелении киргиз и о водворении крестьян на бесплодных почвах, началось заселение ими наиболее проезжих трактов к степным городам, – вспоминал в 1913 г. Г. Е. Катанаев. – Были построены богатые теперь, – села Алексеевское, Викторовское, Балкашинское, Владимировское, Дорофеевское, Явленное, Кривоозерское и много других»⁸².

В целом 1880-е гг. можно считать подготовительным этапом массовой колонизации 90-х гг. XIX в. – начала XX в. В это время государство приступило к созданию специальной структуры государственных учреждений, в том числе и местного уровня, задача которых заключалась в изучении колонизационной вместимости территорий, образовании переселенческих участков (переселенческих отрядов и партий), организации систематического учета (регистрационных пунктов в Челябинске и Тюмени) и т. д. Если с 1861 по 1885 г. ежегодно за Урал переселялось в среднем по 12 тыс. человек, то в 1886–1895 гг. эта цифра возросла до 39 тыс.⁸³ Известную роль в решении правительства интенсифицировать колонизационный поток за Урал сыграл голод 1891 г., вслед за которым наблюдался резкий скачок в переселенческом движении (более 80 тыс. человек в год), затем небольшой спад, а с открытием движения по Сибирской железной дороге численность переселенцев быстро нарастала, переживая периоды снижения и подъема, но все время держась на высоком уровне по сравнению с предшествующим десятилетием.

Новые тенденции в колонизационной политике стали постепенно проявляться с конца 80 – начала 90-х гг. XIX в. Действие очередного переселенческого закона от 13 июля 1889 г. «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные

⁸¹ Катанаев Г. Е. На заре сибирского самосознания. С. 97.

⁸² Там же. С. 101.

⁸³ Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 116.

земли», значительно расширявшего возможности потенциальных переселенцев (освобождение от обязанности брать увольнительные приговоры от общества, уплачивать недоимки, ссуда на продовольствие и обсеменение полей), вызвавшего очередной переселенческий бум, было ограничено уже в 1892 г. Более долговременные последствия имели создание в 1892 г. Комитета Сибирской железной дороги и выработанные им новые принципы переселенческой политики. Прежде всего, было официально признано, что миграционные процессы безвредны для экономического развития Центральной России в связи с высоким естественным приростом населения (до 1,5 млн в год), что до этого времени не считалось бесспорным. С другой стороны, переселение было признано необходимым для окраин для «распространения и упрочения русской народности», а потому самовольное (вольнонародное) движение не должно было тормозиться административными или уголовными преследованиями. По мнению заместителя председателя Комитета Сибирской железной дороги Н. Х. Бунге, «правительственное воздействие на переселенческое движение не должно иметь целью задерживать переселенцев, хотя бы и самовольно покинувших родину, но могло быть направлено к тому, чтобы из года в год повторяющееся перемещение сельских обывателей носило характер более сознательный и получило более правильную постановку». С этого момента сдерживание переселенческого движения становится ненужным, наблюдается сокращение удельного веса самовольных переселенцев (с 80–85 % в конце 1880-х гг. до 60 % в 1894 г. и 26 % к началу XX в.). Уменьшение числа самовольных переселенцев было связано с облегчением получения разрешения (вплоть до отмены предварительного разрешения по закону от 7 декабря 1896 г.), возобновлением правительственных льгот и ссуд. По решению Комитета все самовольные переселенцы, прибывшие в Сибирь и Степной край с 1895 г., также наделялись казенной землей и обеспечивались правительственными пособиями.

Комитет Сибирской железной дороги рассматривал дело заселения (изначально только территорию вдоль строящейся же-

лезной дороги, позднее район мероприятий Комитета охватил всю Сибирь, казахские степи и некоторые местности Европейской России) с позиций сибирских и общерусских экономических и политических интересов⁸⁴. Для достижения поставленных задач Комитет обладал важными преимуществами: во-первых, личное председательствование наследника престола, впоследствии императора Николая II, что обеспечивало подчинение как центральных учреждений, так и местной администрации, во-вторых, наличие значительных финансовых средств. В распоряжение Комитета был предоставлен особый «фонд вспомогательных предприятий Сибирской железной дороги», главным образом для нужд колонизации Сибири. Финансовые возможности этого фонда были весьма значительны: с 1893 по 1903 гг. только на поддержку переселения было израсходовано около 27 млн рублей. Это позволяло лучше организовать переселенческое движение, расширить фронт землеотводных и ирригационных работ, наладить статистический учет переселенцев, создать более действенные организационные структуры, частично компенсировать отсутствие земств в Сибири в сфере врачебной, продовольственной, дорожного строительства⁸⁵.

Ссылка больше не рассматривалась даже как дополнительный способ заселения отдаленных сибирских территорий. Законом 12 июня 1900 г. была прекращена ссылка по уголовным преступлениям в Сибирь⁸⁶, а в Степном крае и в Туркестане империя изначально отказалась от использования методов «штрафной колонизации», опасаясь не только негативного воздействия уголовных ссыльных на местных жителей, но и снижения имиджа русских в глазах тех, чья верноподданность все еще была под сомнением. Исключение делали только для политических ссыльных, вероятно, не опасаясь, что их пропаганда может найти почву среди туземного населения, и считая, что дефицит образованных

⁸⁴ Беркгейм А. М. Переселенческое дело в Сибири (по личным наблюдениям и официальным данным). М., 1902.

⁸⁵ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. С. 46, 130.

⁸⁶ См.: Марголис А. Д. Система сибирской ссылки и закон 12 июня 1900 г. // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири XVIII – начала XX в. Новосибирск, 1978. С. 126–140.

кадров в крае даст им возможность применить свои интеллектуальные способности на благо империи.

Начиная с закона 6 июня 1904 г. в переселенческом законодательстве доминируют аграрные и социальные задачи, все более усиливающиеся в годы столыпинской реформы, но при этом не забывались и политические цели, направленные на усиление русской мощи на отдаленных окраинах. С 1906 г. были значительно увеличены расходы и штат местных переселенческих организаций. Однако мероприятия по улучшению организации переселений и расширение финансовой помощи, усиление попечительных мер негативно отразились на «качестве» переселенцев. Основную массу столыпинских переселенцев составили безземельные и малоземельные крестьяне, фактически не имевшие собственных средств и рассчитывавшие на государственную помощь⁸⁷. В условиях сокращения свободного колонизационного фонда Сибири, когда доступные и наиболее плодородные участки были уже перенаселены, перед правительством встала проблема привлечения к переселению более состоятельных земледельцев, способных к водворению в сложных условиях пограничных районов, безводных степей, таежных урманов. П. А. Столыпин безуспешно пытался распространить в Сибири права собственности на землю. Среди разнообразных причин недопустимости данного проекта отмечалось, что такое землеустройство «прикрепит старожила к месту и тем лишит его возможности выполнять свою культурную задачу» по освоению новых территорий⁸⁸. Однако с 1908 г. сибирским переселенцам начинают отводить земельные участки не только для общинного владения, но под хутора и отруба. В общинах с уравнительным переделом начинаются размежевание земель и передача их в индивидуальное владение. Процесс сокращения общинного землевладения в Сибири проходил

⁸⁷ Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. Западная Сибирь. Восточная Сибирь. СПб., 1912. Вып. IV–V; Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Томск, 1913. Вып. I–II.

⁸⁸ Островский И. В. Аграрная политика царизма в Сибири в период империализма. Новосибирск, 1991. С. 44.

быстрее, чем в России. Проводя крупномасштабные землеустроительные мероприятия по отводу участков для переселенцев в аграрном режиме, государство нарушало традиционные земельные права старожилов и инородцев. Несоблюдение баланса общероссийских и собственно сибирских интересов в колонизационной политике в годы столыпинской аграрной реформы приближало колонизационную политику Российской империи в азиатских владениях к типично колониальной, порождая все новые линии социальных и национальных напряжений.

Масштабы переселенческого движения в период 1906–1908 гг. превзошли самые смелые ожидания российских ученых-аграриев. Через год после окончания Русско-японской войны ежегодный приток переселенцев составил 220 тыс., в 1907 г. – 383 тыс., не считая 136 тыс. ходоков, в 1908 г. был достигнут максимум – 700 тыс. человек в год. После 1910 г. и до начала Первой мировой войны ежегодное число переселенцев колебалось в пределах 250–300 тыс. Всего с 1906 по 1914 г. за Урал прошло более 3 млн 700 тыс. переселенцев, из которых прочно водворилось там около 2 млн 700 тыс. Но и в эти годы самовольные переселенцы составляли в районе 40 %, а к 1910 г. в Сибири скопилось уже более 700 тыс. непричисленных переселенцев, которые не останавливались перед несанкционированными захватами земель не только у инородцев, но и у старожилов и казаков⁸⁹. Очевидно, что подобные масштабы переселения не соответствовали реальным возможностям Сибири и организационным ресурсам местной администрации. Между тем обратные переселенцы составляли от 2 до 10 %, однако доля окончательно водворившихся хозяйств увеличилась в 7 раз по сравнению с предшествующими периодами. Основную массу переселенцев давали Центральный, Малороссийский, Новороссийский, Белорусский, Волжский и Юго-Западный районы, на долю которых приходилось более 90 % всего вновь прибывшего населения.

⁸⁹ Ноздрин Г. А. Массовые переселения в Сибирь в конце XIX – начале XX в. С. 79.

**«Русское население» Азиатской России
конца XIX – начала XX в.**

<i>Губернии и области</i>	<i>Русское население</i>		<i>Общая численность населения</i>		<i>Процентное соотношение русских к общей численности населения</i>	
	1897	1911	1897	1911	1897	1911
Тобольская	1 311 706	1 827 992	1 433 595	1 975 239	91,5	92,5
Томская	1 760 619	3 463 266	1 927 932	3 673 746	91,3	94,3
Енисейская	494 462	875 000	570 255	966 409	86,7	90,5
Иркутская	376 291	588 148	515 070	750 000	73,0	78,4
Забайкальская	442 744	590 645	672 072	868 790	65,9	68,0
Якутская	30 007	18 035	269 191	277 187	11,2	6,5
Амурская	103 523	242 304	120 306	286 263	86,0	84,6
Приморская	109 764	380 437	188 977	523 840	58,0	72,6
Камчатская	3881	4200	34 658	36 012	11,2	11,7
Сахалинская	18 316	5593	28 113	8849	65,2	63,2
Уральская	163 910	297 711	645 121	804 245	25,4	37,0
Тургайская	35 028	235 480	453 416	712 615	7,7	33,0
Акмолинская	225 641	835 441	682 608	1 443 721	33,0	57,9
Семипала- тинская	68 433	174 873	684 590	873 760	10,0	20,0
Всего по Азиатской России	5 341 745	9 945 732	7 746 718	10 327 033	69,0	96,3

В начале XX в. русские (в расширительном толковании, принятом имперскими статистиками) уже преобладали в Сибири и на Дальнем Востоке, на значительной части Степного края, заметно наращивали свою численность в Туркестане. Островки «русского мира» формировали своего рода русский архипелаг в азиатском океане, разрастаясь от городов (крепостей), казачьих станиц, от укрепленных линий вдоль почтовых и торговых трактов, сливаясь постепенно в массивный «русский континент».

1914–1917 гг. можно определить как время подведения итогов и выработки новых колонизационных проектов, когда массовое переселенческое движение постепенно угасало, а в государственной политике населения появился новый объект политических

и социальных манипуляций – беженцы, военнопленные и вынужденные переселенцы. К работе государственных и земских учреждений активно подключились в эти годы переселенческая комиссия при Государственной думе, а также Общеземская организация.

Переоценку колониционных усилий государства в Сибири XIX – начала XX в., как это формулировали многие российские эксперты того времени, можно свести к следующим положениям: 1) переселение должно преследовать цель колонизации в широком смысле этого слова, перенося акцент на качественное улучшение переселенческого дела взамен его количественного развития; 2) главным принципом эффективной колонизации было признано свободное переселение, которое означало самостоятельный выбор участка («принцип свободной почвы»), вида деятельности и даже вероисповедания; 3) роль государства в колониционных мероприятиях должна была быть ограничена выработкой законодательства (прежде всего определения прав собственности), проведением землеустроительных работ, развитием кредитной системы и привлечением капитала, в том числе и иностранного. Патерналистские отношения в переселенческом вопросе, по мнению и чиновников, и общественных деятелей, имели существенные негативные последствия, привлекая на окраины не предприимчивых и хозяйственно самостоятельных пионеров-колонизаторов, а «государственных пестунов».

Уже в 1917 г. новая, пусть и временная, власть вновь выносит приговор о неэффективности переселенческой политики. В августе – сентябре 1917 г. комиссия по вопросам переселения и колонизации пришла к выводу, что земледельческая колонизация зашла в тупик. В решении комиссии указывалось, что колониционная политика должна исходить из общего плана оживления экономики страны при усилении роли окраин. Повышенное внимание уделялось промышленной колонизации, что должно было способствовать развитию и аграрного сектора сибирской экономики, обеспечивая сбыт ее продукции. Переселяющийся элемент должен быть вне сословий, обладать нужным запасом материальных средств, энергией и предприимчивостью, включая предварительную подготовку, в частности дальнейшее изучение экономических возможностей региона. По сути дела, эту линию в колониционной политике будет продолжать и советская власть, по

крайней мере в первое пятилетие после окончания Гражданской войны⁹⁰.

1.3. Управление миграционными процессами в поздней имперской России

1.3.1. Становление переселенческого ведомства

Переселенческий вопрос долгое время не имел особого и самостоятельного учреждения, что отражало сомнения и колебания правительства в оценках его перспектив и характера. В достаточно устойчивый министерский период переселенческое дело дробилось между ведомствами и учреждениями, имело различные источники финансирования, государственных идеологов, научных и общественных экспертов.

В данном исследовании управление миграционными процессами рассматривается в учрежденческом и институциональном аспектах. Становление переселенческого ведомства, построение административной вертикали и подчинение местных учреждений стали основой для характеристики новых принципов, факторов, формальных и неформальных норм, среды, формирующих колониальную политику империи и определяющих эффективность практик управления миграционными процессами. В тексте вновь затрагивается проблема «несуществующего» Министерства колоний Российской империи, чтобы подробнее охарактеризовать возможную сферу его деятельности и сопоставить ее с «управленческим пространством» Переселенческого управления⁹¹.

⁹⁰ См.: Платунов Н. И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 г.). Томск, 1976; Красильников С. А. Переселенческая политика в 1920–1930-е гг.: правовые нормы, условия и механизмы обеспечения массовых миграций // Массовые аграрные переселения на восток России (конец XIX – середина XX в.). Новосибирск, 2010. С. 83–120.

⁹¹ Сандерланд В. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // *Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*. М., 2010. С. 105–149; Ремнев А. В. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: колониализм без министерства колоний – русский «sonderveg»? // *Imperium*

Хотя переселенческие структуры и становились объектом исследования ученых, имперский ракурс изучения позволил вписать их в новые властные отношения, показать их роль как координационного и, что еще более значимо, научного звена в колониционных проектах империи. Изучение административно-правового пространства переселенческого дела, «научного осмысления» колонизируемой местности совместными усилиями переселенческих чиновников и научных, общественных экспертов России и Сибири выявило новую сферу сотрудничества представителей власти и общества в деле освоения и интеграции территорий, формирования гражданской нации и общества. Развитие переселенческих структур, являясь вспомогательным направлением аграрного (крестьянского) дела, зависело от многих внутривнутриполитических факторов, в том числе от общего направления административных реформ, господствующих представлений о соотношении государственных (коронных) учреждений и общественных (земских) структур.

По общему учреждению министерств все управление государственными имуществами, крестьянами и сельским хозяйством находилось в ведении Министерства финансов⁹². В 1837 г. для управления государственными крестьянами, эксплуатации казенных имений и других земельных владений, для содействия развитию сельского хозяйства было создано Министерство государственных имуществ⁹³. Оно возникло позднее других центральных учреждений, поэтому его устройство было достаточно сложным и детализированным: два департамента государственных имуществ (16 отделений, распространявших свое влияние на всю страну), лесной департамент и департамент сельского хозяйства (с 1866 г. департамент земледелия и сельского хозяйства), ученый комитет. К разряду свободных сельских обывателей помимо госу-

inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). М., 2010. С. 150–181.

⁹² Ивановский В. В. Государственное право. § Развитие органов администрации сельского хозяйства и государственных имуществ // Известия и ученые записки Казанского университета. По изданию № 5. 1895. [Информационно-образовательный юридический портал allpravo.ru]. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc117p/instrum2817/item2910.html> (дата обращения: 14.04.2012).

⁹³ ПСЗ-И. Т. 12. № 10834.

дарственных крестьян были отнесены также иностранные поселенцы (колонисты), еврей-земледельцы, водворенные на казенных землях, инородцы Восточной и Западной Сибири и ряда губерний Европейской России⁹⁴. Разнообразие юридических групп, относящихся к «состоянию государственных крестьян», показывает сложность не только формирования единого состояния, но и объединения этих групп в рамках общей государственной политики по любому вопросу, включая и переселенческий⁹⁵.

На первом массовом этапе переселенческого движения (40–50-е гг. XIX в.) основные вопросы по переселению сельских обывателей находились в ведении Министерства государственных имуществ (МГИ), которое объединяло три направления деятельности: управление государственными имуществами, умножение государственных доходов от эксплуатации казенной собственности и попечительство над свободными сельскими обывателями, направленное на повышение благосостояния. С 1838 по 1855 г. по разрешению МГИ в Западную Сибирь прибыло более 90 тыс. переселенцев. Правительство также практиковало выкуп у помещиков крепостных и переселение их в Сибирь. Активизации заселения Сибири способствовал попечительный курс МГИ в отношении переселенцев, за реализацию которого на местах должны были отвечать его местные учреждения: Палаты и окружные правления.

Однако реализация реформы П. Д. Киселева на государственных землях Сибири проходила по проекту не министерскому, а разработанному местной администрацией. В результате организация управления государственных имуществ и крестьян передавалась непосредственно генерал-губернатору и особому (IV) отделению при Главном Управлении на основании существующих в Сибири установлений и с учетом общих учреждений для Великорусских губерний.

Местные учреждения Министерства государственных имуществ – Палаты государственных имуществ – в сибирских губерниях не создавались, но поземельное устройство, межевание

⁹⁴ СЗ РИ. Т. 9. Ст. 629.

⁹⁵ См.: Дунаева Н. В. Между сословной и гражданской свободой: эволюция правосубъектности свободных сельских обывателей Российской империи в XIX в. СПб., 2010. С. 44.

проводились под руководством второго департамента МГИ, при котором в 1847 г. был сформирован корпус межевщиков и создавались инструкции для съёмочных отрядов. В Сибири для осуществления межевых работ, в том числе и для создания переселенческих участков, открывались местные учреждения, имеющие различную ведомственную принадлежность: губернские и уездные землемеры (землемеры ведомства губернских чертежных, состоявших в ведении казенных палат), с 1831 г. – рота топографов, с 1835 – межевая комиссия, с 1837 – Сибирское межевание в Западной Сибири под руководством офицеров Генерального штаба, с 1851 г. – особое управление «Межевание казенных земель Восточной Сибири»⁹⁶. Деятельность землемеров на местах регулировалась и контролировалась разнообразными и часто противоречивыми инструкциями от МГИ, генерал-губернаторов, поэтому и признавалась всеми неудовлетворительною⁹⁷.

Кардинальные изменения в систему крестьянских учреждений были привнесены в эпоху Великих буржуазных реформ. В 1866 г. государственных крестьян перевели на выкуп и передали из Министерства государственных имуществ в ведение общекрестьянских учреждений, заодно закрыв правительственный кредит на их переселение⁹⁸. В связи с этим был значительно сокращен и местный аппарат МГИ: вместо палат государственных имуществ и окружных правлений создавались губернские управления государственных имуществ⁹⁹. С 1866 г. при проведении крестьянской реформы на казенных землях Первый и Второй департаменты Министерства государственных имуществ были упразднены, а на базе Второго департамента был создан Временный отдел по поземельному устройству государственных крестьян (упразднен в связи с выполнением своей задачи в 1883 г.).

Дальнейшая разработка переселенческого законодательства, а также непосредственное управление переселенческим делом были надолго переданы в Министерство внутренних дел.

⁹⁶ Худяков В. Н. Указ. соч. С. 92.

⁹⁷ Дорوفеев М. В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX в. Томск, 2009. С. 221.

⁹⁸ ПСЗ-II. Т. 9. № 1866. Ст. 43987.

⁹⁹ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 242.

В 1861 г. для поземельного устройства и общественного управления крестьян, вышедших из крепостной зависимости, Центральный статистический комитет был преобразован в Земский отдел¹⁰⁰. Именно в этом отделе, «вопреки своему названию ничего общего с земством не имеющем, а ведающем всем обширным крестьянским делом, и производилась работа по пересмотру узаконений о крестьянах»¹⁰¹. Земский отдел, сформированный из чиновников, ранее занимавшихся освобождением крестьян, призван был решать основной «крестьянский вопрос» во внутренней политике государства, поэтому и стал не только самостоятельной, но и одной из главных частей МВД. Не случайно для сотрудников Земского отдела, а также выделившегося из него Переселенческого управления и Управления по воинской повинности 19 февраля было особо торжественным днем, который они отмечали торжественными обедами. Менялся стиль подбора кадров, профессионализм стал одним из главных критериев. Именно здесь формировался «чиновник научного типа», какими, без сомнения, были Д. И. Пестржецкий или И. М. Страховский. Так, управляющий Земским отделом Г. Г. Савич пригласил в качестве сотрудника автора книги о крестьянской общине, бывшего политического ссыльного Кочаровского, чему, естественно, пытался воспротивиться Департамент полиции¹⁰².

К началу 90-х гг. Земский отдел МВД охватывал уже весь спектр «крестьянских вопросов», фактически вытесняя и заменяя собой целое Министерство. Переселенческое дело в особое дело-производство не выделялось, но все практические мероприятия, связанные с ним, координировались в 11 делопроизводствах Земского отдела. Так, в 4-м делопроизводстве крестьяне могли получить разрешение на переселение, 6-е руководило поземельным устройством государственных крестьян, а 8-е решало дела по по-

¹⁰⁰ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 2. Центральные государственные учреждения. СПб., 2001. С. 45.

¹⁰¹ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 160.

¹⁰² Романов В. Ф. Старорежимный чиновник (из личных воспоминаний от школы до эмиграции. 1874–1920 гг.) // ГАРФ. Ф. Р-5881 (коллекция отдельных документов белоэмигрантов). Оп. 2. Д. 598. Л. 113.

земельному устройству и землепользованию инородцев Сибири, Урала и Степного края¹⁰³.

Разработка нового (поощряющего, а не запрещающего) переселенческого законодательства приходится на 80-е гг. XIX в. и совпадает по времени и характеру предложений с подготовкой реформы местного управления. Цель преобразований, сформулированная кахановской комиссией, заключалась в объединении всех административных учреждений с уменьшением их числа и сокращением стеснительных формальностей и усилением разрешающей на месте власти, установлении «живой связи между администрацией и общественным управлением, а также точном разграничении их прав и обязанностей с определением ответственности для земских органов»¹⁰⁴. Эта же идея объединения административных и общественных сил по решению переселенческого вопроса была реализована созданием в 1881 г. совещания «сведущих лиц из общества», т. е. лиц, знакомых с положением этого дела в теории или на практике», при особой «переселенческой комиссии, составленной из чиновников разных министерств». Однако работа в рамках самостоятельных формальных структур не принесла ожидаемого успеха: комиссия и совещание высказали кардинально расходящиеся взгляды по ключевым вопросам, в частности о роли административных структур в организации переселенческого потока, о свободе и самостоятельности сельских обывателей в создании новых хозяйств¹⁰⁵.

Идея сотрудничества администрации и общества, как и особые структуры, возникшие для ее реализации, достаточно быстро завершили свое существование при следующем министре внутренних дел Д. А. Толстом. Он предполагал, что основной недостаток существующего порядка состоит в том, что правительственная власть имеет слишком слабое влияние на ход местного управления и потому усиление этого влияния должно быть главной целью предстоящих преобразований. Новый курс предпола-

¹⁰³ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 2. Центральные государственные учреждения. СПб., 2001. С. 46.

¹⁰⁴ Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1802–1902. СПб., 1902. С. 170.

¹⁰⁵ Кирьяков В. В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибири (в связи с историей заселения Сибири). М., 1902. С. 134.

гал, что в основу организации местного управления будет положен принцип единства власти, а для этого все местные учреждения должны стать учреждениями правительственными, находящимися в тесной связи с центральной государственной властью.

Миграционные процессы в рамках такой централизованной бюрократической системы управления также всецело подчинялись государству. Это реализовывалось как в надзирающих и контролирующих функциях государственных учреждений через «сдерживание движения в тесных рамках», так и в попечительных – через «полное и всестороннее устройство переселенцев на новых местах». Именно поэтому значимость данного этапа заключалась не столько в выработке новых идей, сколько в подготовке, как в центре, так и на местах, административных структур для управления миграционными потоками.

В 1880–90-е гг. были реорганизованы и значительно усилены местные учреждения Министерства государственных имуществ, сформирован Западно-Сибирский переселенческий отряд, начали действовать переселенческие конторы¹⁰⁶. 20 декабря 1883 г. в Омске было учреждено единое для Тобольской, Томской губерний и Акмолинской, Семипалатинской областей управление государственными имуществами¹⁰⁷. В 1893 г. управление разделено на три учреждения (для Тобольской, Томской губерний и степных областей). В 1897 г. аналогичные управления открыты в Иркутской и Енисейской губерниях. Цель их введения заключалась в попечении и наблюдении за государственными имуществами для повышения их доходности. Для этого в ведение управления государственных имуществ передавались: сбор сведений о казенных землях и оброчных статьях, контроль за распоряжением казенных земельных и лесных угодий (продажа в частную собственность, выделение под новые поселения). Многообразные задачи «попечения и наблюдения за государственными имуществами» еще до появления основного переселенческого потока позволяли власти создавать, точнее, описывать, структурировать и классифицировать природно-климатическое, экономическое

¹⁰⁶ Худяков В. Н. Указ. соч. С. 104; Дорофеев М. В. Указ. соч. С. 204, 225.

¹⁰⁷ ПСЗ-III. Т. 3. № 1909.

и административно-правовое пространство водворения. Существенные роли в длинных и подробных списках функций этих учреждений играли «собрание верных и точных сведений», составление кадастров, измерение, описание и оценка земель и угодий, их классификации.

С расширением переселенческого потока, включением новых обширных пространств (как мест выдворения, так и мест водворения) малочисленные и, главное, привязанные к конкретной административно-территориальной единице местные учреждения становились не вполне эффективными для управления мобильными переселенческими группами. Выход из ситуации виделся в создании дополнительного штата чиновников особых поручений при центральных и местных учреждениях. Так, после издания общего закона о переселениях от 13 июля 1889 г. было дополнительно учреждено шесть должностей чиновников особых поручений по переселенческим делам при земском отделе МВД «для ближайшего наблюдения за движением переселенцев и оказания им необходимого содействия во время следования и на местах нового водворения»¹⁰⁸. В 1892 г. появляются дополнительные чиновники и на местах: пять чиновников особых поручений при Иркутском генерал-губернаторе, три чиновника при Приамурском генерал-губернаторе. В Западной Сибири переселенческие вопросы были отнесены к компетенции чиновников по крестьянским делам¹⁰⁹. В 1894 г. постановлением Комитета Сибирской железной дороги при Земском отделе МВД была временно учреждена дополнительная должность чиновника особых поручений по переселенческим делам с содержанием из фонда вспомогательных предприятий, связанных с сооружением Сибирской железной дороги. Чиновники особых поручений, формально состоящие при Земском отделе, а фактически служившие в Сибири, наделялись дополнительными правами и преимуществами.

Идея «живого сотрудничества и взаимодействия» еще не была реализована на этом этапе, хотя и были намечены общие платформы для сотрудничества, определяемые уходящей эпохой Великих буржуазных реформ.

¹⁰⁸ ПСЗ-III. Т. 9. № 6198.

¹⁰⁹ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 193. С. 16 об.

1.3.2. Комитет Сибирской железной дороги

До начала 90-х правительство последовательно пыталось упорядочить переселенческое движение, организовать его «правильно» и самостоятельно, но без участия общественных сил и «самоуправства» крестьян. Новая стратегическая цель была обусловлена новым форматом переселенческого движения (голод и железные дороги), под который вынуждено было перестраиваться и государство. «Заклучить в узкие берега закона громадную могучую волну народного движения не удалось: волна эта прорвала бумажную плотину и хлынула со страшной силой»¹¹⁰. В связи со строительством Транссиба появляется новый участник переселенческого дела – Комитет Сибирской железной дороги (КСЖД) – и «переселенческий вопрос» приобретает новую конфигурацию. Переселение не для выселения, а для «заселения соприкасающихся с железной дорогой местностей», «скорейшего устройства их быта на местах нового водворения». Дополнительным фактором стал и не предполагаемый ранее масштаб переселения. Планируемое переселение переросло в аврал, которым было практически невозможно управлять, его требовалось прекратить или приостановить, чтобы позднее развернуть на новой административно-правовой основе. В качестве основных недостатков существующей системы переселения были отмечены: резкий рост переселенческого движения при отсутствии точных данных о запасах свободных земельных угодий в Сибири; низкая пропускная способность железной дороги; недостаток личных сил и денежных средств местных переселенческих организаций¹¹¹.

Грандиозное предприятие, каким стало сооружение Транссибирской железнодорожной магистрали, повлекло за собой создание на высшем уровне специального органа управления – Комитета Сибирской железной дороги. Он был образован по инициативе министра финансов С. Ю. Витте после предварительного обсуждения в особом совещании под председательством

¹¹⁰ Кирьяков В. В. Указ. соч. С. 138.

¹¹¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 193. Л. 15 об.

вом Д. М. Сольского 10 декабря 1892 г.¹¹² Первоначально в состав КСЖД вошли министры финансов, внутренних дел, путей сообщения и государственный контролер. Позднее, еще до первого заседания, к ним присоединились военный министр и управляющий Морским министерством. Кроме них на заседания часто приглашались министры юстиции, императорского двора, иностранных дел, а также иркутский, приамурский и степной генерал-губернаторы. Компетенция КСЖД была гораздо шире, чем требовало само сооружение магистрали, в его функции вошли самые разные вопросы, связанные с политикой самодержавия в Сибири. Председателем Комитета был назначен наследник престола вел. кн. Николай Александрович (будущий император Николай II), а вице-председателем – председатель Комитета министров, известный экономист Н. Х. Бунге. Вступив на престол, Николай II сохранил за собой председательствование в КСЖД. Делопроизводство было поручено канцелярии Комитета министров. Возглавлял «сибирское отделение» канцелярии Комитета министров сначала будущий министр финансов И. П. Шипов, а затем Н. Л. Петерсон. О том, насколько важной представлялась деятельность канцелярии, свидетельствует тот факт, что, когда молодой чиновник И. И. Тхоржевский поступал туда на службу, помощник управляющего делами Комитета министров Э. Ю. Нольде так охарактеризовал его будущее поприще: «...Сибирское отделение – самое боевое и видное, туда труднее всего попасть. Председатель Комитета Сибирской железной дороги – сам Государь; он лично проехал

¹¹² ПСЗ-III. Т. 12. № 9140, 9354. Подробнее см.: Саблер С. В., Сосновский И. В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб., 1903. С. 129–132; Борзунов В. Ф. История создания Транссибирской железнодорожной магистрали: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1972. С. 513, 526–527, 533–538. Инициативу создания такого высшего комитета приписывал себе и государственный секретарь А. А. Половцов. В своем дневнике 18 февраля 1892 г. он записал, что говорил вел. кн. Владимиру Александровичу об учреждении под председательством наследника специального комитета, «который бы занялся сначала изучением вопроса о постройке, а затем и самою постройкою». Владимир Александрович его поддержал, заявив, «что это было бы весьма кстати, потому что цесаревич тяготеет бездействием» (Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1966. Т. II. С. 424).

всю Сибирь на лошадях, возвращаясь – еще как Наследник – из Японии. Он очень интересуется Сибирью, ее колонизацией и всем, что для этого делается. Там будет вам легче всего выдвигаться на работе»¹¹³.

Управление делами КСЖД попало в руки опытного в государственных делах А. Н. Куломзина, роль которого в сибирском управлении оказалась заметно выше официально занимаемого им положения. Хотя для обсуждения некоторых законопроектов требовались совместные заседания Комитета и Департамента законов Государственного совета, этого удалось избежать. А. Н. Куломзин объяснял это так: «Законодательным же постановлениям Сибирского комитета, которые касались собственно устройства переселенцев в Сибири, я придавал по форме значение законов местных и временных, всемерно избегая затрагивать законодательные нормы, регулирующие народную жизнь европейских губерний империи»¹¹⁴.

4 марта 1893 г. при КСЖД образована Подготовительная комиссия под председательством управляющего делами статс-секретаря А. Н. Куломзина для рассмотрения в том числе и мероприятий по устройству переселенцев в Сибири. Уже в начале 80-х гг. Куломзин выступает за необходимость проведения переселенческой политики. Совместно с будущим министром государственных имуществ А. С. Ермоловым им был составлен законопроект о переселении малоземельных крестьян. Подготовительная комиссия фактически монополизировала решение вопросов, связанных с переселением крестьян, устройством церквей и школ в Сибири, что также увеличивало влияние А. Н. Куломзина на сибирскую политику. Известный французский путешественник и публицист Жюль Легра писал, что от А. Н. Куломзина «зависит аграрное будущее огромной колонии»¹¹⁵.

¹¹³ Тхоржевский И. И. Последний Петербург. Из воспоминаний камергера // Нева. 1991. № 4. С. 194.

¹¹⁴ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 186. Л. 11–12.

¹¹⁵ Legras J. En Sibirie. Paris, 1899. P. 206. Впоследствии Ж. Легра стал переводчиком на французский язык официального издания «Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем» (СПб., 1903), вышедшем в Париже в 1904 г. (РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 366).

В Подготовительной комиссии обсуждались переселенческие вопросы, сметы и т. д. А. А. Корнилов в этой связи вспоминал: «Комиссия эта, находившаяся под председательством весьма лукавого, но в то же время разумного человека, А. Н. Куломзина, взглянула довольно правильно на переселенческий вопрос, и, благодаря докладам этой комиссии, взгляд этот сообщился и самому председателю особого совещания наследнику престола Николаю Александровичу»¹¹⁶. Куломзин председательствовал и в целом ряде временных комиссий: о поземельном устройстве Забайкальской области, о выборе места для устройства коммерческого порта в г. Владивостоке, о способах обеспечения доставки грузов для Забайкальской железной дороги и др. В 1896 и 1897 гг. он совершил две поездки по Сибири, что, безусловно, также подняло его авторитет в КСЖД как специалиста по сибирским вопросам. Не случайно именно его приглашали в Государственный совет, когда там обсуждались дела по Сибири. Получив назначение в 1902 г. в Государственный совет, Куломзин был оставлен членом КСЖД. Он много сделал в своей жизни для Сибири: выступал за рост переселенческого движения, за скорейшее ее хозяйственное освоение, за отмену ссылки. Искренне полюбив этот край, он писал 7 июня 1896 г. из Омска: «Вообще, Сибирь такая страна, как я нынче испытываю, что в ней надо побывать только раз, чтобы хотелось еще побывать»¹¹⁷. «Занимая, по сравнению с местами министров, подчиненное положение управляющего делами Комитета министров, а затем и Сибирского, – оценивал его роль чиновник Переселенческого управления МВД В. Ф. Романов, – фактически Куломзин пользовался громадным влиянием, и его выдающимися способностями и умению работать не покладая рук Сибирь обязана началом всех трех колонизационных мероприятий, которые были связаны с постройкой великого железнодорожного пути мирового значения»¹¹⁸.

Под руководством А. Н. Куломзина в канцелярии Комитета министров был составлен «Свод статистических материалов,

¹¹⁶ Корнилов А. А. Воспоминания // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 11. М.; СПб., 1992. С. 28–29.

¹¹⁷ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 204. Л. 14.

¹¹⁸ Романов В. Ф. Указ. соч. Л. 154.

касающихся экономического положения сельского населения Европейской России» (СПб., 1894). Цель издания состояла в том, чтобы доказать, с одной стороны, наличие в центральных губерниях избыточного крестьянского населения, а с другой, что переселение «не может иметь последствием упадок земледелия на их родине»¹¹⁹. Под руководством А. Н. Куломзина был составлен также ряд справок о колонизации в других странах. Теоретическое обоснование правительственной политики на окраинах А. Н. Куломзин пытался искать в иностранных колонизационных приемах, прежде всего в деятельности Прусского правительства по германизации польских провинций. В Пруссию был направлен со специальным заданием чиновник канцелярии Комитета министров И. П. Шипов.

Через КСЖД осуществлялось финансирование всего переселенческого дела. А. А. Корнилов вспоминал: «Средства эти отпускались по сметам, составлявшимся на местах местными главными начальствами; затем рассматривались Подготовительной комиссией при Комитете Сибирской дороги под председательством А. Н. Куломзина и, наконец, утверждались в самом Особом Комитете»¹²⁰. Чтобы на месте ознакомиться с состоянием переселенческого дела, А. Н. Куломзин дважды, в 1896 и 1897 гг., совершил поездки в Сибирь. Эти поездки не только изменили его взгляд на переселенческий вопрос, но и существенно скорректировали всю правительственную переселенческую политику. Сторонник переселения в Сибирь среднесостоятельных крестьян, он встретил среди переселенцев и «ужасных бедняков». Все его беседы о причинах переселения сводились к жалобам крестьян на малоземелье в местах выхода. Но он вынужден был признать и еще одну причину – политическую. «Отчасти господа земские начальники, по видимому, искусственно выталкивают, т. е. возбуждают к переселению беспокойный элемент»¹²¹. Свои впечатления через частные письма к бывшему воспитателю наследника генералу Г. Г. Даниловичу он пытался донести и до Николая II. Бедствия переселенцев в пути, недостаток отмежеванных участков, медленность гидротехнических работ привели его даже к мысли приостановить

¹¹⁹ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 191. Л. 4.

¹²⁰ Корнилов А. А. Указ. соч. С. 29.

¹²¹ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 202. Л. 8.

переселение. Ему удалось провести через КСЖД в качестве временной меры положение о прекращении выдачи путевых ссуд самовольным переселенцам, что, впрочем, по его же словам, «серьезного значения не имело»¹²². Главным сдерживающим фактором, полагал А. Н. Куломзин, должна была стать осведомленность крестьян о том, что их ожидает в Сибири. Было предпринято издание нескольких брошюр для народа, разъясняющих условия переселения и распространяющих сведения о Сибири. Сам А. Н. Куломзин издал брошюру «Сибирское переселение» (СПб., 1896). Он резко выступил против книг и статей, привлекающих крестьян в Сибирь¹²³. Предлагал он также расширить практику предварительной посылки ходоков. Правильному взгляду должно было способствовать и широкое распубликование законов о переселении. Но последнее предложение вызвало возражение со стороны И. Н. Дурново, который считал, что «крестьяне всякую бумажку по переселенческому делу растолковывают, как приглашение к переселению»¹²⁴.

1.3.3. Переселенческое управление Министерства внутренних дел

8 марта 1895 г. на заседании Комитета Сибирской железной дороги его председатель Великий князь Николай Александрович выразил мысль, что «крестьянские переселения не должны вызывать опасения и правительственное содействие должно направляться на то, чтобы переселение *носило характер более сознательный и получило вполне правильную постановку*»¹²⁵. На всеподданнейшем отчете Нижегородского губернатора за 1895 г. по поводу движения переселенцев и организации переселенческого дела была сделана «высочайшая помета»: «Обращаю особое внимание МВД на эту часть отчета. Невозможно оставить такое

¹²² Подробнее о позиции А. Н. Куломзина в переселенческом вопросе см.: Тихонов Б. В. Переселенческая политика царского правительства в 1892–1897 гг. // История СССР. 1977. № 1. С. 115–119.

¹²³ Россия. Комитет Сибирской железной дороги (материалы). Б. м., 1897. Т. 1. Л. 411–412.

¹²⁴ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 202. Л. 109.

¹²⁵ Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1802–1902. СПб., 1902. С. 190.

государственное дело в заведовании какого-то маленького отделения Земского отдела»¹²⁶.

Переселенческое дело находилось в ведении нескольких ведомств, и вопрос о подчинении нового учреждения был в том числе и вопросом межведомственных и внутриведомственных интересов. Такой логике следовало МВД, предлагая создание особого учреждения для заведования переселенческим делом. Проект МВД предполагал создание временного Переселенческого управления в составе министерства по образу двух отделов Министерства земледелия и государственных имуществ – сельской экономики и сельскохозяйственной статистики и земских учреждений. Помимо собственно заведования переселенческим делом в ведение нового учреждения предполагалось передать и сопутствующие вопросы: покупку крестьянских земель при помощи Крестьянского банка, аренду крестьянами казенных земель. Однако выделение переселенческого дела в особое учреждение предполагало не только бюрократические и ведомственные мотивы. Отмечался и особый небюрократический характер самого дела, «требующий не столько соображения с законом, сколько живой распорядительности и быстрого приспособления и удовлетворения внезапно возникающих и часто крайне изменчивых запросов этого движения»¹²⁷. При обсуждении министр внутренних дел И. Л. Горемыкин отметил, что управление переселенческим делом «имеет лишь весьма мало общего с обычными приемами канцелярской деятельности»¹²⁸.

«Живое дело», с точки зрения МВД, вполне могло быть реализовано только при создании обособленного учреждения с более гибкой и легче поддающейся изменениям организацией. Предполагалось ограничиться «весьма небольшим числом чиновников, предназначенных собственно для постоянной канцелярской работы». Возможные обвинения в «крамольности» небюрократического (неканцелярского) учреждения снималась уверениями в признании и подчинении «общепринятым началам в цен-

¹²⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 193. Об учреждении временного Переселенческого управления при МВД и об усилении средств на содержание чиновников Переселенческого управления. Л. 15.

¹²⁷ Там же. Л. 17.

¹²⁸ Там же. Л. 22.

тральных управлениях» (и более частным условиям: «несмотря на особенности деятельности..., она многими своими сторонами будет совпадать с условиями делопроизводства в других административных учреждениях»).

Особый характер деятельности Переселенческого управления должны были обеспечивать не канцелярия, а чиновники особых поручений. Подобные должности существовали и в Земском отделе, но, учитывая разнообразный (слабо предсказуемый) характер, уровень сложности их деятельности, МВД предположило внести коррективы в штатное расписание и не присваивать им определенных классов и, соответственно, содержания. В штате предполагалось установить общую сумму, отпускаемую на содержание этих лиц, и предельные оклады. В зависимости от сложности и важности поручаемого дела МВД само могло определять и оклад, и должность чиновника. Еще одна степень самостоятельности руководства в нарушение традиционной чиновной иерархии заключалась в возможности «отступления от требований закона касательно согласования класса должности с чином назначаемого на нее лица»¹²⁹. Штат Переселенческого управления, «ввиду соблюдения строгой экономии», определялся минимально: начальник управления, его помощник, пять чиновников особых поручений, два делопроизводителя, три помощника делопроизводителей, секретарь и журналист.

Даже мягко и осторожно высказанная идея об особом характере деятельности Переселенческого управления была не однозначно принята в высших бюрократических, особенно финансовых кругах. Управление государственным контролем не находило оснований для выделения переселенческого дела от прочих задач государственных учреждений по устройству сельских обывателей. Министерство финансов предлагало сократить штат Переселенческого управления и оклады чиновников «ввиду незначительности сего управления», приравняв их к окладам чиновников Земского отдела, а не управления Министерства земледелия и государственных имуществ. Предполагаемая экономия пяти с половиной тысяч в год уже на этапе обсуждения нового учреждения показывала, с одной стороны, типичное нежелание фи-

¹²⁹ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 193. Л. 17 об.

нансового ведомства увеличивать казенные расходы, а с другой, неприятие и непонимание специфики переселенческого дела.

В записке управления государственным контролем вообще оспаривалась необходимость создания нового специального учреждения, поскольку «внутренние бюрократические ресурсы» Земского отдела еще не исчерпаны (это не самое большое по числу чиновников учреждение, всего 52 человека). Единственно возможный способ «измерить» труд учреждения виделся в подсчете числа чиновников, а потому и предлагаемое решение было направлено именно на усиление канцелярской деятельности. Создание дополнительного делопроизводства (или даже двух) в составе Земского отдела избавляло бы государственное казначейство от расходов по содержанию начальника и его помощника, секретаря и журналиста. Последовательная ликвидация особого статуса, самостоятельного руководства логично завершалась предложением сократить чиновников особых поручений (с пяти до трех), определив им при этом меньший и единый оклад 2000 рублей. МВД удалось полностью отстоять свой проект. По штатному расписанию должностей и расходов Переселенческое управление смогло не только сохранить все позиции по составу и жалованию, но и увеличить общую сумму годового расхода¹³⁰.

После долгих обсуждений в 1896 г. при МВД было создано Переселенческое управление с тремя основными практическими задачами: 1) руководство выдачей и сама выдача разрешений на переселение; 2) водворение переселенцев; 3) заведование суммами, отпускаемыми на переселенческое дело. В ведение Переселенческого управления передавалась также подготовка новых законодательных мероприятий. Таким образом, весь цикл переселенческого дела – от создания нового правового и институционального пространства переселенческого движения, управления финансовыми потоками до научной экспертизы, проектирования и непосредственного формирования, сопровождения и водворения переселенческих партий – был сосредоточен в ведении одного центрального учреждения. Высокая степень самостоятельности, сочетание принципов централизованного и децентрализованного управления, высокая мобильность учреждений данного ведомства не только стали

¹³⁰ ПСЗ-III. Т. 16. № 15464.

залогом эффективного управления миграционными процессами, но и позволили выработать свой особый стиль «небюрократического» управления.

«Совсем маленькое и “черносошное” переселенческое делопроизводство», ютившееся «в одном из самых захудалых уголков Министерства внутренних дел» с момента своего создания позиционировало специфику своей деятельности, «небюрократический» характер, а также особый стиль руководства¹³¹. Во многом от руководителя зависели объем и направления деятельности сотрудников, но еще более значимо было понимание существа и характера государственной службы на каждом конкретном, даже самом незначительном, канцелярском месте. Уже в проекте по образованию Переселенческого управления министр внутренних дел отметил, что в связи с постепенным усложнением задач переселенческого дела к чиновникам данного ведомства должны предъявляться особые, более высокие требования к уровню образования и подготовки.

Среди начальников Переселенческого управления не было случайных, а потому временных руководителей. Первым начальником был В. И. Гиппиус (1896–1902), вторым – А. В. Кривошеин (1902–1905)¹³², третьим – Г. В. Глинка (1905–1915), последним – Г. Ф. Чиркин (1916–1917). Уже при А. В. Кривошеине лидерство и инициатива среди центральных учреждений совершенно явственным образом перешли к Министерству земледелия, которое стало «фокусом культурной работы всего государства...»¹³³. При А. В. Кривошеине Переселенческое управление «из второстепенного, небольшого учреждения становилось неожиданно одним из модных ведомств, привлекающих к себе всеобщий интерес и, может быть, несколько преувеличенные ожидания»¹³⁴. Так как

¹³¹ Тхоржевский И. И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 124.

¹³² Вошинин В. Колонизационное дело при А. В. Кривошеине. Пг., 1915; Судьба века. Кривошеины. СПб., 2002; Воронов И. Министр Азиатской России // Звезда. 2006. № 12.

¹³³ Тхоржевский И. И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 105.

¹³⁴ Татищев А. А. Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М., 2001. С. 41.

министры «давали общее руководство и вели “высокую политику”, технически управляли делами директора департаментов»¹³⁵. В Переселенческом управлении вопросы политические уходили на второй план, а на первом были меры по переезду и устройству крестьян на новом месте, поэтому в этом деле «могли, не ссорясь, сотрудничать и правые, и левые, оставив в стороне свои собственные политические взгляды и убеждения»¹³⁶. Значительную часть русской интеллигенции и составляли такие чиновники среднего звена, которые относились к помещикам по «левой» традиции отрицательно, распространяя это настроение на родовую аристократию туземного населения и даже на зажиточных крестьян-старожилов. Впрочем, партийности не придавали большого значения, когда, как отметил В. Ф. Романов, «приходится работать над живым делом научными методами»¹³⁷. Вопреки духу времени, они стремились не к политической, а, скорее, к профессиональной консолидации, средством для которой мог стать издаваемый при финансовой поддержке Переселенческого управления периодический сборник «Вопросы колонизации», который был далек от официоза.

Помощником А. В. Кривошеина, а затем более десяти лет главой Переселенческого управления был Г. В. Глинка, выпускник Московского университета, фанатичный «мужикофил», у которого была «какая-то просто болезненная любовь ко всему родному, в особенности же к нашему крестьянству»¹³⁸. «Народнические тенденции» начальника Переселенческого управления проявлялись в том, как он, «может, и без умысла, каждую пядь земли берег для крестьянства» и прямо ликовал, когда царь щедро уступил свои земли под переселение. По свидетельству одного из переселенческих чиновников, у Г. В. Глинки «было страшно развито чувство моральной ответственности перед переселенцами»¹³⁹. А поскольку, как он считал, в отличие от Америки у России нет таких средств на колонизацию «и русский мужик своими костями строит Сибирь», то именно чиновники должны проявлять особую заботу о переселен-

¹³⁵ Татищев А. А. Указ. соч. С. 225.

¹³⁶ Там же. С. 138.

¹³⁷ Романов В. Ф. Указ. соч. Л. 235.

¹³⁸ Там же. Л. 143.

¹³⁹ Татищев А. А. Указ. соч. С. 138.

цах. Главным качеством Г. В. Глинки как руководителя было неприятие «бумажной гладкости», шаблонов, предвзятых планов, кабинетной работы вообще¹⁴⁰. Он не терпел и достаточно жестко критиковал подчиненных за малейшие попытки «чинодральства», «кабинетства», «впадения в мертвую канцелярщину» или установления «никчемных церемониалов»¹⁴¹. Взамен традиционных бюрократических качеств требовал от сотрудников осмысленности службы, нравственной поддержки подчиненных, сочувствия живой работе, «видения надлежащей перспективы, отличия важного от пустяков».

Под стать себе руководители набирали и подчиненных. Отличительными чертами большинства переселенческих чиновников были горячая любовь к родине и порученному им делу и абсолютная честность, неприятие канцелярщины, кабинетной работы и отношения к службе как средству наживы¹⁴². Другими их особенностями были включенность в интеллигентскую среду, активная общественная деятельность, а также сотрудничество с научными и общественно-политическими журналами. Они ревниво реагировали на «политиканство» и демагогическую критику переселенческой политики со стороны оппозиционной интеллигенции, «чрезвычайно невежественной в отношении естествознания, в особенности знания наших колоний», и гордились своим профессионализмом и даже ученостью, своими заслугами в изучении Сибири. Так, к примеру, по словам В. Ф. Романова, атлас Азиатской России «по его научному значению составил предмет гордости любого ученого общества». «Такие люди становились похожи на Майнридовских героев; они знали всеми фибрами своего тела и души, знали и чувствовали дикую прелесть природы далеких окраин Сибири, почти обожествили эту природу, были красиво суеверны»¹⁴³. Тот же В. Ф. Романов подчеркивал и особое уважительное отношение крестьян к переселенческим чиновникам: «Местные наши агенты были любимы населением; слово

¹⁴⁰ Гурко В. И. Указ. соч. С. 173.

¹⁴¹ РГИА. Ф. 391. Д. Оп. 5. Д. 278. О неблагонадежных чиновниках местных переселенческих организаций. Л. 238.

¹⁴² Романов В. Ф. Указ. соч. Л. 228.

¹⁴³ Там же. Л. 246.

«переселенный» произносилось крестьянами совершенно иным тоном, чем «земский»¹⁴⁴. И это была не только самооценка переселенческих чиновников, хотя можно говорить и о вполне осознанном моделировании поведения и образа «передового чиновника-интеллигента».

Депутат первой Государственной думы, руководитель врачебно-продовольственного комитета князь Г. Е. Львов, изучавший и много содействовавший переселенческому делу, называл переселенческих чиновников «героями». Можно обратиться и к авторитетному мнению Г. И. Успенского, который оставил яркий и, несомненно, искренний образ «редкого чиновника», которому можно доверять. Переселенческий чиновник как служитель общества отделяется им от прочих – «сложных и неясных фигурантов, чьи помыслы неочевидны для человека со стороны»¹⁴⁵. Удивительно находить это буквально текстологическое сходство характеристик у людей, казалось бы, имеющих принципиально различные общественно-политические идеалы. «Все, что касается этого сложного дела (переселенческого), все поставлено здесь хорошо, правильно, добросовестно и дельно», «без канцелярщины и пустого формализма», – писал Г. И. Успенский в очерках «Поездки к переселенцам»¹⁴⁶. Очевидный для Успенского недостаток средств для «плодотворной и добросовестной деятельности» связан не с традиционными злоупотреблениями чиновников, но с низкой активностью общества. «И я с великим удовольствием могу сказать, что собственными моими глазами видел, что отношения людей, заведующих таким большим народным делом, вполне соответствуют ему. Дело делается по-человечески, то есть именно так, как оно и должно бы было делаться также и там, в глубине России»¹⁴⁷. Вряд ли эта фраза могла быть написана для демонстрации благонадежности автора, и тем более она совершенно не соответствует ярко критическому

¹⁴⁴ Романов В. Ф. Указ. соч. Л. 247.

¹⁴⁵ Подробнее см.: Суворова Н. Г. «Чужой сибиряк» и «свой переселенец»: сибирские впечатления Г. И. Успенского // Колонизация Азиатской России: институции и практики. Омск, 2013. С. 28–44.

¹⁴⁶ Успенский Г. И. Поездки к переселенцам: [Сайт lib.ru/Классика]. URL: http://az.lib.ru/u/uspenskij_g_i/text_0530.shtml (дата обращения: 26.04.2013).

¹⁴⁷ Там же.

настроению, которое фиксировали в сибирских очерках Успенского советские исследователи.

Чиновники для народа, без формальностей и фальши, делающие дела при отсутствии документов, в обход всех существующих инструкций и правил, – такими увидел «переселенных» Успенский. Он считал их деятельность идеальным воплощением помыслов «культурного человека», так как они имели возможность бескорыстно реализовывать свои лучшие человеческие качества, помогать нуждающимся «не со снисходительностью и превосходством барина, а чувствуя близость и сопричастность в таком же человеке»¹⁴⁸.

Крестьянский вопрос вырастал из «канцелярий» в «народное дело» в новых условиях активной деятельности земских организаций и радикальной интеллигенции, причудливо и сложно объединял людей не в политические или идейные соратники, не в организации и учреждения, а в пространство общего дела: чиновников и интеллигенции, земцев, общественных и политических деятелей, ссыльных. Умение мыслить широко и неординарно, постоянная мобильность, особое образование (преимущественно техническое или сельскохозяйственное), демократичность, «народофильство» – таковы были формальные и неформальные требования, предъявляемые к немногочисленному штату Переселенческого управления. Типичный представитель «переселенческого чиновничества» обладал качествами «идеалиста-народника, работающего не считая часов за скудное вознаграждение и не мечтающего ни о какой карьере»¹⁴⁹.

Переселенческие чиновники действительно играли особую роль в местном управлении не только по относительной бюрократической автономии, обилию задач, но и по значительности средств, благодаря которым они могли «влиять на развитие экономической и культурной жизни края»¹⁵⁰. И. И. Тхоржевский обобщил наиболее важные черты ведомства при Кривошеине: «Министерству верили, давали денег. Завязались отношения с земства-

¹⁴⁸ Успенский Г. И. Поездки к переселенцам: [Сайт lib.ru/Классика]. URL: http://az.lib.ru/u/uspenskiy_g_i/text_0530.shtml (дата обращения: 26.04.2013).

¹⁴⁹ Гатищев А. А. Указ. соч. С. 35.

¹⁵⁰ Там же. С. 125.

ми, кооперацией, учеными, общественными деятелями, печатью», а позднее нашелся общий язык и с Государственной думой¹⁵¹.

Создание новой динамично развивающейся структуры закономерно приводило к столкновениям не только в центре, но и на местах. Традиционные ведомственные конфликты в «переселенческом» контексте усугублялись столкновением земельных, имущественных, социокультурных интересов различных социальных, этнических, конфессиональных групп. Поземельные конфликты из-за сокращения угодий усиливались неразберихой в законодательстве и ведомственными конфликтами. Новые структуры Переселенческого управления сталкивались с представителями местной администрации как на местах выхода, так и на местах водворения. Выход виделся в четком разграничении полномочий, сфер деятельности. Особенно беспокоило правительство усложнившееся управление хозяйственными делами, связанное с устройством переселенцев. Ситуация обострялась не только тем, что администрация не могла переложить часть своих забот на так и не введенные в Сибири земские учреждения, но и царившей неразберихой внутри самого местного государственного аппарата. Было признано, что разрозненная деятельность ведомств на местах существенным образом «тормозит» переселение. Отвод земельных участков для переселенцев являлся предметом занятий Министерства земледелия и государственных имуществ, а сами вопросы устройства переселенцев были уже делом чиновников МВД. Если в Восточной Сибири их деятельность как-то на месте координировал генерал-губернатор, то в Западной Сибири они должны были постоянно обращаться к своим министерствам. Выдворением и водворением переселенцев должны были заниматься и местные чиновники, и командируемые от Переселенческого управления на линию Сибирской железной дороги и в прочие колонизационные районы. Переселенческие чиновники занимались организацией процесса, налаживанием связей, устройством новых структур, а в дальнейшем по мере стабилизации населения часть функций передавалась местным чиновникам. В связи с расширением круга деятельности крестьянских чиновников и усилением

¹⁵¹ Тхоржевский И. И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 2000. С. 86.

переселенческого движения в 1894 г. было принято решение об увеличении численности чиновников по крестьянским делам в два раза. С 1896 г., после значительного упрощения процедуры, выдача переселенцам ссуд была передана крестьянским чиновникам¹⁵². Но передача функций не имела одностороннего и однозначного характера, укрепление местной организации Переселенческого управления предполагало и концентрацию наиболее важных отраслей переселенческого дела в своих руках. Так, первоначально склады сельскохозяйственных орудий, семян и разных предметов домообзаводства находились в ведении МЗиГИ, но в 1897 г. они были переданы МВД. С 1896 г. МЗиГИ начало устраивать специальные лесные склады, с 1899 г. к этому делу было привлечено и МВД.

В качестве особой задачи Переселенческого управления значилось содействие сельскому населению в расширении его землевладения. Те же задачи были определены и для Крестьянского поземельного банка. «При такой общности задач интересы самого дела требовали тесной связи между названными учреждениями». По закону 31 мая 1899 г. в состав Совета Банка и его местных отделений были включены представители Переселенческого управления. В Совете Банка должен был присутствовать Начальник управления, а в отделения, находящиеся на местах, где переселенческое дело имеет наиболее важное значение, были командированы чиновники особых поручений.

После преобразования крестьянского управления в Сибири (1898), создания особого по крестьянским делам присутствия в его состав помимо окружного начальника Амурским губернатором было предложено ввести и чиновника по особым поручениям по переселенческим делам, «так как он имеет постоянное сношение с крестьянским населением, особенно с новоселами, и крестьянские нужды и интересы ему должны быть не менее знакомы, как и окружному начальнику»¹⁵³. Чиновники особых поручений могли участвовать в губернских, областных и уездных учреждениях при рассмотрении дел по переселенцам с правом совещательного голоса. По закону 10 июня 1900 г. эти чиновники были включены на правах членов в состав губернских или губернских

¹⁵² РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1287. Л. 4.

¹⁵³ Там же. Д. 535. Л. 1.

по крестьянским делам присутствий, причем им было предоставлено «право голоса по делам переселения». Цель данной меры – «обеспечить правильное взаимодействие местных органов Банка с органами общего государственного управления».

В 1903 г. в ведение местных учреждений предполагалось передать: выдачу разрешений на переселение в пределах Европейских губерний на Кавказ, в Европейской России; перечисление самовольных переселенцев по месту жительства в Сибири, вторичное устройство на казенных землях переселенцев, покинувших первоначальные наделы и переводворившихся с участка на участок; обратное перечисление переселенцев на родину, сдача крестьянских оброчных статей без торгов, выдача ссуд на домообзаводство крестьянам, водворившимся на казенных землях Европейской России.

Деятельность Переселенческого управления, направленная на регулирование устройства переселенцев на местах, изначально предполагала децентрализацию (присутствие чиновников на местах), поэтому вопрос о перераспределении полномочий и сферы компетенции с чиновниками других ведомств был закономерен.

В 1894 г. в связи с завершением землеустройства бывших государственных крестьян и сельскохозяйственным кризисом конца 80-х гг., голодом 1891–1892 гг. МГИ было преобразовано в Министерство земледелия и государственных имуществ (МЗиГИ). Основная цель преобразования заключалась в улучшении состояния сельского хозяйства «путем казенного попечительства о расширении полезной для земледелия территории, распространении агрономических знаний для повышения продуктивности сельского хозяйства и развития кустарных промыслов». Одной из значимых структур «преображенного» министерства стал Сельскохозяйственный совет, включавший помимо чиновников министерства приглашенных сельских хозяев. Совет обсуждал законопроекты, ходатайства, связанные с вопросами улучшения и усовершенствования сельского хозяйства. Реализацией его предложений занимался Департамент земледелия, который управлял сельскохозяйственными учебными заведениями, организацией выставок и съездов. Научным обоснованием планируемых сельскохозяйственных новаций занимался Ученый комитет министерства, состоящий из осо-

бых бюро по почвоведению, агрономии, бактериологии, энтомологии, метеорологии и сельскохозяйственной механике.

Министерство принимало меры к выяснению на месте новых потребностей переселенческого дела. С этой целью в 1895 и 1898 гг. министром А. С. Ермоловым были предприняты поездки в Сибирь для ознакомления с вопросами поземельного устройства старожилого населения и работами по заготовлению переселенческих участков. В 1895 г. под председательством директора департамента государственных земельных имуществ тайного советника Тихеева была учреждена особая комиссия для руководства работами по образованию переселенческих участков. За первое пятилетие, с 1893 по 1898 г., общая площадь земель, обращенных под переселенческие и запасные участки, достигла 6 678 000 дес., рассчитанных на устройство 366 634 душ муж. пола¹⁵⁴. Успешному ходу образований переселенческих участков способствовали изданные в 1893 г. Временные правила для образования переселенческих и запасных участков в районе Сибирской железной дороги. Правила давали ряд определенных указаний о порядке действий чинов, о категориях земель, которые могли поступать в земельный фонд, об условиях обеспечения старожилого населения. Несмотря на реорганизацию, структурные изменения и возрастающий с каждым годом бюджет, роль Министерства земледелия и государственных имуществ в переселенческом деле оставалась по-прежнему незначительной.

Крестьянские выступления начала 1900-х гг. резко изменили взгляд МВД на переселение. В. К. Плеве потребовал увеличения размера ссуд, чтобы привлечь к переселению «преимущественно неимущих лиц, не могущих пристроиться на родине»¹⁵⁵. Это шло вразрез с прежними правительственными установками на переселение, которое старались скорее сдерживать, нежели поощрять. В январе 1902 г. под руководством С. Ю. Витте было созвано межведомственное «Особое совещание о нуждах сельскохозяй-

¹⁵⁴ Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912 гг.). Издание Канц. главноупр. землеустройством и земледелием. Пг., 1914. С. 66.

¹⁵⁵ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 211. Л. 132.

ственной промышленности». Местная организация совещания включала до 13 тыс. человек – чиновников, дворянских, земских деятелей, крестьян. В 1904 г. «Особое совещание по переселенческому делу», в состав которого входили многие видные деятели Переселенческого управления, а также иркутский и степной генерал-губернаторы, подготовило для Государственного совета основные соображения по вопросу об изменении существующей постановки переселенческого дела¹⁵⁶.

Во время Русско-японской войны Переселенческое управление смогло адаптироваться к условиям военного времени, сотрудничая с военным ведомством, занималось обслуживанием, перемещением и снабжением русской армии. Чиновник Переселенческого управления В. Л. Кигн (Дедлов) смог в качестве корреспондента «Нового времени» наблюдать слаженную работу «мужицкого» управления в Сибири¹⁵⁷. Местные служащие Переселенческого управления (врачи, фельдшеры, рабочие), а также достаточно развитая инфраструктура («дома для приюта переселенцев, бани, больницы, аптеки, при них врачи и фельдшера; на станциях имелись кубы для кипятка, кухни, сараи для лошадей, даже своя полиция») работали с прилежностью «и на мужика в зипуне..., и на того же мужика, временно переодетого в шинель»¹⁵⁸. Вкладом в общее государственное (не переселенческое, а военное) дело стала не только работа, профессиональные навыки и умения переселенческих чиновников, но и их знание местных условий. «Переселенные» являлись укорененной частью сибирского общества, эффективно дополняя институт чиновников особых поручений, командированных в Сибирь временно. Переселенческие служащие, «много лет работавшие на месте, знавшие каж-

¹⁵⁶ Складов Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. С. 73.

¹⁵⁷ Подробнее см.: Суворова Н. Г. Этнографическая выставка В. Л. Дедлова: новый образ российского переселенца на сибирской окраине // Дедлов В. Л. Переселенцы и новые места. Панорама Сибири. Художественная публицистика. М., 2008. С. 189–199.

¹⁵⁸ Дедлов В. Л. Вслед армии. Очерки военного корреспондента из Манчжурского фронта (продолжение): [Интернет-портал «Русское воскресенье»]. URL: <http://www.voskres.ru/army/publicist/dedlov3.html> (дата обращения: 26.04.2012).

дого торговца, подрядчика, мастерового и поставщика чуть не в лицо, могли справиться с делом наиболее успешно». Свободные служебные помещения и бараки переселенческой организации вдоль линии железной дороги были переданы в распоряжение военных властей под лазареты и казармы для раненых¹⁵⁹.

КСЖД просуществовал до конца 1905 г., хотя фактически прекратил свою деятельность раньше: последнее (42-е) заседание состоялось 17 декабря 1903 г. За время своего функционирования Комитет рассмотрел большое количество вопросов, способствовавших развитию Сибири. Особенно сложными оказались проблемы переселенческой политики, с которой МВД тесно увязывало охранительные цели, стремление за счет Сибири снять остроту аграрного кризиса в центре страны. Особенно это стало заметным в начале XX в. в связи с резким обострением аграрного вопроса. Столкновение в переселенческом вопросе с В. К. Плеве, полагал А. Н. Куломзин, и положило начало ликвидации Комитета Сибирской железной дороги. Лидерство в правительственных сферах с 1903 г. от С. Ю. Витте перешло к его противнику В. К. Плеве, которому явно мешал КСЖД. В связи с завершением основных строительных работ на магистрали, по мысли Николая II, КСЖД должен был «мало-помалу превратиться в Комитет Дальнего Востока»¹⁶⁰. Противодействие А. Н. Куломзина политике МВД вызвало против него интригу со стороны В. К. Плеве, который заказал А. В. Кривошеину подготовить «критику» всей переселенческой деятельности КСЖД¹⁶¹. С учреждением в структуре МВД Переселенческого управления КСЖД потерял свое былое значение в организации крестьянских миграций в Сибирь.

6 мая 1905 г. для сосредоточения в одном ведомстве вопросов водворения, поземельного устройства и производства гидротехнических работ Переселенческое управление было передано

¹⁵⁹ Предварительный общий обзор переселений и землеустройства за Уралом в 1914 г. // Вопросы колонизации. 1915. № 17. С. 207.

¹⁶⁰ Подробнее см.: Ремнев А. В. Проблемы дальневосточного управления накануне и в начале Первой российской революции // Революция 1905–1907 годов и общественное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Омск, 1995. С. 52–66.

¹⁶¹ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 211. Л. 173–175.

в состав Главного управления землеустройства и земледелия¹⁶². В составе Главного управления Переселенческое управление делилось на пять делопроизводств преимущественно по территориальному признаку. Первое делопроизводство заведовало переселенческим делом по Тобольскому и Томскому районам; 2-е – по Степному краю (Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская области); 4-е – по Енисейскому, Иркутскому и Забайкальскому районам; 5-е – по Амурскому, Приморскому районам и по Кавказу. Круг ведения 3-го делопроизводства формировался по функциональному признаку, оно отвечало за передвижение переселенцев, а также устройство и управление сельскохозяйственными и лесными складами¹⁶³.

В состав управления входила секретарская часть, ведавшая личным составом и церковно-школьным строительством. В 1907 г. была создана ревизорская часть, отвечавшая за широкий круг вопросов, связанных с научными природно-климатическими и агрономическими изысканиями на местах водворения переселенцев, в частности с работой почвенно-биологических экспедиций, гидротехническими, топографическими, агрономическими и метеорологическими мероприятиями, дорожным делом. Все материалы экспедиций и обследований Переселенческое управление публиковало для различных категорий читателей: ученых, общественных деятелей и собственно для народа. Подготовка материалов и их издание также входили в круг ведения ревизорской части¹⁶⁴.

Функции Переселенческого управления по переселению и землеустройству определялись приказом главноуправляющего землеустройством и земледелием от 18 декабря 1905 г. В ведение Переселенческого управления передавались вопросы, которые прежде решались Департаментом государственных земельных имуществ и отделом земельных улучшений: 1) дело отвода земель под водворение переселенцев за Уралом, в Сибири, Степных областях, в Туркестане и Приамурском генерал-губернаторстве,

¹⁶² Журнал Совещания о землеустройстве киргиз. СПб., 1907. С. 19.

¹⁶³ ПСЗ-III. Т. 25. № 16172.

¹⁶⁴ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. 3. Центральные государственные учреждения. СПб., 2002. С. 92.

Верхотурском уезде Пермской губернии, а также в пределах Кавказского наместничества с причислением к Переселенческому управлению личного состава всех временных партий по отводу переселенческих и запасных участков; 2) заведывание образованными Отделом земельных улучшений отрядами для гидротехнических изысканий и работ на землях, отграничиваемых под переселенческие участки. Кроме того, главноуправляющий землеустройством и земледелием поручил Переселенческому управлению разработать подробные предложения относительно объединения заведывания переселенческим делом на местах, «с тем чтобы в каждом из образованных с этой целью местных переселенческих районов общее руководство деятельностью всех переселенческих чинов и организаций сосредоточивалось в лице особого заведующего районом»¹⁶⁵. Выработанные правила были утверждены 14 января 1906 г. Переселенческому управлению, однако, не удалось сохранить в своем подчинении всю территорию России, включая и внутренние губернии. Водворение крестьян на казенных землях Европейской России передавалось в Департамент государственных земельных имуществ¹⁶⁶.

Для урегулирования ходачества в 1908 г. была создана Областная общеземская переселенческая организация (в составе семи земских губерний). В ее задачи входили отбор и вербовка через своих членов (агентов) подходящих для переселения домохозяев, образование ходаческих партий. Организации предоставлялось исключительное право на зачисление заготовленных долей¹⁶⁷. Кроме того, земская переселенческая организация активно занималась распространением сведений, необходимых для «сознательных» переселенцев. Программа ежемесячных известий организации предполагала обзор нескольких актуальных направ-

¹⁶⁵ Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по земельному устройству в губерниях и областях Азиатской России. СПб., 1909. С. 165.

¹⁶⁶ Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912 гг.). Издание Канц. главноуправляющего землеустройством и земледелием. Пг., 1914. С. 22.

¹⁶⁷ Вошинин В. П., Ямзин И. Л. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926. С. 34.

лений: 1) правительственные распоряжения по вопросам переселения; 2) деятельность Областной переселенческой организации (отчеты о заседании съездов уполномоченных, освещение текущей деятельности Областного переселенческого бюро, отчеты и донесения земских переселенческих агентов); 3) обзор деятельности земств и землеустроительных комиссий по вопросам переселения; 4) статьи, посвященные вопросам переселения: описание переселенческих районов, характеристика переселенческого хозяйства, отчеты экспедиций; 5) хроника переселенческого дела (движение ходоков и переселенцев, ход землеотводного дела в Сибири); 6) письма переселенцев и ходоков с места выхода переселенцев; 7) публикация обзоров литературы по переселенческим вопросам.

Устройством переселенцев, прибывших на место водворения, т. е. указанием им участков, дачей сведений казенным палатам о перечислении их, выдачей казенных ссуд, организацией у них учреждений крестьянского общественного управления до 1909 г. ведали чиновники Главного управления землеустройства и земледелия, носившие на местах звания «заведующих водворением». В своих действиях заведующие водворением руководствовались особой инструкцией от 17 февраля 1906 г. Но так как по многим делам, возникающим у водворившихся на участки переселенцев, они должны были обращаться и к крестьянским начальникам, то во избежание дублирования деятельности в 1908 г. Иркутским генерал-губернатором был возбужден вопрос о возложении на чиновников Переселенческого управления, заведующих водворением переселенцев, обязанностей крестьянских начальников, что и было разрешено в 1909 г.¹⁶⁸ Землеустроительные комиссии должны были содействовать выделившимся из общины крестьянам в размежевании земли, в покупке земель через посредничество Крестьянского банка, в разрешении землеустроительных споров. Губернские землеустроительные комиссии выполняли функции распорядительного учреждения и принимали

¹⁶⁸ Во власти истории: Евгений Шободоев: сб. ст. и публикаций / сост. А. В. Шободоева. Иркутск, 2009. С. 86.

апелляционные жалобы на решения уездных комиссий, которые являлись исполнительными инстанциями.

1.3.4. Комитет по заселению Дальнего Востока

Особенно остро отсутствие единого руководства и программы заселения ощущалось на Дальнем Востоке, где после поражения в Русско-японской войне маячила угроза утраты российских территорий. Если Министерства финансов и иностранных дел успокаивали правительство и местные дальневосточные власти, что японская угроза миновала, и призывали заняться организационной работой, то военные ведомства продолжали бить тревогу и требовали чрезвычайных расходов на оборону. С принятием решения строить Амурскую железную дорогу и назначением 21 мая 1908 г. главноуправляющим ГУЗиЗ А. В. Кривошеина¹⁶⁹ Переселенческое управление сосредоточило свое главное внимание на Дальнем Востоке. Как образно выразился в III Государственной думе по поводу деятельности Переселенческого управления князь А. Д. Голицын, это была «всеазиатская сибирская земская управа»¹⁷⁰. Поэтому именно ГУЗиЗ взяло на себя функции изучения колонизационных возможностей полосы будущей Амурской железной дороги. Соответствующее поручение было дано заведующему Приморским переселенческим районом С. П. Шликевичу, который с весны 1908 г. объединил в Хабаровске в своих руках управление переселенческим делом на Дальнем Востоке¹⁷¹.

А. В. Кривошеин упорно настаивал на главенствующей роли в крае ГУЗиЗ, рассчитывая возглавить все гражданское управление российским Дальним Востоком или, по крайней мере, колонизируемыми районами. В 1909 г. он направил своего заместителя (товарища главноуправляющего) Иваницкого на Дальний Восток «для ознакомления на месте с ходом колонизационных работ и выработки, при участии приамурского генерал-губернатора и главнейших местных деятелей, предположений о желательных

¹⁶⁹ А. В. Кривошеин возглавлял Переселенческое управление МВД в 1902–1905 гг., затем был назначен товарищем главноуправляющего ГУЗиЗ, а с 21 мая 1908 г. по 26 октября 1915 г. занимал пост главноуправляющего ГУЗиЗ.

¹⁷⁰ Гинс Г. К. Переселение и колонизация. СПб., 1913. Вып. 1. С. 20.

¹⁷¹ Татищев А. А. Указ. соч. С. 61.

в ближайшем будущем мероприятиях к лучшей постановке переселения русских людей на эту окраину»¹⁷². При участии Иваницкого П. Ф. Унтербергер организовал широкое обсуждение вопросов, касающихся колонизации дальневосточных областей. Заседания специально созванного для этой цели совещания проходили в Хабаровске в конце октября – начале ноября 1908 г. В ряду других был поднят и вопрос о руководстве переселенческим делом в крае. Несмотря на то, что с 1906 г. произошло сосредоточение на центральном уровне Переселенческого управления в ГУЗиЗ и были определены «Основания объединения деятельности местных переселенческих организаций», сохранялась потребность, как было отмечено в журнале хабаровского совещания, «точно разграничить пределы участия в переселенческом деле центрального ведомства, с одной стороны, а равно главной и областной администрации края – с другой»¹⁷³.

Чтобы как-то двинуть дело, МВД подготовило проект создания при Управлении по постройке Амурской железной дороги особой межведомственной экспедиции по изучению и благоустройству прилегающей к железной дороге местности. Руководство такой экспедицией, по мнению МВД, могло бы быть возложено на особое лицо, которое бы действовало в согласии с уполномоченными от МВД, Министерства финансов, Министерства путей сообщения, Государственного контроля и ГУЗиЗ. Однако А. В. Кривошеин, явно не желая упускать инициативу, заявил, что этого будет недостаточно, так как это дело «одно из важнейших при современных политических условиях» и требует «планомерного объединения всех прилагаемых к достижению сей цели государственных сил как там – на месте, так и здесь – в центре»¹⁷⁴.

¹⁷² А. В. Кривошеин – А. П. Извольскому (7 февраля 1909 г.) // АВПРИ. Тихоокеанский стол (148). Оп. 487. Д. 762. Л. 155. См. также: Отчет высочайше командированного на Дальний Восток по переселенческому делу товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием сенатора Иваницкого. СПб., 1909.

¹⁷³ Журнал совещания по вопросам, касающимся колонизации Дальневосточных областей, образованного в г. Хабаровске при участии высочайше командированного на Дальний Восток товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием сенатора Иваницкого. СПб., 1908. С. 128.

¹⁷⁴ Особый журнал Совета министров 23 июня 1909 г. // РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

А. В. Кривошеин предложил воспользоваться удачным опытом Комитета Сибирской железной дороги, к ликвидации которого в свое время он оказался причастен. К. А. Кривошеин в книге о своем отце отметил, что с упразднением КСЖД «прежнему двоевластию был положен конец», а А. В. Кривошеин, с назначением в 1905 г. главным управляющим ГУЗиЗ, фактически стал «министром Азиатской России»¹⁷⁵. Им были сформулированы и главные задачи, которые могли быть возложены на такое учреждение: «...Во-первых, – сосредоточить в одной организации, с особым уполномоченным во главе ее, все местные переселенческие учреждения, ведающие земледельческую колонизацию, и управления государственных имуществ, призванные заботиться об эксплуатации естественных (рыбных, лесных и других) богатств края и могущие, путем упорядочения оброчного дела, значительно содействовать развитию в крае промысловых хозяйств, и, во-вторых, – учредить, одновременно с сим, при ГУЗиЗ, для общего направления и объединения колонизационного дела на нашем Дальнем Востоке, особый комитет, образуемый под председательством главного управляющего ГУЗиЗ из представителей всех заинтересованных ведомств»¹⁷⁶. Кривошеин предложил и название – Комитет по заселению Дальнего Востока, – акцентируя уже этим его доминирующую ведомственную причастность и главное направление деятельности.

Вопрос о Комитете по заселению Дальнего Востока (КЗВД) подвергся обсуждению в Совете министров 23 июня 1909 г. Ставя во главу угла проблему колонизации, П. А. Столыпин понимал, что нельзя ограничиваться только этим, а необходимо посмотреть на проблему шире. При такой постановке задач Переселенческое управление, которое перешло из МВД в ГУЗиЗ, не будет способно эффективно координировать действия других ведомств, поэтому Столыпин предложил «наметить такого рода правительственную организацию, которой могло бы быть поручено осуществление не входящих непосредственно в круг ведения названного Управле-

¹⁷⁵ Кривошеин К. А. Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. М., 1993. С. 120.

¹⁷⁶ Там же.

ния мероприятий по колонизации вышеуказанных местностей»¹⁷⁷. Решено было для этого послать особую экспедицию, во главе которой и стоял бы человек, объединяющий руководство местными учреждениями ГУЗиЗ на Дальнем Востоке и координирующий деятельность учреждений других ведомств.

В состав Комитета по заселению Дальнего Востока вошли почти все министры и главноуправляющие (министр народного просвещения и обер-прокурор Синода приглашались в случае необходимости). Помимо этого, устанавливалось, что приамурский и иркутский генерал-губернаторы, дальневосточные и восточносибирские губернаторы во время пребывания в столице могут участвовать в заседаниях Комитета. В решении Совета министров было прямо указано на то, чтобы будущий комитет соответствовал прежнему КСЖД, с тем лишь различием, что ему не могут быть присвоены полномочия законодательной власти. Последнее нельзя было позволить в условиях нового законодательного процесса, установленного после учреждения Государственной думы и реформирования Государственного совета. Управление делами КЗДВ было возложено на начальника Переселенческого управления Г. В. Глинку, что лишний раз подтверждает претензии ГУЗиЗ на лидирующую роль в дальневосточных делах. Правда, считал чиновник канцелярии КЗДВ А. А. Татищев, «в стремлении придать этому делу больший удельный вес переборщили: председателем был назначен Столыпин, а заместителем его (то есть помощником) Кривошеин. При этих условиях представителями отдельных министерств в Комитет вошли сами министры, и Комитет обратился во второе издание Совета министров, то есть, в сущности, вовсе в качестве самостоятельного органа не создан, если не считать того факта, что управление делами Комитета, то есть возможность подталкивать разрешение некоторых вопросов, было поручено Глинке»¹⁷⁸. Реально в 1910 г., по воспоминаниям того же Татищева, состоялось около трех заседаний, из них два, на которых присутствовали министры. Между тем главной

¹⁷⁷ Особый журнал Совета министров 23 июня 1909 г. // РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

¹⁷⁸ Татищев А. А. Указ. соч. С. 75.

задачей нового переселенческого курса было объявлено: «Дальний Восток должен быть русским и только для русских», что даже переселенческими чиновниками воспринималось как узко националистическая политика¹⁷⁹.

Предусматривалось также привлечение к обсуждению вопросов в КЗВД. Единогласные решения Комитета по заселению Дальнего Востока, не требующие нового закона, напрямую направлялись в ведомства для исполнения, в случае же разногласия – переносились на рассмотрение Совета министров. Вопрос о председателе Комитета получил компромиссное решение – председатель Совета министров стал по должности и главой нового комитета, а в качестве заместителя назначался главноуправляющий ГУЗиЗ. Кроме того, Кривошеин, используя опыт управляющего делами КСЖД А. Н. Куломзина, возглавил подготовительную комиссию при Комитете, в состав которой вошли представители от министерств в качестве экспертов по дальневосточным делам.

От идеи особого уполномоченного на Дальнем Востоке решили отказаться, направив туда новую Амурскую экспедицию (по аналогии с той, которая действовала в 1850-х гг. под руководством Г. И. Невельского), во главе которой планировалось поставить человека, осуществляющего руководство всеми местными учреждениями ГУЗиЗ на Дальнем Востоке, а также способного координировать деятельность других ведомств. При этом создание новой Амурской экспедиции провели в порядке верховного управления помимо Государственной думы, а официально полномочия экспедиции решили не фиксировать, отнеся расходы на нее на кредиты по строительству Амурской железной дороги. Решение о создании Амурской экспедиции было принято Советом министров и утверждено царем 27 октября 1909 г. Как отмечал Л. М. Болховитинов, это было своеобразной сенаторской ревизией, но «не в смысле открытия злоупотреблений, а в отношении исследования целесообразности распорядительных и исполнительных действий органов местной администрации; она заставила многих

¹⁷⁹ Татищев А. А. Указ. соч. С. 86.

пораскинуть мозгами и поработать»¹⁸⁰. 12 января 1910 г. ГУЗиЗ представило в КЗДВ записку «Об организации в 1910 г. экспедиции по обследованию условий колонизации района Амурской железной дороги». В записке специально подчеркивалась связь организации экспедиции с вопросом об объединении деятельности ведомств на Дальнем Востоке. В ее составе создавались специальные отряды: I отряд должен заниматься вопросами земледельческой колонизации; II отряд – горнопромышленными изысканиями и исследованием лесных богатств; III отряд – путями сообщений. А. В. Кривошеин предложил ограничить влияние министерств тем, чтобы их представители не возглавляли отдельных частей экспедиции.

По рекомендации А. В. Кривошеина Амурскую экспедицию возглавил Н. Л. Гондатти, известный знаток Дальнего Востока, занимавший к тому времени пост тобольского губернатора. Он получил обширные полномочия и в иерархическом отношении был поставлен в независимое положение от приамурского генерал-губернатора. Газета «Харбинский вестник» писала в этой связи: «Ему дано право решать колонизационные вопросы самолично, нисколько не считаясь со взглядами местной администрации, а руководящие указания он будет получать исключительно от особого Комитета в Санкт-Петербурге. Из подобной инструкции новой власти видно, что все до сих пор делаемое для колонизации Приамурья признано “подлежащим коренной переоценке”»¹⁸¹. 29 января 1911 г. Н. Л. Гондатти был назначен приамурским генерал-губернатором, сохранив за собой руководство Амурской экспедицией, в помощь ему был лишь назначен особый управляющий.

На Амурскую экспедицию были возложены задачи изучения местности, прилегающей к линии строящейся Амурской железной дороги, также ей было поручено дать предложения об устройстве новых путей сообщения, населенных пунктов, о мерах по колонизации и развитию промышленности. За это время экспе-

¹⁸⁰ Болховитинов Л. М. Россия на Дальнем Востоке // Великая Россия. М., 1910. Кн. 1. С. 216.

¹⁸¹ Обзор повременной печати о положении дел на Дальнем Востоке (составлен чиновником особых поручений А. А. Пановым) // РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 27. Л. 41.

диция должна была раскрыть значение района Амурской железной дороги с точки зрения: 1) земледельческой колонизации; 2) промышленного освоения и 3) возможностей дальнейшего развития местных путей сообщения. В экспедиции приняло участие около ста ученых и специалистов. Материалы, собранные экспедицией, а также предложенные ею рекомендации оказали значительное влияние на дальневосточную политику. И, как отмечает Н. И. Дубинина, экспедиция смогла дать квалифицированные ответы на вопросы, поставленные Комитетом по заселению Дальнего Востока¹⁸².

Намечалось, что работа экспедиции будет ограничена полосой в 50 верст в обе стороны от Амурской железной дороги. Исключение делалось для исследования полезных ископаемых и лесных богатств. Экспедиция, полагал Кривошеин, должна закончить свою работу уже к 1 февраля 1911 г. Но в феврале 1911 г. КЗДВ признал необходимым не только продлить срок работы Амурской экспедиции, но и расширить зону ее деятельности на всю территорию Дальнего Востока, Забайкалья и даже Якутской области. «Изучение желтого вопроса, обследование различного рода промыслов, условий торговли и т. д., все это не укладывалось в границы района, непосредственно примыкающего к линии строящейся Амурской железной дороги». При этом снова подчеркивалось, что задача Амурской экспедиции должна состоять «главным образом в объединении деятельности всех отдельных изыскательских партий различных ведомств, производящих работы на Дальнем Востоке»¹⁸³.

Несмотря на принятые в 1909–1912 гг. организационные меры, как отмечал руководитель Амурской экспедиции Н. Л. Гондатти, колонизация края продолжала страдать от разрозненности действий различных правительственных чиновников, отсутствия твердости во внешнеполитическом курсе в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также от непоследовательности правительственных мер в деле

¹⁸² Дубинина Н. И. Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти. Хабаровск, 1997. С. 40.

¹⁸³ Журнал Комитета по заселению Дальнего Востока (4 и 24 февраля 1911 г.) «Об организации колонизационных исследований на Дальнем Востоке в 1911 г.» // АВПРИ. Тихоокеанский стол (148). Оп. 487. Д. 763. Л. 231.

хозяйственного освоения российского Дальнего Востока, отсутствия четко продуманного колониационного плана. С 1912 г. деятельность Амурской экспедиции свертывается, что было связано с переменами в руководстве Комитета по заселению Дальнего Востока. Начавшаяся Первая мировая война окончательно остановила работу экспедиции.

В дискуссиях об учреждении в Петербурге Комитета по заселению Дальнего Востока уже было заявлено, что назрела необходимость создания «министерства колоний», а из Переселенческого управления слышались упреки, что «правительство и наше общество находились всегда под гипнозом целостности территории Российской империи; было странно признавать колонией те ее части, которые соединены со столицами сплошным железнодорожным путем, а не отделены от метрополии морями, подобно английским, германским и французским колониям». Чиновник Переселенческого управления, а затем управляющий канцелярией Амурской экспедиции В. Ф. Романов причину многих неудач видел именно в отсутствии «специального ведомства колоний, существующего во всех крупных государствах Европы, а потому и не было с надлежащей государственностью и полнотой продуманного колониационного плана, а было только переселение крестьян, имевшее, несомненно, первостепенное культурно-экономическое значение для наших азиатских владений, но являющееся лишь одной стороной великой колонизации, требующей одновременно и торгово-промышленных мероприятий»¹⁸⁴. При этом он со знанием дела констатировал: «Хотя наши Азиатские владения и по отдаленности их, и по своеобразию местных условий и, в особенности, по пространству их ничем не отличались от колоний крупнейших западноевропейских держав, у нас они управлялись не вице-королями, а в лучшем случае генерал-губернаторами с совершенно призрачной самостоятельностью от центра; их особые права, в сущности, сводились к мелочам чисто полицейского характера, которыми они только и отличались от обыкновенной губернаторской власти»¹⁸⁵.

¹⁸⁴ Романов В. Ф. Указ. соч. Л. 218, 219.

¹⁸⁵ Там же. Л. 216–217.

Переселенческому управлению приходилось по собственной инициативе и собственными силами корректировать одностороннее направление работы, расширяя ее обширными земскими обязанностями и близкими к ним: открытием школ, больниц, церквей, помощью «водворяемым» земледельческими орудиями, строительными материалами и пр.¹⁸⁶ Кроме этой местной работы Переселенческое управление в лице своих руководителей принимало активное участие в разработке проектов постройки железных дорог между азиатскими областями, необходимых для земледельческого и промышленного развития Азиатской России, а также оказывало «энергичное воздействие на их реализацию»¹⁸⁷.

С гибелью 5 сентября 1911 г. П. А. Столыпина и назначением на пост председателя Совета министров В. Н. Коковцова деятельность КЗДВ заметно затихает, заседания проходят редко, хотя последние журналы комитета датированы 17 августа 1915 г.¹⁸⁸ Как вспоминал А. А. Татищев, даже в 1910 г. из формально проведенных пяти было всего три настоящих заседания: одно, под председательством Кривошеина, было посвящено многочисленным второстепенным делам и только два других – принципиальным вопросам, в обсуждении которых приняли участие министры, а не их заместители. Впрочем, и сам П. А. Столыпин не проявлял на заседаниях Комитета своего обычного красноречия, отделялся лишь краткими замечаниями, а осенью 1910 г. вместе с А. В. Кривошеиным уехал в Западную Сибирь, увлеченный перспективами строительства Южно-Сибирской железнодорожной магистрали. В глазах петербургских чиновников, в том числе и самого Кривошеина, все большее значение приобретал Туркестан, с экономическим развитием которого связывалось создание собственной хлопковой базы для российской текстильной промышленности¹⁸⁹.

Снижение активности КЗДВ было связано, с одной стороны, с ликвидацией угрозы новой войны с Японией, а с другой –

¹⁸⁶ Вошинин В. Указ. соч. С. 17.

¹⁸⁷ Судьба века. Кривошеины. СПб., 2002. С. 132.

¹⁸⁸ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. 1. СПб., 1998. С. 202–203. В 1910 г. Комитет заседал 5 раз, в 1911 г. – 2, в 1912 г. – 1, а в 1913 г. – ни разу. – Флоринский М. Ф. Указ. соч. С. 23.

¹⁸⁹ Татищев А. А. Указ. соч. С. 86–87, 141.

с усилением дезинтеграционных тенденций внутри правительства. Новому премьер-министру В. Н. Коковцову с трудом удавалось сдерживать ведомственные устремления министерств к определенной управленческой автономии. Кроме того, как отмечает К. А. Кривошеин, В. Н. Коковцов, получивший в придачу к Совету министров и КЗДВ, не проявлял большого понимания переселенческого вопроса¹⁹⁰. При продолжавшем существовать КЗДВ в марте 1913 г. Совет министров организует дополнительно межведомственное совещание под председательством Н. Л. Гондатти. Необходимость созыва такого совещания объяснялась все тем же желанием «ускорить направление и разрешение различных, требующих междуведомственного соглашения, дальневосточных дел и вопросов»¹⁹¹. Одной из главных проблем, рассматриваемых совещанием, стала очередная корректировка административного устройства края. Но и совещание Н. Л. Гондатти не принесло значительного успеха. Дальневосточная общественность продолжала критиковать власть за то, что она действует в регионе без «широкого плана к закреплению Приамурья в качестве русской окраины»¹⁹².

Со сменой В. Н. Коковцова И. Л. Горемыкиным, на которого имел известное влияние А. В. Кривошеин, деятельность КЗДВ (прежде всего его подготовительной комиссии) на короткое время оживилась. В последний раз подготовительная комиссия собралась 9 июня 1915 г. в помещении Переселенческого управления для обсуждения поднятых Н. Л. Гондатти вопросов «о мерах борьбы с движением желтых в пределы Западной Сибири и Европейской России»¹⁹³. Министр земледелия А. Н. Наумов, занявший после А. В. Кривошеина пост заместителя председателя, докладывал Николаю II, что в 1915 г. Комитет «продолжал рассмотрение вопросов, вызываемых заселением нашей приамурской окраины рус-

¹⁹⁰ Кривошеин К. А. Указ. соч. С. 126.

¹⁹¹ Журнал межведомственного совещания под председательством приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти (20 марта 1913 г.) // РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 59. Л. 1.

¹⁹² [Меркулов С. Д.] Современное положение русского дела на Дальнем Востоке. Пг., 1916. С. 11.

¹⁹³ АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол (148). Оп. 487. Д. 763. Л. 245–246.

скими людьми и борьбой с усилением желтой расы»¹⁹⁴. Очевидно, что эта тема стала главной в дальневосточной политике империи.

Вместе с тем деятельность КЗДВ явилась очередным имевшим кратковременный эффект способом преодоления ведомственной разрозненности на центральном и региональном уровнях, отразив хроническое нежелание самодержавия решить проблему «объединенного правительства» в целом. При создании КЗДВ использовались не только опыт КСЖД, но и ставшие уже традиционными управленческие приемы временного повышения скоординированности правительственных действий в особых комиссиях и совещаниях, широко практиковавшиеся в течение всего XIX в. при решении экстраординарных правительственных задач.

Дальнейшие преобразования Переселенческого управления были связаны с изменением принципа распределения обязанностей между делопроизводствами, прежний территориальный подход был заменен на функциональный¹⁹⁵. Из семи делопроизводств только одно (пятое) вело дела по заселению окраинных и сопредельных территорий (Дальнего Востока, Кавказа, Урянхайского края, Персии), остальные отвечали за конкретные направления становившегося все более разноплановым переселенческого дела. В ведении первого делопроизводства были сосредоточены вопросы поземельного устройства, внутринадельного размежевания, отвода земель из государственного земельного фонда населения Азиатской России (крестьян, казаков, инородцев). Изысканием свободных и удобных угодий для переселенцев, изучением колонизационной емкости заселяемой территории занималось четвертое делопроизводство. Здесь же, исходя из оценки качества угодий, решались вопросы о ссудах на домообзаводство. В самостоятельное делопроизводство (седьмое) выделялись вопросы обследования новых районов и проведения подготовительных мероприятий по благоустройству колонизируемых территорий (земельные улучшения): дорожных, землеотводных, мелиоративных и гидротехнических. Шестое делопроизводство контро-

¹⁹⁴ Всеподданнейший доклад министра земледелия А. Н. Наумова «О деятельности Комитета по заселению Дальнего Востока в 1915 г.» // РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.

¹⁹⁵ РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 438. Л. 15.

лировало передвижение переселенцев, тарифные вопросы, путевые ссуды и медицинскую помощь в пути.

Одновременно в целях объединения деятельности чинов Переселенческого управления, заведующих на местах, с одной стороны, землеустройством старожилов, а с другой – отводом участков под переселение и устройством переселенцев на местах, заведывание как землеустройством старожилов, так и делом переселения было передано в руки одного лица – заведующего землеустройством и переселением.

На заведующего землеустройством и переселением было возложено общее руководство постановкой всех сторон переселенческого дела во вверенной ему губернии, а именно: составление плана работ по изысканию земельного фонда под переселение, подробных смет расходов на содержание личного состава, заведующего разными отраслями переселенческого дела, операционных расходов по образованию переселенческих участков и экспедиций для изыскания земельного фонда, расходов на устройство дорог, остановочных пунктов, больниц, на выдачу различных казенных пособий и ссуд.

По всем сметным предположениям местных переселенческих организаций Главное управление землеустройства и земледелия получало решение губернской администрации. Заведующие землеустройством и переселением в Сибири входили в состав Общих присутствий губернских управлений, с возложением на них заведывания делопроизводством по переселенческой части и с предоставлением им решающего голоса при обсуждении в названных учреждениях дел переселенческих и сошвещательного – по прочим административным делам¹⁹⁶. Заведующие районами переселения помимо представления соответствующим губернаторам смет и предположений по переселенческому делу на каждый предстоявший год обязаны были представлять им также годовые отчеты о деятельности местной переселенческой организации со сведениями о ходе и положении всех сторон переселенческого дела за отчетный год.

В августе 1915 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием возглавил Особое совещание для обсуждения ме-

¹⁹⁶ Во власти истории: Евгений Шободоев ... С. 87.

роприятий по продовольствию. В годы войны землеустроительная деятельность Главного управления фактически прекратилась, и поэтому 15 сентября 1915 г. оно было преобразовано в Министерство земледелия, основным вопросом которого был уже не крестьянский, а продовольственный.

На рубеже XIX–XX вв. Переселенческое управление превратилось в почти самостоятельное ведомство, а в период столыпинских реформ из «скромного Переселенческого отделения при Земском Отделе в несколько лет развилось учреждение, которое по обилию и разнообразию дел правильнее было бы назвать старинным именем «Сибирского Приказа»¹⁹⁷. Переселенческое управление могло с наибольшим основанием претендовать на роль «прото-министерства» (В. Сандерланд), но, очевидно, не «колоний», а «колонизации». Существует версия, что Столыпин намеревался преобразовать его в «Министерство по переселению»¹⁹⁸.

Переселенческое управление, объединяя под центральным управлением местную администрацию, фактически создавало новое (ведомственно-территориальное) учреждение, ведая земельным делом в Азиатской России. Руководители Переселенческого управления, как правило, заслуженно носили, хотя и неформальное, звание министров Азиатской России (А. В. Кривошеин), или «сибирских Киселевых» для переселенцев (только без министерского звания – Г. В. Глинка). При отсутствии в Сибири земских учреждений переселенческие структуры вынужденно взяли на себя земские обязанности, что стало одним из важнейших определяющих факторов, сближавших переселенческих чиновников с местной общественностью, интеллигенцией и в том числе с политической оппозицией. И. И. Тхоржевский писал: «Переселенческое управление занималось всем: проводило дороги, торговало молотилками, строило больницы, копало колодцы, корчевало и осушало, сооружало церкви, посылало в глушь – крестить и хоронить – разбездные причты...»¹⁹⁹. Бюрократическая, в данном

¹⁹⁷ Поездка в Сибирь и Поволжье. Записка П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина. СПб., 1911. С. 11.

¹⁹⁸ Зеньковский А. В. Правда о Столыпине. М., 2002. С. 73–74, 93.

¹⁹⁹ Тхоржевский И. И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 2000. С. 125.

случае рациональная, спланированная работа государственного учреждения, направленная на решение важнейших государственных и общественных задач, усиленная общественной поддержкой, научным обеспечением, приносила значительные плоды. Переселенческое дело стало полем не конкурентных битв за народ, а совместной чиновничьей, общественной, научной творческой деятельности.

В дополнение к общественному содействию делу переселения, в частности четко ограниченной деятельности земств европейских губерний, возможна была и более оправданная, эффективная и перспективная помощь общин и частных лиц. В этом направлении переселенческие структуры способствовали формированию гражданского общества, пробуждению частных и общественных инициатив, которые могли развиваться и существовать вне сферы государственного контроля и регламентации. Община была не только экономически заинтересована в переселении однообщинников (в отличие от земств), но обладала уникальной информацией, не доступной ни государственным учреждениям, ни даже земствам.

Последовательным критиком переселенческого ведомства, как бюрократического и уже потому несостоятельного, была российская и местная либеральная пресса, в частности «Сибирские вопросы» и «Русское богатство». В вину ему ставились самые различные недочеты учреждения: неудачный выбор участка или нового административного центра, незнание местных условий, нежелание обращаться к знающим людям, неумение воспользоваться плодами «общественных работ». Также неоправданно местные журналисты обвиняли переселенческое ведомство в «узурпации» земского дела, называя «суррогатом сибирского земства»²⁰⁰. Ведомственные конфликты чиновников на страницах «Сибирских вопросов» перерастали в противостояние переселенцев и старожилов. «Не умея справиться со своим главным делом, переселенческое ведомство считается, однако, компетентным судией во всех вопросах, связанных, прямо или косвенно, с переселением, причем так их решает, что «старожилы», наконец, не выдер-

²⁰⁰ Л. К. Очерки Сибирской жизни // Сибирские вопросы. 1912. № 1–2. С. 43.

живают, – берутся за перо и пишут письма в редакцию»²⁰¹. Благополучие пришлого элемента из России создается за счет местного «старожильческого населения», в частности беспощадного «окружения и суживания» владений старожилов и инородцев²⁰².

На страницах «Русского богатства» отмечались негативные последствия стремления властей самостоятельно руководить процессом переселения, устраняя общественное влияние. «Ходатайства некоторых земств по различным вопросам, касающимся переселений, неизменно отклонялись, деятельность частных переселенческих обществ как в Санкт-Петербурге, так и в Сибири ставилась в такие условия, что она не могла продуктивно развиваться и замерла. Живое переселенческое дело очутилось в канцелярии, и все ведение его носит чисто чиновнический, бумажный характер»²⁰³.

Авторы, находящиеся вне государственной (административной) деятельности, вряд ли могли оценить изменения характера работы переселенческих чиновников, особенно высшего и среднего звена, создающего новый образ чиновника – образованного, деятельного, причем не по-канцелярски деятельного, работающего с людьми, точнее с народом. И если народнические идеи (народофильство) были уже укорененной традицией русского образованного общества, то их наличие у государственного деятеля, чиновника требовало если не оправдания и доказательств, то осознания, рефлексии по этому поводу в обществе.

²⁰¹ Л. К. Очерки Сибирской жизни // Сибирские вопросы. 1912. № 1–2. С. 44.

²⁰² В. К. Положение новоселов // Там же. С. 48.

²⁰³ С. Ф. К хронике переселенческого движения в Сибирь // Русское богатство. 1901. № 6.

Глава 2.

КОЛОНИЗАЦИЯ АЗИАТСКОЙ РОССИИ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

2.1. Научная экспертиза колонизации азиатских территорий Российской империи

Высокий авторитет науки и вера в непреложность точных фактов, статистически подкрепленных моделей делали научно-исследовательские изыскания российских ученых, чиновников, общественно-политических деятелей основой для внедряемых административных интеграционных практик. Н. М. Ядринцев писал, характеризуя эту ситуацию: «Это было время, когда администрация и бюрократия охотно прибегали к помощи писателей, ученых, исследователей. Воздух канцелярии как бы вентилировался доступом свежего воздуха и независимого взгляда»¹. Административные и правовые решения, исходящие только из государственных, стратегических задач без учета хозяйственных интересов населения, без опоры на научный фундамент характеризовались в прессе как «безжизненные» и «кабинетные»². Даже наличие богатого имперского опыта управления окраинными территориями и скрупулезно собираемые канцелярские сведения, по мнению экспертов, не спасали официальные программы от утопичности и формализма³. Роль экспертов поэтому виделась не только в сборе сведений о колонизируемых территориях, но и в создании новых классификаций населения, сценариев и механизмов хозяйственной, социокультурной интеграции и «обрусения» присоединенных территорий и населения⁴. Научные экспедиции, специальные исследовательские программы, составленные по инициативе

¹ Ядринцев Н. М. К моей автобиографии // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1979. Т. 4. С. 328.

² Остафьев В. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // Записки ИРГО. Кн. XVIII. Вып. 1–2. Омск, 1895. С. 10.

³ Чиркин Г. Землеотводное дело в Киргизской степи и необходимость землеустройства киргиз // Вопросы колонизации. № 3. С. 71.

⁴ Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940. М., 2010.

или под контролем центральной или местной администрации, должны были выяснить экономический потенциал региона, определить меры по его обороне, наметить направления хозяйственного освоения, перспективы сельскохозяйственной и промышленной колонизации, выстроить стратегию управленческого поведения в отношении коренных народов с учетом их социокультурной специфики. География, этнография и история азиатских окраин, мотивированные потребностями «знания-власти», развивались под явным запросом имперской практики. В качестве экспертов, обсуждающих имперские проблемы на страницах журналов и газет, а нередко и в закрытых правительственных совещаниях и комиссиях, часто можно было видеть ведущих российских ученых, которые осуществляли интеллектуальный транзит достижений западных политических и экономических науки и практики, определяя различные варианты российского видения своего Востока.

Недостаточная развитость местного сибирского общества, признаваемая наиболее видными его представителями, приводила к тому, что успех, а часто и сама инициатива какого-либо нового научного начинания могли принадлежать местной администрации. Так было с организацией отделов Русского географического общества, научных экспедиций, образованием университета, просветительских, художественных, музыкальных и других подобных обществ. «Либеральные начальники края, чтобы оживить в нем жизнь, чтобы придать блеск своему управлению, – вспоминал Г. Н. Потанин, – всегда привозили с собой из Петербурга новых лиц, которые своими специальными знаниями оказывались полезными для местного населения. Иногда это были опытные юристы, иногда натуралисты и ученые, изредка даже музыканты. Благодаря этому можно было встретить в свите генерал-губернатора-ботаника в мундире офицера генерального штаба или виртуоза на виолончели в звании писца в генерал-губернаторской канцелярии. Такими мундирными учеными, главным образом, поддерживалась ученая деятельность сибирских отделов географического общества»⁵. Во многом благодаря чиновникам в Сибири распространялись культурные новшества, формировалась

⁵ Потанин Г. Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1986. Т. 7. С. 51.

наука. По вкладу в развитие сибирской культуры чиновничество вполне может поспорить и с купечеством, и с политическими ссыльными.

Однако, отмечая исключительно «чиновнические» корни сибирской интеллигенции, Г. Н. Потанин указывал и на ограниченность такого рода культуртрегеров, особенно в сфере аграрной науки. «Хотя и говорят, что сибирский чиновник отличается от русского тем, что принимает участие в производстве, торгует, заводит заводы, как это всегда бывает в колониях, но это участие в экономической жизни в крае ограничивается, кажется, торговлей и подрядами. Относительно же сельского хозяйства сибирский чиновник никак не выше сибирского крестьянина»⁶. Массовое переселение в Сибирь в корне изменит эту ситуацию и даст мощный толчок аграрным исследованиям, основным инициатором и активным участником которых станет сначала МГИ, а затем Переселенческое управление.

Государство, пытаясь поставить под контроль стихийные миграционные процессы, вынуждено было обращаться к ученым и общественным экспертам (статистикам, агрономам, почвоведом, картографам, ветеринарам и др.) для создания научного фундамента колонизационной политики и административной практики на окраинах. Специальное образование, особый мировоззренческий и идеологический настрой позволяли экспертам претендовать на большее, чем сбор фактов, а именно на создание новых классификаций населения, сценариев и механизмов хозяйственной, социокультурной интеграции и «обрусения» присоединенных территорий и населения.

О необходимости «интеллигентного» вмешательства в «мужичью колонизацию» писал в своих теоретических работах по колонизации Ф. М. Уманец. Юрист по образованию, ученый и активный участник переселенческого дела в статусе «сведущего человека», мировой посредник, земский деятель (председатель Глуховской уездной и Черниговской губернской земской управы), достаточно типичный пример сочетания нескольких важных направлений деятельности, которые делали человека реально све-

⁶ Потанин Г. Н. Из записной книжки сибиряка // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1986. Т. 7. С. 215–216.

душим, эффективным экспертом в деле переселения. Экспертные оценки строились в его работах не только на практическом опыте, но и на сравнительном анализе колониционного опыта европейских империй. Он выделял переселенческое дело в России как особую лауну, куда еще не проник «свет интеллигентного знания», оставляя переселенцев довольствоваться не знаниями, а «чувствами и увлечениями» (стихийный народный гений)⁷. Это, по мнению Уманца, не означало необходимости исключительной самостоятельности «дикой формы переселения» – естественного, неупорядоченного движения вдаль известной части населения, – но свидетельствовало о слабом, еще не продуманном, неумело направленном, искусственном «содействии» переселению. В середине 80-х гг. объяснение неуместных законов, провальных предложений со стороны чиновников различного уровня и общественных деятелей, земцев виделось ученому в *недостатке научного понимания* переселенческого вопроса⁸.

Научное содействие аграрному сектору имело достаточно давнюю и устойчивую практику в рамках попечительной политики государства, просветительской традиции. Средоточием научных инициатив в этом направлении можно считать МГИ (Ученый комитет, Сельскохозяйственный совет). Важно, что научное сотрудничество, как правило, подкреплялось общественной поддержкой приглашаемых «сведущих людей». В 1888 г. МГИ пригласило в виде опыта сведущих в различных отраслях сельскохозяйственной промышленности. Государство субсидировало данный проект, и кредит был потрачен на содержание и командировки специалистов: агрономов, садоводов, хлопководов, пчеловодов и т. д.

Пореформенное время создавало еще более благоприятные условия для плодотворной совместной деятельности в сфере крестьянского вопроса государственных структур и общественных, научных организаций. Одним из факторов, подготовившим активизацию этого процесса, стали преобразования в сфере образования, в частности открытие низших и средних сельскохозяйственных учебных заведений (земледельческие, землемерные, садоводческие, сельскохозяйственно-технические) и укрепление

⁷ Уманец Ф. М. Колонизация свободных земель России. СПб., 1884. С. 2.

⁸ Там же. С. 6.

высшего специального образования (подготовка агрономов, ветеринаров, межевщиков, топографов, лесников). Появление таких учебных заведений, как Петровско-Разумовская земледельческая и лесная академии, Межевой институт, было необходимо для подготовки специалистов в аграрной сфере, распространения новых, более совершенных методов в сельскохозяйственном производстве⁹. Однако большинство выпускников хотя и служило по специальности, но работало в статистических учреждениях, земствах, кредитных товариществах либо заполняло вакантные должности в волостной и сельской администрации. Становление разветвленной переселенческой организации, престижность этого «молодого и мобильного» ведомства создавали дополнительные вакансии для специалистов в центре и на местах.

В 1863 г. при МВД был создан Центральный статистический комитет, руководивший исследованиями сельского хозяйства местных статистических комитетов. В смешанный состав этих административных учреждений, находившихся в ведении губернаторов и областных начальников, входили высшие должностные лица, городские головы, представители купечества и духовенства, а также лица, могущие «своими познаниями и опытом принести пользу комитету и изъявляющие готовность участвовать в занятиях его своими статистическими трудами».

Кроме централизованных государственных учреждений или ученых комитетов в их составе для сбора сведений, разработки проектов сибирская администрация привлекала в качестве научных экспертов чиновников особых поручений, известных общественных деятелей и даже политических оппонентов в лице ссыльных. Так, разработкой научного обоснования «степной колонизации» по поручению генерал-губернатора Западной Сибири Н. Г. Казнакова занимался чиновник особых поручений Н. Н. Балкашин, тесно связанный в дальнейшем с Западно-Сибирским отделом Русского географического общества. Он должен был составить программу исследования производительных сил степных территорий (прежде всего оценку их колонизационной емкости и удобства для земледелия) для выяснения возможности водворения крестьянских пе-

⁹ Есикова М. Сельскохозяйственное образование в России (вторая половина XIX в. – 1917 г.) // Власть. 2010. № 7. С. 150.

реселенцев. Частному вопросу, обращенному к уездным начальникам: какие земли удобны для водворения крестьян, – Н. Н. Балкашин придал научное обоснование социально-экономических перспектив кочевого хозяйства киргизов: окончательно ли они умиротворены, возможно ли самобытное достижение ими высшей цивилизации, «выгодно ли их эксплуатировать в первобытном состоянии»¹⁰. Являясь не только ученым (именно так он себя позиционировал), но и чиновником, Балкашин прежде всего согласился с оценкой «заказчика», признав вслед за Казнаковым киргизов «верноподданными лишь по названию»¹¹.

Ход исторического развития, по его мнению, уже доказал, что сохранение кочевого хозяйства, зависимого исключительно от природных условий, делает кочевников замиранными только на время. Кочевое хозяйство характеризовалось как неустойчивое и бесперспективное в современных условиях, т. е. неспособное ни прокормить увеличивающееся население, ни «породить прочную оседлость». В записке Н. Н. Балкашина содержались не только цивилизаторский взгляд на кочевое хозяйство, но и его «народническая» интерпретация. Автор однозначно признал в качестве прогрессивной, «неминуемой» цели развития кочевой цивилизации освоение земледелия и достижение гражданственности. Однако, преодолевая однозначный эволюционизм, Балкашин все же видит возможность разных путей достижения этой обязательной конечной фазы, в том числе и медленного «самобытного развития киргизской цивилизации» без вмешательства «земледельческого государства». Это, по мнению ученого, был медленный путь прогресса, однозначно не выгодный модернизирующейся империи ни с экономической («эксплуативной»), ни с политической точки зрения.

«Взросление киргизского населения», развитие его гражданских качеств возможно и необходимо было ускорить через водворение в степи русских крестьянских поселений, а не на основе самобытной кочевой цивилизации. Самостоятельный переход ко-

¹⁰ Свои научные изыскания Н. Н. Балкашин опубликовал в виде научной монографии «О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах» (СПб., 1887).

¹¹ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11587. Т. 1. Л. 36.

чевников к земледелию («медленная эволюция от «вечнокочующих» к «временнокочующим»), кроме того, был затруднен социальным расслоением кочевого общества, поскольку богатым он был не выгоден. Не допуская русских переселенцев в степь и стимулируя процессы седентеризации кочевников и развитие у них земледелия (учреждением экономических центров в виде образцовых ферм, практических земледельческих школ) государство тем самым создавало «заповедное для русских киргизско-мусульманское государство», публицистически замечал Балкашин¹².

«Мягкий вариант» внедрения и ожидания развития земледелия без стеснения кочевников оправдывался интересами коренного населения, укрепляющего через обмен с земледельцами собственное благосостояние. Тем не менее степная колонизация не рассматривалась как «благодетельный акт» в пользу кочевого населения. Государство преследовало в степи собственные цели: укрепление торговых путей, поддержание спокойствия на окраинной территории, повышение доходности, – многие из которых не противоречили и интересам кочевников. Но это могло отвечать и интересам местного населения, так как считалось, что «с водворением земледелия в степях основное благосостояние киргизов, их скотоводство упрочилось бы и тем более средств представилось бы для их эксплуатации»¹³. Автор записки, не используя понятий «метрополия» и «колония», тем не менее предложил достаточно современное видение положения степной окраинной территории в составе империи. Цивилизация, просвещение, экономическое развитие предоставлялись даже не в обмен, а за счет «киргизских земских средств», поэтому, исходя из возрастающих потребностей региона, должна была возрастать и его доходная часть. Империя становилась более прагматичной, активно включая в свою политику экономические мотивы и предлагая меры, повышающие ее эффективность. Законность эксплуатации включенных территорий, однако, не предполагала извлечение у населения средств выше казенных податей, например, на содержание казаков и чиновников, русских школ, городских садов. Развитие гражданственности и цивилизованности должно было по-

¹² ГИАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11587. Т. 1. Л. 38.

¹³ Там же. Л. 39 об.

степенно уравнивать и в правах, и в обязанностях коренных жителей степи и остальных верноподданных империи. Исключив возможность распространения на кочевников воинской повинности, исследователь полагал справедливым взамен ее увеличить кибиточную подать. Промежуточной, подготовительной ступенью к полноценным воинским обязанностям могло бы служить участие кочевников в конных иррегулярных ополчениях в случае военных действий или беспорядков на соседних территориях¹⁴.

В 1879 г. по инициативе Императорского русского географического общества и Вольного экономического общества Н. М. Ядринцевым была составлена «Программа исследования сельской общины в Сибири»¹⁵. Задача составителя сводилась к приспособлению существующих общероссийских программ к сибирской специфике¹⁶. Главные вопросы развернутой открытой анкеты были связаны с проблемами землепользования и землеустройства сельских обывателей, а региональная специфика отражалась в колониационном значении общины, выяснении отношения общины к «посторонним», т. е. ссыльным и переселенцам. Ученый, публицист и чиновник Н. М. Ядринцев занимал особое место в ряду экспертов по вопросам колонизации Азиатской России. И дело не только в его областническом, «оппозиционно-ссыльном» прошлом (для Сибири это как раз типично), его уникальность заключалась в том, что он создал и сумел донести (обнародовать) и до общества, и до чиновников свои оригинальные и вполне аргументированные взгляды на колонизацию региона.

Источниками его проектов стали материалы о состоянии переселенческого хозяйства, собранные им в двух алтайских экс-

¹⁴ А такая возможность активно обсуждалась в это же время. См.: Ремнев А. В. «Русская гражданственность», «обрусение» и имперская армия: к дискуссии о воинской повинности казахов в 70-х гг. XIX столетия // Азиатская Россия во второй половине XIX – начале XX в.: проблемы региональной истории: сб. науч. ст., посвященных 60-летию профессора, д-ра ист. наук А. П. Толочко. Омск, 2008. С. 117–141; Уяма Т. Взгляды царских генералов на кочевников и их воинственность (по поводу неосуществленного плана о формировании конной милиции в Туркестане) // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история проблемы: материалы Междунар. конф. Алматы, 2004. С. 194–208.

¹⁵ Программа исследования сельской общины в Сибири. Омск, 1879.

¹⁶ Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. СПб., 1880. Т. 1.

педициях (1878 и 1880 гг.), а также обобщенный колониционный опыт Российской и Европейских империй. Именно в экспедиционном материале Н. М. Ядринцева колониционный дискурс наполнился этническими, антропологическими, цивилизационными характеристиками старожилов и переселенцев¹⁷.

В 1876 г. при Главном управлении Западной Сибири «для обсуждения мер к водворению в степи русских поселений и определения количества земли, нужного киргизам для оседлости», был создан специальный комитет. С февраля 1877 г. членом-делопроизводителем этого комитета по приглашению Н. Г. Казнакова стал Н. М. Ядринцев, только что вернувшийся из ссылки в Омск¹⁸. К этому времени в комитете уже обсудили основные проекты, предложенные местными чиновниками и приглашенными учеными. В качестве заслуги Ядринцева следует признать придание этой дискуссии публичного характера¹⁹.

Два основных условия способствовали успеху Ядринцева: доступ к «канцелярской тайне», статданным (материалы дела не публиковали, но вот научные изыскания и публицистические заметки авторы за свой счет могли обнародовать) и активная журналистская, публицистическая деятельность. До открытия «Восточного обозрения» площадками для «колониционных дискурсов» были в основном либеральные издания «Вестник Европы», «Русский курьер», «Голос», «Неделя». Со времени появления Восточного обозрения публикации по данной тематике становятся достаточно постоянными и включают в себя и большие по объему редакторские статьи, и небольшие подборки «внутреннего обозрения», и корреспонденции с мест. Информационная ценность,

¹⁷ Ядринцев Н. Судьба русских переселений за Урал // Отечественные записки. 1879. № 6. С. 141–156.

¹⁸ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 13681. Л. 43. Подробнее см.: Ремнев А. В. Н. Г. Казнаков и Н. М. Ядринцев (из истории общественной жизни Сибири 70-х гг. XIX в.) // Проблемы классовой борьбы и общественного движения в Сибири в дооктябрьский период. Омск, 1992. С. 46–60.

¹⁹ Ядринцев Н. М. Наши выселения и колонизация // Вестник Европы. 1880. № 6. С. 448–486; Он же. Вопрос о переселениях и его разрешении // Русский курьер. 1880. № 8, 10; Он же. О колонизации Амурского края: передовая // Голос. 1881. № 134, 136; Он же. Переселенческий вопрос // Неделя (СПб.). 1881. № 41.

а главное – практическая значимость этих материалов обсуждались уже современниками. Можно привести точку зрения специалиста в переселенческом деле А. А. Кауфмана и оспорить ее. Он отмечал, что течения русской общественной мысли, которые находили себе выражение в литературе, в частности в периодической печати, весьма слабо влияли на переселенческую политику. Большее влияние оказывали «взгляды, интересы, страхи и вождения привилегированных слоев». Эта позиция нуждается в уточнении и корректировке. Ядринцев влиял на политику опосредованно, через новые яркие образы, предлагая особые пути развития Сибири, воспитывая, заражая сибирским патриотизмом не только местное общество, но и ссылаемых сюда и даже «навозных». Ядринцева вполне можно отнести к более широкому (чем областничество) течению «культурничества», которое развивалось в Сибири со времен ссыльных декабристов. Оно было пронизано стремлением делать общее дело в пользу народа (т. н. живое дело) и являлось в известной степени аполитичным. С массовым переселенческим движением и ускоренным хозяйственным развитием Сибири, порожденными строительством Сибирской железной дороги, потребность в интеллектуальных кадрах резко возросла. Для оппозиционно настроенных к самодержавному режиму людей помимо борьбы с режимом открылась альтернатива открыть «этот безмерный край как для науки, так и для русского государства».

Естественно, что позиции такого рода научных экспертов далеко не всегда совпадали с мнением официальных заказчиков. Показательным примером такого «непонимания» стало «заказное» исследование быта переселенцев чиновником особых поручений при Тобольском губернаторе Н. Я. Новомбергским. Отчет о командировке чиновник опубликовал, но данное исследование было признано МВД вредным и запрещено к распространению, а второй выпуск был запрещен к печати²⁰. В экземпляре «Материалов», хранящемся в Омской областной библиотеке, сохранилась интересная помета 1907 г., сделанная членом ИРГО (позднее пре-

²⁰ Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии. Отчет о двухмесячной командировке старшего чиновника особых поручений при Тобольском губернаторе Н. Я. Новомбергского. Вып. 1. Тобольск, 1898. 320 с.

подаватель кафедры гидрологии и гидрометрии, заведующий библиотекой сельскохозяйственного института) В. В. Птицыным. Помимо библиографической ценности (один из шести уцелевших экземпляров), обилия конкретных данных о постановке дела «организованного переселения» исследование важно, по мнению В. В. Птицына, «для характеристики того впечатления, которое производило положение переселенцев на новых местах в первые два года после их водворения на свежего интеллигентчиновника, еще не нашедшего для себя футляра и не застывшего в ведомственном формализме». Обобщенный взгляд на проблемы переселенческой политики был изложен Н. И. Новомбергским в статье «О задачах организации переселенческого движения»²¹. Исследователь не просто критикует недостатки переселенческой политики государства, ее неэффективность и чрезмерную затратность и для государства, и для крестьян, но настаивает на ошибочности принципов, положенных в основу аграрной политики, таких как выбор направления, организация государственной помощи переселенцам, перераспределение переселенцев по территории внутренней России. Очевидно, что автор тем самым выходит за пределы компетенции, отведенной государством, т. е. фактически от описания существующих недостатков переселенческого движения он переходит к предложениям новых направлений решения аграрного вопроса.

Дополнительным местным фактором активизации научного осмысления переселенческих программ государства стало присутствие в Сибири особого контингента политических ссыльных, способных и подготовленных к научной или, шире, культурной деятельности. Если Центральная Россия переживала в 1880-х – начале 1890-х гг. своего рода эпоху «безвременья» и разочарования, то ссыльному народнику, а затем редактору иркутской газеты «Восточное обозрение» И. И. Попову казалось, что «чеховские сумерки» Сибирь не затронули, а «культурничество» началось здесь едва ли не со времен декабристов. «Культурничество началось в Сибири, – считал он, – самостоятельно и значительно

²¹ Новомбергский Н. И. О задачах организации переселенческого движения // Сборник статей по крестьянскому праву, народному образованию, экономике и сельскому хозяйству. СПб., 1903. С. 14–30.

раньше, чем в Европейской России»²². Одновременно с культурничеством развивалось и движение по изучению Сибири, в котором приняли участие самые разные люди, включая как местную интеллигенцию, так и политических ссыльных.

За этим стояла определенная традиция, начиная от декабристов и петрашевцев, ссыльных поляков и заканчивая многочисленными деятелями, которых дала народническая ссылка. В период политической реакции 1880-х гг., когда многие деятели народного движения не по своей воле оказались в Сибири, многие из них выбрали для себя научную и просветительскую деятельность. По свидетельству того же И. И. Попова, иркутский генерал-губернатор А. Д. Горемыкин «охотно разрешал ссыльным участвовать в научных экспедициях («для науки я все готов сделать») и вообще поступать на службу, считая, что занятому человеку некогда заниматься революцией»²³. Подобной тактики придерживался и забайкальский губернатор, который полагал, что научная работа «отвлекает мысли ссыльных от революционных планов и фантастических проектов о побегах»²⁴. А. Д. Горемыкин нередко прибегал к советам бывшего польского ссыльного Б. Шостаковича²⁵. «Естественно, что исследовательская работа политических ссыльных приобрела в глазах правительства особую ценность. На них стали смотреть как на весьма полезных людей, к которым надо относиться бережно и которым надо идти всячески навстречу»²⁶. Это порождало поистине парадоксальную ситуацию, когда в Чите, в только что открытом по инициативе политического ссыльного Кузнецова отделе Императорского Русского географического общества, другой политический ссыльный М. А. Кроль делал доклад о бурятах, а в первом ряду слушателей сидели губернатор, вице-губернатор и несколько генералов и высших местных

²² Попов И. И. Забытые иркутские страницы: записки редактора. Иркутск, 1989. С. 11.

²³ Там же. С. 59.

²⁴ Кроль М. А. Страницы моей жизни. М.; Иерусалим, 2008. С. 146.

²⁵ Шостакович Б. С. Революционер-шестидесятник Болеслав Шостакович в сибирской ссылке // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири. XVIII – начало XX вв. Новосибирск, 1978. С. 199.

²⁶ Кроль М. А. Указ. соч. С. 224–225.

чиновников²⁷. Для работы в комиссии по землеустройству Забайкалья управляющий делами Комитета Сибирской железной дороги А. Н. Куломзин привлек известных исследователей Д. А. Клеменца, М. А. Кроля и П. М. Головачева, несмотря на то, что они находились под негласным надзором полиции²⁸. Разумеется, им не могло не imponировать, что «даже деспотический режим не может обойтись без творческой силы культурных и образованных людей, если они даже являются противниками этого режима»²⁹. При этом, как вспоминал М. А. Кроль, он потребовал для себя полной независимости в научных исследованиях, а в качестве его ближайшего сотрудника оказался социал-демократ И. Э. Гуковский. М. А. Кроля не смутило то, что А. Н. Куломзина интересовали прежде всего два вопроса: «1) действительно ли нуждаются забайкальские буряты в тех больших территориях, которые они занимают? и 2) можно ли в какой-либо части забайкальской области выделить подходящие районы для новых русских переселенцев?»³⁰. Очевидно, исследование Кроля вполне удовлетворило высоких заказчиков, и ему даже предложили бы перейти в штат канцелярии Комитета министров, если бы не запрет принимать на государственную службу иудеев³¹.

Статистико-экономическое исследование Восточной Сибири под руководством Н. М. Астырева и Л. С. Личкова, исследование Якутского края (Сибиряковская экспедиция), пути от Якутска до Аяна, Куломзинская экспедиция в 80–90-х гг. и позднее железнодорожные изыскания, проведение железной дороги и многое другое – все это происходило при участии политических ссыльных, а некоторые экспедиции, например якутская и аянская, состояли исключительно из «политиков»³².

Статистические исследования крестьянского землепользования и хозяйственного быта в Иркутской и Енисейской губерниях проводились по инициативе Министерства государствен-

²⁷ Кроль М. А. Указ. соч. С. 238.

²⁸ Куломзин А. Н. Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 204. Л. 4.

²⁹ Кроль М. А. Указ. соч. С. 288.

³⁰ Там же. С. 288.

³¹ Там же. С. 299–300.

³² Попов И. И. Указ. соч. С. 12.

ных имуществ с конца 80-х гг. Высшее руководство, также как и подбор исполнителей, были поручены местным генерал-губернаторам. Исследование проводила особая статистическая экспедиция, для руководства которой был приглашен Н. М. Астырев, уже ранее составивший себе «лестную известность работами в сфере земской статистики»³³. Н. М. Астырев только с 1884 г. стал заниматься сельскохозяйственной статистикой в статистическом бюро Московского земства и опубликовал несколько работ в «Ежегоднике Московского губернского земства». Неменьшую известность Астыреву принесли его очерки, ставшие результатом трехлетней работы волостным писарем в Воронежской губернии³⁴. Народническое прошлое не помешало Астыреву занять должность заведующего статистическим бюро в Иркутске и тем более продолжить публикацию своих исследований в «Русских ведомостях», «Русской мысли», «Юридическом вестнике». Одновременно Н. М. Астырев был избран председателем статистической секции Восточно-Сибирского отделения ИРГО. В команде с Астыревым работали Л. С. Личков и Е. А. Смирнов. Личков, как и Астырев, не окончив курс обучения в Петровской земледельческой академии, «демонстративно ушел с последних курсов в связи с гонениями правительства против студентов академии». Он имел значительный практический опыт статистических исследований в различных регионах России. Е. А. Смирнов с 1894 г. поступил на службу в Министерство земледелия и государственных имуществ, был неоднократно командирован в Сибирь по переселенческим делам и по поземельному устройству сибирского населения. За эти исследования Географическое общество наградило Л. С. Личкова, Е. А. Смирнова и Н. М. Астырева Большой Константиновской медалью. Главными заслугами данного коллектива были создание подробных программ поселенного и подворного исследования (поселенный бланк и карточка) и проведение сплошного подворного исследования по образцу земских бюро.

³³ Отзыв действительного члена ИРГО А. А. Кауфмана об исследованиях землепользования и хозяйственного быта государственных крестьян и инородцев Иркутской и Енисейской губерний. СПб., 1894. С. 1.

³⁴ Астырев Н. М. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1886.

В отличие от административно-статистических учреждений, использовавших в основном материалы, предоставляемые волостными правлениями, экспедиция Астырева проводила подворную опись селения, непосредственно присутствуя на сходе, что позволяло значительно увеличить достоверность и проконтролировать полноту данных. Ценность собранного материала усиливалась использованием книг и документов волостного правления, а также архивных, литературных и картографических источников. Практическая значимость, «жизненность и доброкачественность» данных экспедиций Н. М. Астырева были подтверждены их использованием в проекте Положения о поземельном устройстве в Иркутской и Енисейской губерниях 1893 г. Кауфман отмечал, что «и проект, и записка были построены целиком на основании общих выводов исследования». На основании статистических материалов предполагалось определять нормальные размеры душевых наделов, величину доходности угодий.

Исследовательскими изысканиями, преимущественно в сфере общинного быта сибирского крестьянства, активно занимались ссыльные народники, удовлетворяя собственные научные интересы и одновременно решая кадровую проблему местных отделов ИРГО. Летом и зимой 1884–1885 гг. по заданию ЗСО ИРГО ссыльным С. Л. Чудновским были проведены две экспедиции на территории Бийского уезда³⁵. При заинтересованном отношении Томской администрации исследователю удалось привлечь не только материалы личных опросов, проводимых на сходах, но и волостное делопроизводство, архивы волостных правлений.

С 1893 г. водворение переселенцев перешло к органам МВД, а само определение переселенческих участков осталось в ведении чиновников МЗиГИ. Тогда же МЗиГИ приступило к исследованию степных областей. Такой деятельности в Степном крае придавалось не только экономическое, но и политическое значение: «насаждение в нем русской гражданственности, в виду его близости к Европейской России, в высшей степени желатель-

³⁵ Якимова И. А. С. Л. Чудновский о крестьянской общине Алтая во второй половине XIX в. // Актуальные вопросы Сибири. Вторые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина. Барнаул, 2000. С. 109.

но в целях политических: для его полного закрепления, для создания в нем твердого оплота против возможного напора желтой расы»³⁶. В 1895 г. в Степной край была направлена комиссия во главе с известным земским статистиком Ф. А. Щербиной. Опрос проводился под руководством переселенческого чиновника И. А. Молодых опытными земскими статистиками Л. К. Чермаком и П. А. Васильевым. В исследовании принимала участие местная интеллигенция: от студентов Томского университета до учителей. В рамках таких экспедиций вырабатывался определенный шаблон вопросов, который рассматривался в качестве программы. Задачами экспедиции были изучение казахского землепользования, определение земельных норм для полукочечевого и кочевого хозяйства, а также определение «излишков» для переселенческого фонда. Было описано 12 уездов Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской областей. По результатам подготовлено 13-томное издание: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей»³⁷. Обработкой материалов экспедиции Ф. А. Щербина занимался у себя в имении в Кубанской области, находясь под гласным надзором полиции³⁸. За выступление на первом заседании уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1902 г. товарищ МВД Зиновьев предложил отстранить Щербину от важных государственных поручений. Однако «враждебное отношение к существующему государственному и общественному строю» и даже противоправительственная деятельность не заставили переселенческое ведомство отказаться от услуг эксперта. Напротив, признавалось, что отстранение его от должности «грозит весьма серьезными затруднениями для сказанного государственного дела», замедлением работ и снижением их качества. Министр земледелия и государственных имуществ отметил, что Щербина

³⁶ Журнал Совещания о землеустройстве киргиз. СПб., 1907. С. 15. Журнал Подготовительной комиссии КСЖД. 21 апр. 1895 г.

³⁷ Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Вып. 1–13. Воронеж; Омск, 1898–1905.

³⁸ РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 802. Об участии в политической деятельности чиновников степных областей и Иркутской губернии Щербины, Ушакова, Чермака и др. 1902–1905 гг.

в качестве руководителя исследований не давал поводов для подозрения, а нарекания в его адрес были вызваны тем, что он выражал чрезмерное усердие и пристрастие к делу «русской колонизации, жертвуя этой цели законными нуждами киргизского населения»³⁹.

Ф. А. Щербина в ходе проведенных исследований пришел к выводу, что земельная община является фундаментом, на котором строятся административно-хозяйственная, духовная и общественная жизнь крестьянского общества⁴⁰. Эта идея была положена в основу оригинальной методики изучения сельского общества. А. А. Кауфман, не разделяя самой идеи, признавал методику, и проведенные с ее помощью исследования кочевых хозяйств Степного края безукоризненны⁴¹. А. А. Кауфман – один из наиболее авторитетных экспертов по сибирской общине – в своих многочисленных работах придерживался более узкого, функционального подхода, строго ограничивая свои исследования экономическими отношениями, сложившимися в современной земельной общине Сибири⁴².

Хозяйственно-статистические описания переселенческих поселков проводились и по инициативе Переселенческого управления, с «чисто практической целью выяснения хозяйственного положения переселенцев, чтобы установить нормы домообзаводственных ссуд в зависимости от материального обеспечения водворяющихся и естественноисторических условий районов водворения»⁴³. Основная часть исследования представлялась в виде цифрового материала, который был собран в результате подворного обследования в отдельных поселках, определенных как типичные. Типичность населенного пункта определялась уездными

³⁹ РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 802. Л. 8 об.

⁴⁰ Щербина Ф. Русская земельная община // Русская мысль. 1880. Кн. V. С. 6.

⁴¹ Кауфман А. А. Материалы по вопросу об организации работ по образованию переселенческих участков в Степной области (из отчета старшего производителя работ Кауфмана по командировке в Акмолинскую область летом 1987 г.). СПб., 1897.

⁴² Александров В. А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976. С. 20.

⁴³ Алексеев В. В. Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний. СПб., 1905–1906. Ч. 1. Вып. XIX. С. I.

съездами в соответствии с «общими характерными особенностями каждой группы переселенческих участков». Основным критерием, определяющим типологию переселенческих участков, становились природно-климатические условия (степные, лесостепные, лесисто-подтаежные, таежные). Дополнительными характеристиками, которые требовалось учитывать при описании населенного пункта, были данные о стоимости оборудования хозяйств, степени доступности строительных материалов, возможности заработка, ценности живого и мертвого инвентаря. Достаточно точные критерии, даже выражаемые в денежном эквиваленте, нарушались неопределенностью параметра «естественноисторических условий». Отсутствовал и достаточно влиятельный и признаваемый социокультурный критерий, включающий самые разнообразные параметры: принадлежность к нации, конфессиональная принадлежность, уровень образования и т. д. Обязательным критерием классификации переселенцев являлся временной фактор, т. е. время с момента водворения. Время пребывания в Сибири принципиально влияло не только на укорененность нового хозяйства на новых местах (хотя это с трудом можно было посчитать), но и на конкретный статус переселенца и его переход в группу старожилов.

Изучив формы общинных поселений русского крестьянства, факторы, влияющие на их эволюцию, общинные институты, Ф. Щербина реализовал свои теоретические воззрения в широкомасштабном проекте по исследованию кочевых хозяйств Степного края. Материалы экспедиции Щербины помимо статистических данных даже на уровне терминологии определяли перспективы развития кочевого хозяйства. Вполне осознанно и оправданно с точки зрения седентаризации кочевников и развития в крае крестьянского земледелия в программе использовалась терминология, заимствованная из крестьянского общественного быта. Основной низовой ячейкой казахского общества по аналогии с хозяйственной (поземельной) общиной крестьян назывался «одиночный киргизский аул», или аул хозяйственный. Эта «чисто хозяйственная поселочная форма» не приобрела еще административного значения и поэтому не имела особого наименования в законодательстве. Аул хозяйственный отличался от аула административного, состоявшего

из целого аульного сообщества или нескольких хозяйственных аулов, называемых «киргизской земельной общиной»⁴⁴.

Материалы экспедиции рассматривались переселенческими структурами как научное обоснование для нормирования землеустроительных работ. Однако практически в момент обнародования результатов экспедиционных работ «исчисленные нормы» были признаны неудовлетворительными и «преувеличенно повышенными»⁴⁵. Но это не повлияло на характер взаимодействия переселенческих структур и исследователей. Намеченная программа создания переселенческих участков на землях казахов была обеспечена новым статистическим обоснованием (экспедиция 1909–1912 гг.), давшим существенное снижение искомой нормы.

Судя по всему, именно политические ссыльные, задействованные в переселенческом деле, предложили свой язык описания процесса колонизации, придав ему социальный нарратив. Главной стороной, препятствующей землеустройству и сендентеризации кочевников в степных областях и Забайкалье, они объявляли местных богатеев и родовую аристократию. Труды комиссии Щербины показали, что социальная дифференциация в киргизском обществе весьма велика. «Белая кость еще в старину захватила в свои руки политическую власть над киргизами и крепко держится за нее. Туркестанское и Степное положения только придали этой белой кости большее значение и помогли ей более подчинить себе киргизскую массу. Главную опору для белой кости в порабощении рядовой киргизской массы являлось, по мнению эксперта, владение землею, а рядовая киргизская масса попадала в зависимость, являясь «держателями этой земли». Особенно рельефно это проявилось в Туркестане, где земледелие нуждалось в искусственном орошении. Крестьяне-переселенцы также являлись арендаторами земель у родовой верхушки киргизского общества. Эти сложные социально-экономические отношения местного кочевого инородческого общества в условиях массового переселения русских крестьян характеризовались оппозиционными экс-

⁴⁴ Коншин Н. Хозяйственно-статистические исследования Степных областей // Семипалатинские областные ведомости. 1899. 30 января.

⁴⁵ Ямзин И. Л., Вошинин В. П. Учение о колонизации и переселении. Л., 1926. С. 35.

пертами по аналогии с российским вариантом феодализма, через противостояние помещиков и их зависимых – крепостных. Используя нехарактерную для правительственного дискурса социальную, а порой и социалистическую риторику, эксперты тем не менее приходили к вполне приемлемым для имперских чиновников выводам о прогрессивности и закономерности российской колонизации. По мнению О. Шкапского, меньшинство казахского общества, состоящее из потомков ханов и султанов, а также из представителей современной киргизской плутократии, желало приобрести вотчинные права на землю и превратиться в помещиков, ведущих крупное скотоводческое хозяйство на обширной территории киргизской степи»⁴⁶. При такой классификации местного общества большинство инородческого кочевого населения вполне могло объединяться с русскими переселенцами против своих эксплуататоров родовой знати (или, в других условиях, против старожилов)⁴⁷. «Переселенцу-пролетарию» земля достается, как и рядовому казаху, после «предварительного тяжелого батраческого или арендного труда, для вящего удовольствия земельного буржуа сибиряка-старожила и кочевого феодала киргиза»⁴⁸.

Подобное сопоставление уже само по себе задавало определенную программу с очевидными для русской администрации «прогрессивными» задачами разрушения «феодально-крепостнического строя» с помощью русской колонизации. Это радикальное направление «степных экспертов» резко критиковало и местные власти, защищающие интересы аборигенов, и казахскую интеллигенцию, «нелепо опасующуюся безземелья и грядущего вымирания»⁴⁹. Показательно, что социальный нарратив оказался внедрен и в официальные документы, где главную причину протеста казахов видели именно в сохранении прослойки богатых и влиятельных родовичей, а также наличии у туземных обществ прежнего

⁴⁶ Шкапский О. На рубеже переселенческого дела // Вопросы колонизации. 1907. № 1. С. 134.

⁴⁷ Татищев А. Землеотводное дело по донесениям заведующих переселенческим делом в районах // Вопросы колонизации. 1907. № 1. С. 252.

⁴⁸ Успенский А. В. Действительность, а не мечты // Вопросы колонизации. 1908. № 2. С. 6.

⁴⁹ Хворостанский П. Киргизский вопрос в связи с колонизацией степи // Вопросы колонизации. 1907. № 1. С. 53–54, 60–62.

простора землепользования»⁵⁰. В материалах Совещания о землеустройстве киргиз отмечалось: «Такое настроение населения поддерживалось иногда администрацией Степных областей, в особенности Уральской и Тургайской, некоторые представители которой до самого последнего времени проявляли отрицательное отношение к колониционным видам правительства. <...> Отсюда – полная несогласованность деятельности местной администрации и чинов переселенческой организации, требующая постоянного вмешательства центральной власти»⁵¹.

В 1907 г. Совещание по землеустройству киргиз признало, что нельзя будет поручить местной администрации задачу изучить состояние землевладения с целью установления земельных норм. Этим должно заниматься непосредственно ГУЗиЗ⁵². Установление же норм должно быть предметом распоряжений Совета министров. «Столь важный фактор аграрной политики должен быть в руках высшего правительства»⁵³. Местным властям, включая губернаторов и генерал-губернатора, отводилась лишь роль «оценщика» предложенных проектов. Они должны были давать заключения по этим вопросам.

В 1909–1912 гг. проводилось повторное исследование, предложившее в качестве основного результата значительное понижение «нормы». Новые экспедиции использовали прежние процедуры исследования, но при этом были нацелены на иное осмысление социально-экономической ситуации в кочевом обществе. Принципиально, что уровень развития степняка-кочевника рассматривался теперь не только с позиции его цивилизационного уровня, но и с точки зрения широкого расслоения (дифференциации). Новые классификации степного населения учитывали и народническую, и марксистскую терминологию, а хозяйственные характеристики (кочевое, полукочевое, некочующее; потребительское и промышленное) дополнялись достаточно жесткими (хотя и весьма сложными для обоснования) дополнительными

⁵⁰ Журнал Совещания о землеустройстве киргиз. СПб., 1907. С. 22–23.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 49.

⁵³ Там же.

количественными критериями «кочевой нормы»: размер посевов, количество голов скота.

Научные исследования Переселенческого управления по направлениям и технологиям являлись продолжением экономико-статистических, почвенно-ботанических и санитарных исследований губернских и областных статистических комитетов, земских учреждений. Экспедиции, направляемые на колонизируемые окраины, как правило, пользовались ранее разработанными и апробированными программами⁵⁴. В качестве основных форм научно-просветительской деятельности Переселенческого управления можно отметить такие, как разовые командировки чиновников особых поручений, долгосрочные экспедиции с привлечением научных и общественных организаций (ИРГО, Почвенная комиссия Вольного экономического общества, Императорский ботанический сад и др.); организация выставок и участие в них, создание «научно обставленных рабочих кабинетов», музеев и библиотек. Признавалось, что научные знания требовались не только для выработки, принятия и реализации управленческих решений, но и для населения, поэтому оптимальным считалось сочетание «академической строгости» и «опытно-показательного» знания. Именно поэтому приветствовались «наглядные» формы знания, доступные не только для образованного общества, удобные не только для чиновников, но и для самих переселенцев. Канцелярская тайна почти не распространялась на научные сведения о колонизируемых окраинах, и они из отчетов, проектов и записок стали активно презентоваться в ведомственной и отраслевой периодике, монографических и коллективных изданиях. Буквально за десятилетие (от 80-х к 90-м) научные (в любой форме) сведения о сибирском крестьянстве, переселенцах трансформировались из повествовательных текстов в достаточно сухие, формализованные, но при этом высокоинформативные тексты с многочисленными приложениями в виде статистических данных⁵⁵.

⁵⁴ Велецкий С. Н. Земская статистика. Справочная книга. М., 1899. С. 13.

⁵⁵ См., например: Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольскую губернию за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.) / печ. по распоряжению МВД. М., 1897. Т. 1–2. Подобный стиль использовался и в научных проектах, и в отчетах по командировкам чиновников особых поручений.

Обязательным этапом научного освоения колонизируемой территории были естественнонаучные изыскания, которые создавали фундамент для «практических наук»⁵⁶. Почвенно-ботанические экспедиции по инициативе Переселенческого управления занимались, по мнению Г. К. Гинса, «чисто научным освещением естественных условий колонизационных районов»⁵⁷. Регулярные экспедиции по исследованию колонизационных районов Азиатской России, Сибири и Дальнего Востока проводились с 1908 г. до 1914 г. Во время войны продолжалась сводка добытых материалов для составления полных почвенной и ботанической карт Азиатской России⁵⁸.

Регулярная и систематическая деятельность экспедиций позволяла экономить бюджет Переселенческого управления, поскольку исследовательские группы действовали согласованно под руководством заведующего переселенческим делом в каждом конкретном районе. Со временем в обязанности заведующих районами был включен пункт о необходимости «...озаботиться согласованием статистического обследования с работами почвенно-ботанических экспедиций, партий по гидротехническим изысканиям и агрономическим мероприятиям, а также наблюдать, чтобы статистики, почвоведы, ботаники, агрономы и гидротехники в устранение всяких задержек в разработке добытых данных своевременно осведомляли друг друга о результатах своей деятельности»⁵⁹. Переселенческое управление могло расширять рамки своих фактических полномочий, собирая данные о сельскохозяйственной пригодности будущих районов заселения, его работники производили пробные посевы для определения возможности тех или иных культур, вели метеорологические наблюдения.

⁵⁶ Федченко Б. А. Задачи ботанических исследований в новых колонизационных условиях // Вопросы колонизации. 1908. № 3. С. 248–253; Велецкий С. Записки переселенческого чиновника: очерки и заметки // Вопросы колонизации. 1908. № 3.

⁵⁷ Гинс Г. Вопросы колонизации Азиатской России и «выставка по переселенческому вопросу» // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 9.

⁵⁸ Предварительный общий обзор переселений и землеустройства за Уралом в 1914 г. // Вопросы колонизации. 1915. № 17. С. 206.

⁵⁹ Землеотводное и землеустроительное дело за Уралом 1909 г. СПб., 1910. С. 188.

Эффективными и плодотворными были признаны межведомственные и межотраслевые институты (совещания и комиссии), которые объединяли, с одной стороны, компетентных и авторитетных в отрасли ученых, а с другой, заинтересованных в их работе и обладающих административным опытом, полномочиями чиновников⁶⁰. Под эгидой Переселенческого управления собирались руководители экспедиций для обсуждения с чиновниками ведомства программ, задач и в целом перспектив развития колонизационной сферы. Сами ученые признавали необходимость сотрудничества и «укрепления связей» с чиновниками всех уровней, особенно на местах, для выяснения, с одной стороны, потребностей властей, а с другой – возможностей ученых⁶¹. Однозначно выгодность такого сотрудничества проявлялась в издательской и просветительской деятельности, которая благодаря участию заинтересованного ведомства получала и финансовую поддержку, и стабильную организацию.

Для разработки концепции землеустройства переселенцев в декабре 1908 г. в Санкт-Петербурге было проведено совещание по вопросам организации почвенно-ботанических исследований Азиатской России под председательством Г. В. Глинки. Оно положило начало регулярным почвенно-ботаническим экспедициям по исследованию колонизационных районов Азиатской России, Сибири и Дальнего Востока, которые организовывались вплоть до Первой мировой войны.

Естественнонаучные изыскания дополнялись статистико-экономическими, этнографическими, юридическими обследованиями уже не территории, а проживающего на ней населения. Всего за 1907–1912 гг. было произведено подворное обследование свыше 550 000 русских и инородческих хозяйств⁶². «Результаты таких обследований, – писал Г. Гинс при обозрении переселенче-

⁶⁰ Журнал Совещания, образованного для выработки программ почвенных и ботанических исследований колонизируемых пространств Зауралья. 13–15 марта 1908 г. // Вопросы колонизации. 1908. № 3. С. 254–256.

⁶¹ Особое мнение П. Коссовича к «Журналу Совещания об организации почвенных и ботанических исследований» // Вопросы колонизации. 1908. № 3. С. 256–257.

⁶² Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912 гг.). Пг., 1914. С. 77.

ской выставки, – в виде... диаграмм, любопытных не только по содержанию, но отчасти и по художественному исполнению, составляли особый статистический отдел»⁶³.

Особо сложным этапом сотрудничества «мундирных ученых» и интеллигенции в переселенческом деле стали годы первой русской революции, когда появились альтернативные, причем, как правило, более радикальные и действенные механизмы участия в судьбах российского крестьянства. Партийно-политические деятели, а также депутаты Государственной думы стали дополнительными, сложно вписывающимися звеньями переселенческого дела в целом и в частности его научно-исследовательского обоснования. Переселенческое управление вынуждало пересматривать свои отношения с местными переселенческими структурами и, главное, принципы комплектования экспедиционных партий участниками политических партий и ссыльными⁶⁴. Местным переселенческим структурам предлагалось начать «энергичную борьбу с проявлениями в чиновной среде противоправительственной агитации, доходящей в некоторых случаях до размеров, вызывающих немедленное применение к виновным чиновникам полицейских мер»⁶⁵. Циркуляром Совета министров (от 20 сентября 1906 г.) было признано «безусловно, неуместным» сочетание правительственной службы и партийной деятельности. Переселенческому руководству рекомендовалось «требовать явного подтверждения их решимости окончательно порвать связи с партией», и только в этих условиях вопрос о продолжении служебной карьеры вновь ставился на обсуждение. Однако постоянное «требование сведений» в департамент полиции, распространившиеся в переселенческих структурах доносы на коллег, обвинение в политической неблагонадежности известных ученых и руководителей экспедиций принципиально не изменили состав экспедиций, что подтверждает известное «дело Щербины, Ушакова и Чермака». Исходя из этого, научными изысканиями крестьянского об-

⁶³ Гинс Г. Вопросы колонизации Азиатской России и «выставка по переселенческому вопросу» // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 16.

⁶⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 278. О неблагонадежных чиновниках местных переселенческих организаций.

⁶⁵ Там же. Л. 2.

щества и после революции продолжили заниматься, с одной стороны, чиновники («мундирные интеллигенты» или официальные эксперты), а с другой – политические оппоненты власти (ссылные, партийно-политические деятели).

В общем, эти исследователи, вырабатывающие и реализующие на практике колонизационные проекты по освоению и интеграции окраинных регионов, вполне могут быть обозначены как имперские эксперты. Используя нехарактерную для государственного дискурса социальную, народническую, а порой и социалистическую риторику, эксперты тем не менее не только приходили к вполне приемлемым для имперских властей выводам о прогрессивности и закономерности российской колонизации, но и создавали модели будущего социального и административного устройства колонизируемых окраин.

2.2. Крестьянская колонизация в геополитических координатах «внутреннего империализма» и национализма

В актовой лекции казанского профессора Д. А. Корсакова 1889 г. утверждалось, что «поступательное движение на восток принадлежит преимущественно, почти даже исключительно, господствующей в настоящее время отрасли русского народа – племени Великорусскому, представляя собою один из моментов многовековой борьбы Европы с Азией, а эта борьба составляет одно из важнейших явлений всемирной истории...»⁶⁶. Способность русских к колонизации объявлялась докладчиком природной, следы которой он легко находил в русском фольклоре и русской истории. В его трактовке движение русских было своеобразным возвращением к своим истокам в Азии, как потомков древних Ариев. Сознвая относительную бедность нашей культуры по сравнению с античной и западноевропейской, он полагал, что и мы сможем распространить основы гражданственности среди

⁶⁶ Корсаков Д. А. Об историческом значении поступательного движения великорусского племени на Восток. Казань, 1889. С. 4.

инородцев. «Мы распространяем среди них Православие, ассимилирующее их с народностью русскою, мы приучаем их к оседлости, постепенно прививая к ним культуру земледельческую, обрашая пустыни Сибири и пески Средней Азии в обработанные и засеянные поля и плантации. Но пока не разовьем мы в себе самих более высокой культуры, нравственной и умственной – до тех пор мы не будем в состоянии в должной мере цивилизовать Востока»⁶⁷. Основным отличием России от других мировых держав уже традиционно объявлялось то, что она представляет собой цельный континентальный монолит. У нее нет колоний, отделенных морями или непроходимыми горами, способных развиваться самостоятельно или имеющих права на свою государственную обособленность. Ее колонии – это окраины на Дальнем Востоке, в Средней Азии и на Кавказе. «Подобно тому, как наши южные степи, наша Новороссия, наша южная “украина” некогда представляли запас для русского населения, так теперь наступило время постепенно использовать с этою же целью наши восточные дальние окраины. Чем более населятся они русскою народною массою, тем крепче свяжутся эти страны ядром Русского государства»⁶⁸. Примечательно, что в этом перечне окраин автор не упоминает Сибирь, которая к концу XIX в. уже считалась «старой» русской территорией, своего рода «внутренней периферией», как когда-то Русский Север, Поволжье или Новороссия. Между тем империя так и не преодолела амбивалентности в определении статуса азиатских окраин, зафиксировав это в официальном издании: «Земли Азиатской России – это неотъемлемая и неотделимая часть нашего государства – в то же время и единственная наша колония»⁶⁹.

Если Сибирь безусловно входила в понятие «Россия», то включение ее в пространство «Руси»⁷⁰ как ядрового понятия

⁶⁷ Корсаков Д. А. Об историческом значении поступательного движения великорусского племени на Восток. Казань, 1889. С. 49.

⁶⁸ П. К. Значение Амурской железной дороги // Окраины России. 1908. № 17 (26 апр.). С. 250.

⁶⁹ Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. VIII.

⁷⁰ Хотя в начале XX в. уже можно встретить названия: «Сибирская Русь», в Чите выходила газета «Азиатская Русь», писатель Н. В. Ушаров писал

национального государства все еще оставалось проблематичным и прочитывалось по-разному в различных нарративах. В любом случае сибирский вариант управления окраинами представляется историкам более типичным для Российской империи, нежели отклонения в сторону колониализма в случае с Туркестаном. И хотя отношения Сибири к «коренной России», как это описывал в конце XIX в. сибирский купец Н. М. Чукмалдин, все еще представлялись в категориях колонии и метрополии, оставалось устойчивым убеждение, что «Сибирь – та же Россия, только географически несколько обособленная», инородческого населения в ней не много, а «сибиряк – термин собирательного русского потомка, пришедшего вольно или невольно из разных мест России»⁷¹.

Многие российские историки, географы, этнографы и экономисты утверждали, что «русский крестьянин – колонист по преимуществу», и акцентировали внимание именно на «вольнонародном» характере казачьего и крестьянского движения на восток, подчеркивая при этом, что заселение земель за Уралом прошло самовольно и даже нередко вопреки государству. «Мнимый, но вечный земельный голод», – определял смысл народного движения чиновник канцелярии Комитета министров И. И. Тхоржевский. «Небольшая часть ежегодного прироста крестьянского населения уходила в Азиатскую Россию – творить там привычное для крестьян и великое дело для государства – дело русской колонизации. Значение этого «отлива» для европейской России было невелико; значение этого прилива для пустынной окраины было огромно и благодетельно». И в числе этих крестьян самовольные переселенцы, «валом валившие, вопреки всем запрещениям, на Алтай – и творившие в Сибири своими боками великое дело колонизации»⁷². Россия за эти триста лет, – подводил в 1881 г. итог П. П. Семенов, будущий Тянь-Шанский), – сделала в Сибири все, что могла, превратив Западную Сибирь «в более русскую страну,

о «Забайкальской Руси», а Г. Д. Гребенщиков в 1914 г. назвал свой очерк о старобрядцах Алтая «Алтайская Русь».

⁷¹ Чукмалдин Н. М. Письма из Москвы: вырезки из очень старых газет. Тюмень, 2011. С. 223.

⁷² Тхоржевский И. И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 124–125.

чем, например, губернии Казанская, Уфимская, Оренбургская и даже Вятская и Пермская; в степном генерал-губернаторстве заняла большую часть оазисов и подгорьев, способных для оседлой жизни и культуры; даже в отдаленной Восточной Сибири водворила русское население, вдвое превосходящее численностью инородческое и постепенно его ассимилирующее, не истребляя его, как европейская колонизация истребляла туземные племена Северной Америки. Притом же Россия поставила своего переселенца в Сибири даже в лучшие условия, чем в центре России, широко наделив его принадлежавшими Государству землями и угодьями; она не стеснила его свободы и не водворила в Сибири крепостного права...»⁷³. Военный министр А. Н. Куропаткин из ознакомительной поездки по Сибири в 1899 г. вынес впечатление, что кроме Якутской области «русский элемент в два столетия справился с туземным народонаселением и поглотил их»⁷⁴. Тобольская и Томская губернии уже русские, а в Енисейской и Иркутской это дело времени. «Русскому населению, – указывал он, – должно быть предоставлено первое место всюду, во всей России каждому жителю ее должно быть выгоднее всего называться русским»⁷⁵. В 1907 г. якутский губернатор И. И. Крафт надеялся, «что с постепенным заполнением свободных пространств Сибири русский колонизационный гений проникнет и в пустые дебри Якутской области»⁷⁶.

Правительство лишь воспользовалось результатами миграционного творчества простых русских людей. Видный земский деятель А. И. Васильчиков даже утверждал: «Русские люди проникали и переселялись на заселяемые территории прежде, чем вступали на них русские войска и власти, и завоевание, колонизация совершались не оружием, а орудиями – сохой, косой, топором»⁷⁷. Заняв Уссурийский край, Г. И. Невельской уже как прак-

⁷³ Семенов П. П. Речь по поводу 300-летия Сибири, читанная в заседании ИРГО 8 декабря 1881 года. СПб., 1882. С. 19–20.

⁷⁴ Дневник А. Н. Куропаткина // РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1887. Л. 116.

⁷⁵ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1765. Л. 98–99.

⁷⁶ Цит. по: Боякова С. Национальная интеллигенция и переселенческий вопрос в Якутии начала XX века // Илин. 2000. № 2 (21). URL: <http://www.sakhaopenworld.org/ilin/2000-2/30.htm> (дата обращения: 02.11.2013).

⁷⁷ Цит. по: Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск, 1973. С. 61.

тик указывал, что первенствующее место из орудий здесь должны занять «топор, заступ и плуг»⁷⁸. В этом «безостановочном» расширении границ русского государства задействованы были не только имперские власти, но и сам народ, о котором, по свидетельству известного художника-ориенталиста В. В. Верещагина, китайцы говорили: «Русские – самый бессовестный народ, где они покосят сена или попят лошадей, там земля и вода делаются ихними». А причина простая – «стихийная сила выпирает нас вперед», и русский мужик никак не может остановиться – «просто тянет их вперед, да и баста»⁷⁹. Важно здесь подчеркнуть, что русские переселенцы двинулись дальше на восток и на юг, не только не исчерпав ресурсов недавно заселенных земель восточной части Европейской России, но даже как следует не устроившись там⁸⁰. Идеальным типом «первопроходца» предстал «сибирский заимщик» – «это особый тип человека: сильный, здоровый, храбрый, он больше всего на свете любит самостоятельность и независимость от людей, которых ему заменяет природа. Он ищет далекого от селений места, приводит в культурное состояние участок земли, никому: ни правительству, ни отдельным людям не нужный еще..., и вдруг бросает с героическим трудом устроенное хозяйство, как только к его «заимке» приближаются поселения, идет дальше, как будто его провиденциальная роль – завоевывать природу»⁸¹.

Россия полагала себя призванной преобразовать «пространство, предназначенное для пастбищ, в зоны сельского хозяйства»⁸². Для государства и переселенцев земли за Уралом могли предстать своего рода *terra nullius*, в результате чего власть и народ могли обрести историческое и юридическое право завладеть ими, приобретая уверенность, что эти земли – «лишние» и «бесполезные» для местного населения, а потому могут быть

⁷⁸ Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849–1855. М., 1947. С. 325–326.

⁷⁹ Верещагин В. В. Очерки, наброски, воспоминания. СПб., 1883. С. 148.

⁸⁰ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. С. 6.

⁸¹ Романов В. Ф. Старорежимный чиновник (из личных воспоминаний от школы до эмиграции. 1874–1920 гг.) // ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 598. Л. 261–262.

⁸² Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М., 2004. С. 123.

заняты в результате «завоевания» или трудового «освоения», обращены в «общенародное достояние», воспринимаемое в традиционных категориях «божественного» или «царского» дара. В таких условиях крестьянское переселенческое движение достигало в русской политической мысли высокой степени обобщения и включалось в геополитические конструкции внутреннего обустройства империи. За изменениями на административной карте империи уже виделся целенаправленный процесс ее национального устроения. Понятие «наше», как отмечает К. Вейс, которое глубоко укоренилось в массовом русском сознании, является ключевым элементом как для понимания структуры Российской империи, так и для присоединения к России новых территорий⁸³. На протяжении XIX в. постепенно разрушался стереотип Сибири как «царства холода и мрака», крестьянин переставал ее «дичиться». Из страны «незнамой» и «виноватой», места ссылки и каторги она все больше превращается в привлекательный, богатый землей край⁸⁴. Одновременно шло ментальное освоение нового пространства и присвоение его как «русской земли». Этой трансформации восприятия Азиатской России способствовали изменения в правительственной политике и идеологии, строительство Сибирской железной дороги, отмена ссылки, создание положительного имиджа региона как в России, так и за рубежом, чему помогли публикации в средствах массовой информации и презентации Сибири на международных выставках⁸⁵.

С 1860-х гг. Сибирь постепенно входит в большую политику и экономику с ориентацией политической, военной и экономической активности на восток, юг и север. Началом новой ориентации на север, который оказался со времен «первооткрыва-

⁸³ Weiss C. «Nash», Appropriating Siberia for the Russian Empire // *Sibirica*. Vol. 5. № 1, Spring 2006. P. 141–155.

⁸⁴ Родигина Н. Н. Другая Россия: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2006; Чатерджи С. Изменение восприятия Сибири // *Евразия: региональные перспективы*. Новосибирск, 2007. С. 117–126; Она же. Повторное присоединение Сибири // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2008. № 3. С. 68–72.

⁸⁵ См.: Ремнев А. В. Участие Комитета Сибирской железной дороги во всемирной выставке 1900 г. в Париже // *Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, источники*. Томск, 1991. Вып. 1. С. 167–176.

телей» фактически забытым, стала поездка западносибирского генерал-губернатора Н. Г. Казнакова в 1878 г. в устье Оби, чего не делал ни один из его предшественников. Главной целью такого поворота к Ледовитому океану было не только знакомство с потенциально богатым краем, но и поиск выхода для Сибири в торговле с Европой⁸⁶. Развернувшаяся в последующие годы полемика о возможностях Северного морского пути и режима порто-франко устьев Оби и Енисея⁸⁷ стала частью нового экономического и геополитического видения Сибири⁸⁸. Известный сибирский предприниматель, а затем и депутат Государственной думы С. В. Востротин призывал переосмыслить роль Сибири в новом глобальном геополитическом контексте. Транссибирская магистраль до Тихого океана, выход к европейским и азиатским рынкам через сибирские реки и Северный морской путь, регулярное пароходное сообщение по Оби и Иртышу и сухопутные пути в Китай и Монголию, указывал он, открывают дорогу к «самому сердцу Азии». Изменение внутреннего геополитического пространства Сибири он связывал с превращением Японии в мировую державу и пробуждением Китая, а также тем, что «азиатский восток все больше и больше начинает привлекать внимание всего мира»⁸⁹. Офицер Генерального штаба В. Л. Попов в обосновании открытия в Омске в начале XX в. Степного отдела Общества востоковедения не только предсказывал коммерческий успех русскому делу в Монголии, но и прогнозировал ее политическое поглощение империей, указывая на расположенность монголов к Белому царю и «общность интересов русского народа и соседних кочевников»⁹⁰.

Мало было обозначить границы империи, выстроить административные и коммуникативные линии власти, создать рус-

⁸⁶ Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Западной Сибири за 1878 год // ГИАОО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 15967.

⁸⁷ Патушинский А. Порто-франко и Северный морской путь в Сибирь // Право и финансово-промышленная жизнь Сибири. Томск, 1915. С. 81–94.

⁸⁸ См., например: Лид Й. Сибирь – странная ностальгия. Автобиография. М., 2009. С. 73.

⁸⁹ Востротин С. В. Северный морской путь // Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 2. С. 615–616.

⁹⁰ Записка об открытии Сибирского отделения Общества востоковедения капитана Генерального штаба В. Попова, 25 ноября 1903 г. // ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1980. Л. 16–17.

скую поселенческую сеть – необходимо было закрепить новые земли ментально, в том числе и за счет наполнения карты Азиатской России русскими именами. В таком случае топонимика может рассматриваться как своего рода заявление на право обладания данной территорией со всеми ее природными ресурсами, что важно не только для колонистов, принимающего сообщества, но и для других государств. За изменениями на административной карте империи уже виделся целенаправленный процесс ее национального устроения. Таким образом, номинация природных объектов или объектов, созданных в результате человеческой деятельности, становилось частью политики, которую можно описать как «топонимический национализм»⁹¹. Зауральские территории теперь все чаще именуется Азиатской Россией (и даже – «Русская Азия», «Русский Восток», «Европейская Азия», «Русская Евразия»), постепенно потеснив ранние названия Сибирь и Степь. Параллельно с имперским административным строительством шел процесс вербального присвоения новых территорий. Оказавшись вдали от родины, русские переселенцы, как и в европейских заокеанских колониях, спешили закрепить за собой новое пространство, обозначая его привычными именами православных святых, русских героев, а то и просто перенося старые названия на новые места (Новокиевки, Полтавки, Черниговки, Московки и т. п.). Ментальные сдвиги в номинации восточных регионов империи, восприятие этнографической и цивилизационной границы между Европой и Азией, стремление сдвинуть ее к востоку путем русской крестьянской колонизации сопровождались появлением на карте азиатских владений империи русских названий, наполненных переплетающимися имперскими, православными и национальными смыслами, как бы повторяя официальную формулу «православие, самодержавие, народность», отразив региональные варианты сложного процесса «национализации» империи Романовых.

Поглощение Российской империей азиатских окраин может быть представлено как постепенное расширение националь-

⁹¹ Подробнее см.: Ремнев А. В. Империя расширяется на восток: «топонимический национализм» в символическом пространстве Азиатской России XIX – начала XX века // *Ofiary imperium. Imperia jako ofiary*. 44 spojrzienia / red. A. Nowak. Warszawa, 2010. С. 153–168.

ного русского ядра, создание русских анклавов («островков русского мира») в стратегических зонах «Русской Азии». Вооруженные западными теориями «цивилизации» и «прогресса» российские интеллектуалы (особенно те из них, кто готов был идти на дистанцированное сотрудничество с властью) надеялись не только отказаться от оценок собственных действий как эксплуататорских и несправедливых, но и добиться преодоления «отсталости» азиатских народов (как, впрочем, и самих русских крестьян). Главным основанием для такого взгляда стала русская колонизация как распространение европейской цивилизации (в «перекодированном» русском варианте) на мировую периферию, ее «этнографическое завоевание» русскими. Аграрное движение крестьян на новые земли включалось в идеологию так называемого «внутреннего империализма», а с рубежа XIX–XX вв. стало осознаться задачей первостепенной государственной важности.

В такой исторической трактовке был важен поворот от прежнего осуждения «вольницы» к попытке дать ей иную интерпретацию, включив в имперскую идеологию. Народная колонизация начинает трактоваться как необходимое дополнение военной экспансии. «Вслед за военным занятием страны, – отмечал известный публицист Ф. М. Уманец, – должно идти занятие культурно-этнографическое. Русская соха и борона должны обязательно следовать за русскими знаменами, и точно так же, как горы Кавказа и пески Средней Азии не остановили русского солдата, они не должны останавливать русского переселенца»⁹². Уманец описывал переселение русских за Урал в понятиях «мужичьей колонизации» и «этнографического завоевания», ставя их в один ряд с распространением «англо-саксонской расы» в Северной Америке, но предлагал при этом совершенно иные политические прогнозы. В руководстве переселенческим движением он предлагал довериться «закону природы», «инстинкту» крестьянина-переселенца, лишь направляя колонизационные потоки в нужное государству русло. Россия в отношении своих окраин не может руководствоваться колониальным расчетом экономической выгоды. «Мы должны, – заключал он, – занимать и колонизировать

⁹² Уманец Ф. М. Указ. соч. С. 33.

сопредельные пустыни не ради увлечения дешевыми лаврами и мишурной славой, не потому что нам это выгодно, не потому, чтобы не хватало оренбургского или херсонского чернозема..., а просто потому, что без этой колонизации мы не отвечаем за спокойствие областей давно заселенных и столетия назад вошедших в государственные пределы»⁹³. Поэтому колонизация в его интерпретации есть «народная повинность, фатально вытекающая из нашего географического положения и государственного достоинства, из того, что стремление на Восток составляет нашу историческую миссию, из того, наконец, что “судьбой нам суждено” осенить пустыню идеей государственности и внести в нее кодекс христианской нравственности, вовсе не следует, чтобы мы должны были постоянно “работать в убыток” и, таская каштаны для других народов, всегда оставаться на втором плане»⁹⁴. Сохраняя идеологическую дистанцию, отделяющую Россию от европейских колониальных держав, имперские теоретики усваивали и с осторожностью внедряли экономические и национальные обоснования, актуализируя демографические угрозы в виде «желтой опасности» или нового «монгольского нашествия». Именно русские, по мнению Уманца, должны получить лучшие земли на окраинах, потому что добыты они «русской головой и русской кровью», налогами с русских крестьян, именно русские внесли наибольший вклад в их «завоевание» и установление там «общественной безопасности».

Для укрепления империи необходимо было создать на окраинах критическую массу русского населения, которое и станет демографической основой государственной целостности. «...Могучее народное движение... заставило власти не только отказать от мысли остановить это движение и ограничиться регулированием его, но и взять в свои руки руководство им», – утверждал историк М. К. Любавский⁹⁵. Главной движущей силой колонизации становится уже не «природная стихия» крестьянских побегов от государства, а само государство, которое направляет

⁹³ Уманец Ф. М. Указ. соч. С. 225.

⁹⁴ Там же. С. 226.

⁹⁵ Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации. С. 474.

народные потоки, создает для русских переселенцев защитно-оградительную инфраструктуру, законодательно стимулирует и регулирует размещение русских населенных пунктов⁹⁶. В крестьянском миграционном сознании переселение за Урал могло восприниматься как стратегическая задача, указанная монархом и объединяющая интересы крестьянства и государства. Это придавало миграционным настроениям переселенцев особую легитимность. Вопреки бюрократическим запретам, переселенец верил, что, двинувшись за Урал, делает «царское дело» и что «казна» его не бросит, появлялись наивные легенды, «что в Челябинске поезда с переселенцами встречают императрица Мария Федоровна и великий князь Михаил Николаевич с кашею»⁹⁷. И даже если переселение не было санкционировано государством, такой самовольный мигрант, прибыв в Сибирь, считал себя вправе требовать от местных властей помощи в обустройстве на новых землях. «Мы царские и земля царская», – заявляли они, образуя самовольные поселки⁹⁸. Как отмечал один из уездных начальников в рапорте на имя акмолинского губернатора: «Разуверить их в том, что свободных для поселения мест нет, положительно невозможно, поскольку на все доводы они отвечают словами: «Мы явились... и, следовательно, имеем право селиться»⁹⁹. И уже крестьяне требовали в степи для себя лучших земель, чтобы «забить» там русские поселения: «И была бы у верблюда в ноздре веревка!...»¹⁰⁰. Даже освобождение казахов и сибирских народов от воинской повинности («они Царю не служат») становилось основанием потеснить их в земельных правах. «Пустые» с точки зрения

⁹⁶ Ерофеева И. Славянское население Восточного Казахстана в XVIII–XX вв.: миграционное движение, стадии социокультурной эволюции, проблемы реэмиграции // Этнический национализм и государственное строительство. М., 2001. С. 333.

⁹⁷ Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 47. Беляков И. Е. Переселенец о Сибири // Русское богатство. 1899. № 3. С. 6.

⁹⁸ Ноздрин Г. А. Массовые переселения в Сибирь в конце XIX – начале XX в: роль государства и адаптационные стратегии // Массовые аграрные переселения на Востоке России (конец XIX – середина XX в). Новосибирск, 1962. С. 77.

⁹⁹ ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 4591. Л. 30.

¹⁰⁰ Дедлов В. Л. Переселенцы на новые места. Панорама Сибири. М., 2008. С. 69.

крестьянина-земледелца земли кочевников или «сомнительное» право инородцев могли стать оправданием для ограничения их землепользования, к этому присоединялся мотив социальной справедливости, что местные богатеи «злоупотребляют» своим положением «ради эксплуатации большинства» своих соплеменников¹⁰¹. Тем более считалось, что «полудикое хозяйство наших восточных провинций отживает последние дни; кочевые народы беднеют, стада их вымирают, и они сами ищут поселян и покупателей на свои земли»¹⁰². «Мирское переселение перестало быть простым гражданским актом. Оно перешло в священное общественное дело», – декларировали в либеральном «Вестнике Европы»¹⁰³. И гордые, но бедные крестьяне-переселенцы разгуливали по Оренбургу «как завоеватели, и невольно чудилось, что на всех их лицах был написан роковой приговор старой азиатской окраске и вместе с тем царькам города – азиатцам. Отныне здесь будет – Русь». Переселенец энергично отыскивает своих «правов», настойчиво осаждает начальство, вступает в переговоры с нехристианским населением и засекает на собственный страх поля. И не то с великодержавным оптимизмом, не то с недоумением наблюдатели заключали, увидев таких «колонизаторов» – «в рубище, в заплатах, со скомканными бородами, с изнуренными лицами, в которых легко было прочесть какую-то вечную испуганность и пришибленность», но все же: «Невольно чувствуется близкое падение обособленности края; невольно прислушиваешься к родному великорусскому говору; невольно идешь в эту шумящую на разные лады толпу и видишь ликующие физиономии с печатью изумления пред веками нетронутыми полями, роскошной и сочной растительностью, перед тучными и обильными лугами, перед колосающейся высокой, рослой и наливной пшеницей»¹⁰⁴. Если старожилы апеллировали к своему историческому праву и пробовали искать правду у администрации, то переселенцы брали вы-

¹⁰¹ Дуров А. В. Краткий исторический очерк колонизации Сибири. Томск, 1891. С. 54.

¹⁰² Васильчиков А. И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. СПб., 1876. Т. 2. С. 925.

¹⁰³ Пономарев С. Лето среди переселенцев (очерки и пересказы) // Вестник Европы. 1886. № 9. С. 148.

¹⁰⁴ Пономарев С. Указ. соч. С. 141.

ше: «Царь нас отпустил землю оглядеть, пахать ее, чтобы в волю было, а где земля то?». «Чует силу расеец, когда мир за ним», и этой силой, а не более высокой культурой «напирают они на восток», и покоряется этой силе «не один киргиз, припертый теперь к стенке и отброшенный далеко за Урал, не один апатичный и непредприимчивый башкир; подается и крепкая сила сибирских старожилов»¹⁰⁵.

Именно таким прагматичным сознанием русского крестьянина и постаралась воспользоваться империя, чтобы не только экономически освоить новые территории, но и надежно прикрепить их к государственному ядру. И уже право-монархистские партии в начале XX в. включили это в свои программные установки: «Переселенец делает пользу не только себе и своей семье, но и всему русскому государству. Переселяясь в Сибирь, он увеличивает ее русское население и тем самым закрепляет Сибирь за Россией, усиливает и укрепляет оплот против желтого нашествия»¹⁰⁶. При этом неуклонно подчеркивалось активное участие народа в построении империи. Первопроходцы не только отыскали «ничи» земли за Уралом, но и обеспечили «историческое право» империи на их обладание. Присоединение Амура воспринималось как «возвращение» земель, добытых ранее народными массами, а также стихийное движение русских людей на восток, «к морю-океану». Для «степи» использовались мотивы извечной борьбы с ней «леса», защиты земледельцев от «хищничества» кочевников. Сложнее обстояло дело с Туркестаном, но и там русские крестьяне должны были «оживить мертвые земли», помочь восстановить «угасшую» цивилизацию Средней Азии. Высоко оценивались адаптивные способности русского человека, его культурная комплиментарность и миролюбие в отношениях с другими народами.

Самовольное переселение крестьян не прекращалось на протяжении всей имперской истории, но все больше учитывалось властью, если не сказать оказалось встроено в ее политические сценарии. Переселенцы в XIX и даже в начале XX в., не считаясь с правительственными запретами, не переставали идти на все еще

¹⁰⁵ Пономарев С. Указ. соч. С. 157–159.

¹⁰⁶ Ухтубужский П. Русский народ в Азии. СПб., 1913. С. 11.

официально закрытые «внутренние» земли Сибири, Степного края и Туркестана. Крестьянские поселения задолго до включения в состав империи появились на Алтае, в Урянхайском крае, Маньчжурии и даже на территории Северного Ирана и Монголии. Места, обжитые русским пахарем, могли рассматриваться как потенциально принадлежащие России. Раздавались призывы заселить русскими крестьянами пограничные с Китаем районы (Зайсанский и Усть-Каменогорский уезды), которые бы стали «оплотом нашим на дальней границе, служили бы к оживлению окраины и к наилучшему использованию естественных богатств ее», не отвергая и самовольных переселенцев, которые уже воспринимались как самостоятельный, а потому «сильный русский элемент»¹⁰⁷.

Конечно, русскому человеку не были чужды стремления уйти из зоны досягаемости власти, но стихийно он выполнял функцию, которая могла вполне устроить империю: «он заносит русскую культуру в глубь Азии, цивилизует тамошнюю “орду”, он, по его собственному выражению, “русскому царю землю завоевывает”, а дипломатам остается “лишь оформить это завоевание”»¹⁰⁸. Образ русского «первопроходца» с его отвагой и неудержимым стремлением на новые земли рисовался то испанским конкистадором, то скваттером американского фронта, неудержимо стремящимся на новые места не только с плугом, но и с винтовкой за спиной и ножом за голенищем сапога. Цесаревич Александр Николаевич (будущий император Александр II) из Тобольска писал в 1837 г. своему отцу императору Николаю I: «Старожилы, или коренные сибиряки, народ чисто русский, привязанный к своему Государю и ко всей нашей семье, нравственный, живущий спокойно и в благоденствии...»¹⁰⁹. Единство русского государственного ядра и вновь заселяемых имперских окраин достигалось прежде всего тем, в этом же духе отмечал кяхтинский начальник Н. Р. Ребиндер, «что Сибиряки сохранили во всей чисто-

¹⁰⁷ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 4736. Л. 5; Д. 4739. Л. 10

¹⁰⁸ Шмурло Е. Русские поселения за южным Алтайским хребтом на китайской границе // Записки ЗСО ИРГО. Омск, 1898. Кн. XXV. С. 62. С. В. Лурье образно описывает этот процесс «убегания» крестьянина от государства как игру в «кошки-мышки». – Лурье С. В. Историческая этнология. М., 1997. С. 161–169.

¹⁰⁹ Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. М., 1999. С. 53.

те первобытный Русский тип и Русские начала. Это служит лучшим залогом единства Русских по сю и по ту сторону Урала»¹¹⁰.

Все это, казалось, создавало предпосылки идеологического синкретизма вольнонародной миграции, правительственной колонизации и даже имперской экспансии, соответствовало идее «народного самодержавия», демонстрировавшего патриархально-попечительное отношение к «отсталому», но верноподданному крестьянину. Единство русского народа как политической целостности представлялись идеологу «обрусения» России М. Н. Каткову главной ценностью. Это была своего рода сверхзадача, которая с 1860-х гг. формулируется как новый национальный курс на создание «единой и неделимой» России с центральным государственным ядром, окруженным постепенно поглощаемыми за счет колонизации окраинами. Н. М. Пржевальский во время поездки по Уссурийскому краю в 1867–1869 гг. с удовлетворением отмечал, что крестьяне принесли с собою «на далекую чужбину» родные им привычки, поверья, приметы, что они уже быстро перестают тосковать по родине, заявляя: «Что там? Земли мало, теснота, а здесь видишь, какой простор, живи, где хочешь, паши, где знаешь, лесу тоже вдоволь, рыбы и всякого зверья множество, чего же еще надо? А, даст Бог, пообживемся, поправимся, всего будет вдоволь, *так мы и здесь Россию сделаем*»¹¹¹. Главным смыслом российского движения в Азии, как авторитетно утверждал М. Н. Катков в полемике со своими западными оппонентами, является то, что, размещаясь между инородцами, «русские поселки втягивают их в строй нашей жизни, мирят их с русской властью и вскоре дают им оценить все выгоды находиться под сенью русского могущества»¹¹². Переселенческое движение на восток не только расширяло географию расселения русских, но призвано было их консолидировать как нацию. В смешении разнородных этнических элементов на российском имперском пространстве при преобладании русской культуры и общих хозяйственных интересах, казалось,

¹¹⁰ Н. Р. Ребиндер – вел. кн. Константину Николаевичу (1855 г.) // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1016. Л. 11–12; Ф. 224. Оп. 1. Д. 236. Л. 161–162.

¹¹¹ Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869. М., 1947. С. 70.

¹¹² Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1878 год. М., 1897. С. 427.

формировался на окраинах столь желаемый «здоровый русский тип», который явился бы олицетворением всего «чисто национального русского», расширявшего пределы «матушки Руси». В популярных очерках для переселенцев о русских в Западной Сибири утверждалось: «Русский народ там разный: есть и пришлые из России; есть и коренные сибиряки; есть и чистокровные русские, а много и таких, у которых смешанная, – русская с остячкой или татарской или вогульской и иной какою-либо. У иных сибиряков даже и лица не русские. Нередко называют себя русскими обрусевшие остяки или татары, принявшие правослаvie. Так понемножку иноплеменники и сливаются с русскими и даже о своем происхождении забывают»¹¹³.

Империя надеялась использовать крестьянина в деле хозяйственного освоения азиатских окраин и стремилась получить народную санкцию территориальной экспансии, которая бы оправдывалась приращением пахотной земли. Архиепископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий, определяя главную цель присоединения к России обширного и почти пустынного Амурского края, уже в 1856 г. отмечал, что она заключается прежде всего в том, «чтобы благовременно и без столкновений с другими державами приготовить несколько мест для заселения русских, когда для них тесно будет в России»¹¹⁴. Ботаник Г. И. Радде вспоминал, что в Н. Н. Муравьеве-Амурском «горело желание насадить в необозримых пустынях семя русской культуры, заставить забиться естественную артерию края (реку Амур. – *А. Р., Н. С.*), могучий поток; ему хотелось придать слову «Сибирь» иное значение, чем то, которое существовало уже 200 лет»¹¹⁵. Империя могла позиционировать себя в качестве государства, заботящегося не только о ныне живущих, но и о будущих поколениях русских людей. «Необходимо помнить, – писал в 1900 г., опираясь на расчеты Д. И. Менделеева, военный министр А. Н. Куропаткин, – что в 2000

¹¹³ Рассказы о Западной Сибири или о губерниях Тобольской и Томской и как там люди живут. Изд. 2–е. М., 1898. С. 59.

¹¹⁴ Барсуков И. П. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский. По его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883. С. 382.

¹¹⁵ Радде Г. И. Автобиография // Граф Н. Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1998. С. 171.

году население России достигнет почти 400 мил. Надо уже теперь начать готовить свободные земли в Сибири по крайней мере для четвертой части этой цифры»¹¹⁶. Экстенсивный характер крестьянского земледелия подталкивал власть к расширению земельной площади¹¹⁷. Помимо Сибири и Дальнего Востока таким территориальным резервом, которым империя решила активно воспользоваться со второй половины XIX в., стал Степной край. Уже Степная комиссия в 1865 г. пришла к выводу, что «прочное, крепкое прикование земель этих навсегда к России и постепенное *органическое их слияние* с нею может быть единственною целью нашей администрации в среднеазиатских владениях». Внедрение «русского элемента» в кочевую среду, казалось, облегчит задачу окончательного устройства степи как русской окраины. Степной генерал-губернатор Г. А. Колпаковский задачу «обрусения» напрямую связывал с заботой о русском человеке, который принес с собой «в бывшие ордынские владения русскую веру в православие и русскую беспредельную преданность православному Царю» и представляет «собою лучший залог нашего окончательного упрочения в иноверческом крае»¹¹⁸. С началом массового переселенческого движения на рубеже XIX–XX вв. казахская степь превратилась в один из главных колонизационных районов, объект пристального внимания имперских теоретиков и практиков¹¹⁹.

Помимо нежелания помещиков лишиться дешевого крестьянского труда существовали и сдерживающие политические факторы. Украинцы и белорусы были нужны на западе империи для усиления там «русского начала», что стало особенно ясно после восстания 1863 г. Самодержавие было вынуждено приостановить в Северо-Западном крае действие циркуляра министра внут-

¹¹⁶ Куропаткин А. Н. Итоги войны. Отчет генерал-адъютанта Куропаткина. Варшава, 1906. Т. 4. С. 44.

¹¹⁷ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 566.

¹¹⁸ Всеподданнейший отчет Степного генерал-губернатора Г. А. Колпаковского за 1887 и 1888 гг. Б. м., б. г.

¹¹⁹ О радикальных изменениях в этнодемографической географии степных областей в 1896–1916 гг. см.: Demko J. The Russian Colonization of Kazakhstan, 1896–1916. Bloomington, 1969. The Chapter IV «The effects of Russian immigration».

ренных дел «О порядке переселения крестьян на свободные земли» (1868 г.)¹²⁰. В 1880-е гг. министр внутренних дел Д. А. Толстой снова воспротивился переселению крестьян из западных губерний, чтобы не ослабить там «русский элемент»¹²¹. Массовое передвижение русских людей на восток расценивалось как явление политическое не всегда положительно. «Уйдем в Азию, чтобы предоставить на нашей европейской территории возможно больший простор для чужеземной колонизации!» – грозно восклицал катковский «Русский вестник», которому уже мерещилось «онемечивание» русских земель¹²². Витебский губернатор В. В. фон Валь в 1890-х гг. выражал беспокойство, что «тихое и спокойное белорусское население заменится латышским, а с уменьшением белорусов ослабнет и русский характер Витебской губернии»¹²³. Подобную осторожность проявлял в 1903 г. и министр внутренних дел В. К. Плеве, заметив, что «из местностей с преобладающим инородческим населением переселяются преимущественно русские крестьяне». С другой стороны, он признавал отсутствие целенаправленной политики, направленной на «усиление русской народности в местностях с преобладающим иноплеменным населением», что переселенцы неохотно идут на Кавказ, в Туркестан, Приамурский край – «местности, которые по политическим соображениям особенно нуждаются в приливе русского населения»¹²⁴. Позднее эту же позицию будет отстаивать и П. А. Столыпин, указывая на опасность массового ухода русского населения из Европейской России в Азиатскую. «Лицом повернувшись к Обдорам», Россия как бы очистит западные позиции для немецкого натиска, и чрезмерное выселение образует здесь многочисленные поры и скважины, которые быстро заполнятся иностранными колони-

¹²⁰ Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 60.

¹²¹ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. С. 27.

¹²² Современная летопись («Московские ведомости». № 342) // Русский вестник. 1882. № 12. С. 999.

¹²³ Записка ген.-м. фон Валя «Ответы на вопросы о крестьянских переселениях» (1890-е гг.) // ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 393. Л. 5.

¹²⁴ Записка В. К. Плеве «Современное положение переселенческого дела» (дек. 1903 г.). Черновик // ГАРФ. Ф. 586. Д. 404. Л. 17, 35.

стами. В тех пределах, в каких происходит естественный процесс выселения из западной России, пока идет нормальный “отлив” – он только желателен. Но начать искусственный процесс *выкачивания* русских людей из Европейской России было бы ошибкой»¹²⁵.

Во второй половине XIX – начале XX в. политические приоритеты государства на азиатских окраинах меняются: от узкой задачи – заселения любым, даже хозяйственно «слабым населением» или конфессионально и социально «чуждыми» старообрядцами, сектантами и даже уголовными ссыльными – произошел поворот к более широкой – созданию экономически устойчивого и культурно доминирующего русского населения, которое сможет прочно скрепить империю. С трибуны Государственной думы уже утверждалось, что Сибирь – это «экстракт всей России», где «малороссы, и южно-русские жители, и северяне, и из центра России пришедшие» объединяются в «своеобразный тип сибиряка». Однако нужно, чтобы это «общерусское население» сохранило «преданность государству как целому»¹²⁶, а проблемы «оскудения центра» не должны вести к забвению интересов окраин. Русские на азиатских окраинах были призваны не только закрепить за Россией новые земли, но и продемонстрировать местному населению превосходство русского земледелия и оседлого образа жизни, выступить в роли демократического культуртрегера.

2.3. Русское колониционное культуртрегерство под сомнением

В Азиатской России власть и интеллигенция, особенно те, кто был связан с переселенческим делом и мог влиять на политический курс правительства, продолжали смотреть на русских крестьян, как на «отсталых», требующих не только казенного попечительства, но и поднятия их общей культуры¹²⁷. Управляющий

¹²⁵ Поездка в Сибирь и Поволжье. Записка П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина. СПб., 1911. С. 81.

¹²⁶ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. Ч. III. СПб., 1913. Стлб. 1421–1423.

¹²⁷ Подробнее о распространенном в российском образованном обществе взгляде на крестьян см.: Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми. Сель-

делами Комитета Сибирской железной дороги А. Н. Куломзин после своей поездки в 1896 г. в Сибирь отмечал: «...Нельзя ожидать, чтобы необразованный, беспечный, нередко невоздержанный крестьянин мог сразу от одного лишь переезда за тридевять земель превратиться в немецкого культуртрегера. Для меня из подобного ознакомления с делом на месте... было ясно, что, несмотря на все свои недостатки, крестьянин Европейской России вносил в Сибирь значительно высшую культуру, что хорошие элементы переселенцев прочно там оседают...»¹²⁸. Власти видели свою задачу в том, чтобы помочь русскому крестьянину, и это касалось прежде всего неспособности переселенцев самостоятельно организовать на новых местах рациональное хозяйство, что грозило в будущем новым малоземельем¹²⁹.

Переселение на азиатские окраины повлекло за собой усложнение взгляда на народ, когда возникли сложно вписывающиеся в прежнюю социальную парадигму противоречия между переселенцами и старожилами, крестьянами и инородцами. Положение «прибылых душ» в общине значилось в качестве самостоятельного вопроса практически во всех анкетах. Исследователей интересовали прежде всего социально-экономические параметры нового хозяйства: места выдворения, время причисления, размеры хозяйства и средств, состав семей¹³⁰. При этом национальные, конфессиональные характеристики переселенцев и их влияние на взаимоотношения со старожилами, скорость и прочность водворения возникают уже не на уровне статистических обзоров, а при системном, поволостном описании. Фиксируя историю формирования поселков, исследователи впервые отмечали не только сословные характеристики новоселов, но и «этнографические слагаемые». Новизна предпринимаемых попыток отражалась в отсутствии каких-либо устоявшихся и однозначных клас-

скохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России, 1861–1914. М., 2006.

¹²⁸ Куломзин А. Н. Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 211. Л. 176.

¹²⁹ Кауфман А. А. Вопросы переселения. I. Переселение и колонизация (речь на диспуте) // Русская мысль. 1908. № 6. С. 346.

¹³⁰ См., например: Алексеев В. В. Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. Ч. 1. СПб., 1905.

сификаторов и использовании тех этнонимов, которые употребляло само население. Этнические характеристики колонизаторов включали их способность к адаптации на новых местах, хозяйственную и бытовую восприимчивость, общинные навыки¹³¹. В материалах по Тобольской губернии как преобладающая и ассимилирующая этнографическая группа старожильского населения указывались сибиряки («исконные», или «коренные»). Группы переселенцев, «утрачивающих свои этнические и хозяйственные черты», конструировались преимущественно как этно-территориальные (гродненские поляки, курские хохлы, казанские черемисы) или конфессиональные (католики, «которые затрудняются себя отнести к полякам или белорусам», лютеране, включавшие остзейских и финляндских латышей, чухонцев, шведов и немцев). Национально-конфессиональный дискурс становится вторым планом социальному, народническому образу российского переселенца, колонизатора. Изменение ракурса наблюдения было вызвано неожиданным и достаточно болезненным осознанием проблем интеграции российского крестьянства в старожильское общество, опасением «осибиричивания», или утраты русскости.

Массовый характер переселений конца XIX – начала XX в. предполагал формирование этнически однородных групп переселенцев еще на этапе выдворения. Столкновение хозяйственных, бытовых интересов старожилов и переселенцев на этом этапе усугублялось их «разнородностью» в этнографическом и конфессиональном отношениях. Хозяйственные конфликты, «ссоры, разрастающиеся до взаимных побоищ, разорения изб и других бесчинств», высвечивали характерные особенности не вполне сложившегося сибирского старожильского общества и активно формирующегося переселенческого.

Публикации о переселенцах были наполнены не только «болью» за скитание переселенцев, но и «грустью» за подмеченные черты в их характере: «алчное желание захватить лучший участок, боязнь остановиться на окончательном выборе, кипучая

¹³¹ Подробнее см., например: Суворова Н. Г. Этнографическая выставка В. Л. Дедлова: новый образ российского переселенца на сибирской окраине // Дедлов В. Л. Переселенцы и новые места. Панорама Сибири: художественная публицистика. М., 2008. С. 189–199.

поспешность при бросании с одного не понравившегося места на другое»¹³², стремление «обольготиться», как заметил Н. С. Лесков¹³³, получить даровую землю и т. п. Восхищение «отвагой» первопоселенцев и их колонизационной энергией сменялось негативными оценками самовольства, склонности к бродяжничеству, хищничества в отношении природных ресурсов и беспредела в эксплуатации туземного населения. А. А. Кауфман, который был одним из наиболее авторитетных экспертов в переселенческом деле, публично критиковал «мужикололюбивых авторов» с их аргументацией, почерпнутой из «ультра-народнического словаря», и указывал, что переселенческое хозяйство носит по преимуществу «захватно-хищнический характер»¹³⁴.

Самостоятельность колониста, умение организовать свое хозяйство и быт без посторонней, прежде всего без государственной, помощи ценились на всех окраинах. Альтернативой государству – попечителю и чиновнику – опекуну и должна была выступать внутренняя организация – община. Опыт Туркестана и Дальнего Востока доказывал несправедливость упреков «слишком гуманных администраторов», критиковавших государство за сокращение финансирования переселенческих партий и ставку на дорогостоящих колонизаторов. «Хороший колонист не потребует себе никаких милостей, льгот, привилегий, которые всегда больше вредят, чем приносят пользу, уча людей надеяться на чужую помощь, а не на свои собственные силы, нравственные и физические»¹³⁵. «Переселенец должен рассчитывать не на казну, а на личный труд»¹³⁶. А. А. Кауфман, сведя воедино различные проявления «хищничества» переселенцев, объяснил их «недостатком общей культурности» русского колонизатора, отсутствием, помимо частных, сиюминутных выгод, понимания важности

¹³² Шнэ В. Переселение в Семипалатинскую область // Степной край. 1895. 19 окт. № 76.

¹³³ Политико-экономический комитет при Императорском Русском географическом обществе (собрание 22 марта 1861 г.) // Век. 1861. № 20.

¹³⁴ Кауфман А. А. Наш Дальний Восток и его колонизация // Русская мысль. 1909. № 12. С. 57.

¹³⁵ Иванов А. Русская колонизация в Туркестанском крае // Русский вестник. 1890. № 11–12. С. 245.

¹³⁶ Елисеев А. Южно-Уссурийский край и его русская колонизация // Русский вестник. 1891. № 8. С. 154.

и общественных обязанностей и ответственности, будь то перед будущими поколениями, соседями или государством. Общественная солидарность, сплоченность коллектива для решения задач любого уровня (строительство новых дорог или хотя бы поддержание тех, которые строили предшественники, создание благоустроенных поселений, вложение средств в школы или больницы) отличали переселенцев европейского происхождения, прежде всего немцев, «низводя» в равной степени и великоросса, и малоросса до «азиатов»¹³⁷. «И те, и другие могут наслаждаться жизнью, когда вокруг страшный смрад, благодаря собственной беспечности, или мокнуть под дождем, дрожать от холода, когда в двух шагах чуть не девственный лес... До других товарищей по несчастью ни тем, ни другим нет никакого дела: будет ли кто жить после их ухода на том месте, которое они загадили, или в той юрте, войлоки с которой они украли, – об этом никто не думает»¹³⁸. Интересно, что противопоставление культурного европейского колонизатора («колонисты цивилизованных национальностей, но не русского корня») и «некультурного азиата» на азиатских окраинах часто разрушалось, но не за счет разочарования в культурности, общественности, рациональности «немцев» в Азии, а из-за столь же высокой организованности встречных «азиатских колонизаторов» – китайцев, корейцев, которых было сложно отнести к «культурной Европе». «Перед нами огромные массы, однородные, трудолюбивые, объединенные почти одинаковой везде религией, письменностью, обычаями, всем вообще укладом жизни и в течение тысячелетий выковывавшие свою культуру. Их можно разбить в войне, но не победить»¹³⁹.

В этом замечательном противостоянии единственным «безобразно-хищническим» азиатом оказывался крестьянский переселенец, главное колонизационное достоинство которого сводилось к количеству. Этот «неправильный», но многочисленный колонизатор не знает и не желает узнавать особенности края, поэтому бросает землю, за которой пришел, передает ее китайцам,

¹³⁷ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 346.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Кохановский А. Переселенческое дело в Китае и наша дальневосточная окраина // Известия Восточного института. Т. 29. Вып. 2. Владивосток, 1909. С. 6.

нанимает батраков и «живет помещиком», а сам отыскивает выгодный и легкий промысел в городе или занимается извозом. Сравнительно большой заработок и много свободного времени «при привезенной из России малокультурности и отсутствии здесь каких-либо образовательных школ, курсов или развлечений тратились в большей части на пьянство, в этом благодатном крае грозила вырасти среди трудолюбивых китайцев и японцев пьяная Россия»¹⁴⁰. Цивилизованность нерусского крестьянина открывалась путешественникам в самых различных сторонах быта: непривычная чистота, осознанный коллективизм, прочный целесообразный уклад жизни, вера «без гнусных суеверий». «Культурность» и «неметчина» станут практически синонимами, характеризующими высокий уровень хозяйственной культуры переселенца.

Качество переселенческой партии чиновники оценивали по сплоченности коллектива, в связи с этим бывшие отходники, ремесленники, утратившие общинные навыки, рассматривались как «не особо удачный» колонизационный материал, поскольку «...не умели хорошо приняться за дело, не составляя дружной общины по своей разнородности..., не могли сплотиться в одну дружную семью, так что среди них не могло быть артельного начала, задруги, помочи, общей пахоты и других общих начинаний, которые могли бы особенно пригодиться в таком трудном и новом деле, как колонизация чуждого края»¹⁴¹. Отсутствие сплоченности не позволяло переселенцам проявлять «собственную инициативу». Получалось, что община не подавляла индивидуализм, но помогала ему проявляться, создавала условия для самостоятельности коллектива, независимости его от внешних сил и тем самым реализации в нем личных интересов.

Выборы старост («старших»), проведение сходок будущих домохозяев, самостоятельное «разделение на общества, придерживаясь главным образом родных сел и волостей», в условиях внешних угроз создание сельских дружин – начальные общественные практики в местах водворения¹⁴². Массовые переселен-

¹⁴⁰ Кохановский А. Переселенческое дело в Китае и наша дальневосточная окраина // Известия Восточного института. Т. 29. Вып. 2. Владивосток, 1909. С. 9.

¹⁴¹ Елисеев А. Указ. соч. С. 132.

¹⁴² Там же. С. 128.

ческие партии во избежание конфликтов старались размещаться в переселенческих бараках и во время следования семьями одного и того же общества. Представления о единстве русских переселенцев опровергались «жестоким враждой» и распрями даже соседских обществ и усиливались монолитом иностранных колонистов, которые спланировались не общей территорией выхода, а внутренним единством культуры, веры, языка, усиленным внешним иноязычным, иноверным и инокультурным окружением. Русские крестьяне в процессе переселения демонстрировали крайнюю разобщенность, локальную замкнутость на уровне деревни (даже не губернии, хотя по местам выхода и именовались тамбовскими, курянами).

Слабость внутренней организации, особенно при продолжительном пребывании в городах, в ожидании отправки на места, приводила к вмешательству властей. В бараки к переселенцам назначались дневальные «при унтер-офицере и особый полицейский надзор» из-за недостаточно хорошего поведения: «постоянных беспорядков, шума и пьянства». Также разбирательство спорных вопросов, «тяжб» между переселенцами, не связанными между собой общим правовым пространством, единством в понимании норм обычного права, требовало внешней силы. Как правило, таковой становилась местная полиция в лице исправника и заседателей. Самоорганизация переселенцев была особенно важна при водворении на слабозаселенных территориях, для которых была характерна так называемая недоуправляемость. При образовании переселенческого участка вдали от административных центров «осуществление... надзора за ведением в них общественного самоуправления было фактически невыполнимо» из-за дальности расстояния, разбросанности поселков на громадном пространстве и отсутствия удовлетворительных путей сообщения¹⁴³. Следовало также учитывать и без того значительную текущую нагрузку полицейских органов.

Переселенческие чиновники даже были готовы в некоторых случаях пожертвовать прямыми интересами казны ради со-

¹⁴³ Труды Амурской комиссии. Вып. IX. Земское хозяйство в связи с общественным и административным устройством и управлением в Амурской и Приморской областях. СПб., 1911. С. 154.

здания крестьянских учреждений. Формирование системы опорных пунктов в приграничных районах («на необитаемых доселе местах»), малочисленных по составу и разбросанных на значительном расстоянии, делало фактически невозможными объединение этих селений в единое волостное общество и его функционирование на средства самих крестьян. В Амурской области чиновники областного по крестьянским делам присутствия ходатайствовали о принятии расходов на средства казны по содержанию общественного крестьянского управления переселенческих районов в течение пяти лет с предоставлением пятидесятичной ссуды на постройку здания волостного правления¹⁴⁴. Ходатайство было отклонено генерал-губернатором, «как опасный прецедент» освобождения крестьян от натуральных повинностей. Данное решение «крестьянскими» чиновниками было осуждено, как неудовлетворяющее ни нужды населения, ни интересы административного управления областью.

Волостное правление в переселенческих поселках имело значительно больше задач даже в сравнении с сибирской, а тем более российской волостями. Общественное крестьянское управление не только *обслуживало* население, но и «*служило* неисчерпаемым источником всяких сведений для разных правительственных учреждений». При отсутствии этого «источника» и внешние, и внутренние задачи перекладывались на плечи переселенческих чиновников и чинов общей полиции. Повысить заинтересованность крестьянского общества в решении не только собственных, но и общегосударственных задач, таких как колонизация края, предлагалось при помощи казенного вознаграждения старшинам и писарям за дополнительные обязанности в качестве «близких к населению низших агентов» переселенческой организации.

Слабость общины как социальной организации, как внутреннего «опекуна» неизбежно усиливала роль государства в этой части. Именно в кругах переселенческих чиновников возникло понятие «государственного пестуна», т. е. колонизатора, утратив-

¹⁴⁴ Труды Амурской комиссии. Вып. IX. Земское хозяйство в связи с общественным и административным устройством и управлением в Амурской и Приморской областях. СПб., 1911. С. 160.

шего самостоятельность и предприимчивость в том числе благодаря излишней внешней опеке со стороны государства. Получая разнообразную, зачастую безвозмездную помощь извне, крестьянин-переселенец утрачивал заинтересованность в самостоятельном общественном труде. «Хищничество» крестьянин проявлял не только по отношению к отведенным ему земле, лесу, угодьям, но и по отношению к тем сооружениям, на строительство которых он не затрачивал сил и средств, получая их от государства. Недостаточно бережно относились новоселы в частности к гидротехническим сооружениям: «устраивают переезды и прогоняют скот через каналы..., даже ездят по самим каналам», для удобства иногда «заваливая их кочками, соломой и сеном», не ограждают колодцы, построенные на казенные средства, не очищают их и т. д. Последствием правительственных льгот становилась деградация и без того незначительных общесоциальных нужд. Слабость общих интересов усиливалась нежеланием создавать любые общественные доходные предприятия, за исключением кабаков. Безответственное отношение к общественной казне и хозяйству проявлялось в том, что деньги, вырученные от доходных статей, не обращались в мирской капитал, а раздавались, не принося за малостью сумм существенной пользы отдельным хозяевам, но нанося урон общественному капиталу. В отчетных материалах чиновников постоянно встречаются сетования, свидетельствующие о распространении данной практики, особенно по поводу мирских приговоров о выдаче каждому двору к празднику «известного количества ведер» из общественного кабака.

Регресс сельскохозяйственных культур и агрономических приемов, снижение производительности земли, хронические голодовки, утрата традиций общинной жизни, возвратная миграция были обычными явлениями, сопровождавшими крестьянское переселение и водворение на новых местах. Те, кто описывал эти процессы в рамках социально-экономического дискурса, причины негативных явлений предпочитали видеть исключительно в материально-финансовой сфере: недостатке денежных средств на домообзаводство, неудобных землях, необеспеченности новоселов рабочими руками, скотом, инвентарем. Дополнительным фактором, ослабляющим даже «полноосильных» переселенцев, был дол-

гий и трудный путь, когда они доходили до места своего водворения «изнуренными, отвыкшими от труда кочевниками, дети которых усваивали привычку к бродяжничеству, а большинство из них вымирало дорогой»¹⁴⁵.

Существовало также опасение, что, если крестьянин в России лишился земли, утратил связь с крестьянским хозяйством, этот «деревенский пролетарий» вряд ли сможет быстро устроиться и на окраинах. Местные чиновники отметили также связь между основным видом хозяйственной деятельности переселенцев и их морально-нравственными качествами, которые подверглись деформации еще на родине. Прибывшие на окраины переселенцы демонстрировали «поразительное отсутствие общности интересов между членами одного общества. Всякий думает лишь о том, как бы извлечь личную выгоду, хотя бы в ущерб общему делу... Отсюда постоянные просьбы и тяжбы...». Кроме того, отмечалось, что скитания по заработкам приучали крестьян к пьянству, бесчинствам и дракам, которые невозможно уже было преодолеть, особенно в условиях переселения¹⁴⁶. Денежные ссуды нередко пропивались всем крестьянским обществом, земли, от которых отказались крестьяне, как от неудобных, возделывались «нежелательными элементами». Из-за слабой самоорганизации крестьяне-переселенцы на начальных этапах не смогли создать общинные институты управления и суда, а главное – взаимопомощи. «Неполная аграрная оседлость» влияла на устойчивость сибирской общины, а старожилы, оказавшись в меньшинстве, естественно, не могли абсорбировать возрастающую массу переселенцев, что приводило к формированию своего рода мини-общин по этническому или географическому признаку»¹⁴⁷. Раз-

¹⁴⁵ Записка военного губернатора Приморской области генерал-майора Тихменева «О заселении Приморской области» // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. II. Вып. 2. Иркутск, 1883. С. 11.

¹⁴⁶ Из донесения Генерал-губернатора Восточной Сибири МВД. 13 октября 1883 г. // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. II. Вып. 3. С. 246.

¹⁴⁷ Ильиных В. А. Социальные аспекты миграционных процессов в Сибири первой трети XX века // Миграционные процессы в азиатской России в конце XIX – начале XXI в. Новосибирск, 2009. С. 49.

общенность и инородческое окружение также не благоприятствовали сплоченности крестьянского мира¹⁴⁸.

В качестве показательного примера чиновники ссылались на неудачный опыт создания на территории Омского округа так называемых лютеранских колоний. От общества «европейских колонизаторов» – «остзейских и финляндских латышей, чухонцев, шведов и немцев» – ожидали не только быстрого перевоспитания своих членов «своей средой и верой», но и культурного влияния на старожильческое окружение¹⁴⁹. Перевоспитание «людей исключительно воровской и разбойничьей профессии» в хороших земледельцев и скотоводов даже при создании максимально комфортных условий, наделения общества лучшими по качеству угодьями затягивалось. При этом единственным средством участия старожилов в этом «воспитательном» процессе оставался самосуд, а результатом – «целые плоты чухонцев плавали по реке Оми или, как гласила поговорка, “отправлялись к губернатору на общественной кошеве жаловаться”»¹⁵⁰. Живущие оседло колонисты-земледельцы, даже переняв у сибиряков все земледельческие орудия, способы возделывания почвы и одежду, сохраняли свою обособленность и не интегрировались в общественную и хозяйственную жизнь. Наблюдатели выделяли в рамках лютеранской колонии «национальные корпорации латышей, чухны, немцев и шведов», которые, враждуя между собой, тем не менее дружно отстаивали свои общие интересы внутри старожильческой волости. Осознавая особое положение не просто бывших преступников, но объединенных общим европейским происхождением и верой, колонисты не выполняли никаких общеволостных повинностей, не выплачивали подати, отказывались подчиняться распоряжениям сельской и волостной администрации.

«Коренные» крестьяне в такой ситуации, по мнению местной администрации, как среда «с неиспорченной нравственно-

¹⁴⁸ Иванов А. Русская колонизация в Туркестанском крае // Русский вестник. 1890. № 11–12. С. 245.

¹⁴⁹ Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольскую губернию за последние 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.). Т. 1. Историко-статистическое описание 100 поселков. М., 1895. С. 540.

¹⁵⁰ Там же. С. 541.

стью» и занятая «честным трудом», должны были оказывать большее воспитательное влияние, нежели единое европейское происхождение¹⁵¹. Подозревая в преступлении колонистов, крестьяне «сперва обсуждали, стоит ли начинать дело», и, если урон был незначительным, предпочитали «заботиться о большей осторожности на будущее время». Конфликты ссыльнопоселенцев и волостных властей могли возникать и в ходе текущей, «некриминальной общественной практики», например вызова ссыльнопоселенцев на сельский сход. Окружной исправник охарактеризовал такие случаи как «обыкновенные», на которые сельское начальство смотрело «хладнокровно».

У признания особых колонизационных способностей русского крестьянина была и обратная, отрицательная сторона – бродяжничество, страсть к перемене мест, неугасающие мечтания о мифическом Беловодье. Если европеец «колонизует» Америку, Африку, то русский крестьянин «переселяется» куда-то в «Белую Арапию», на вольные земли. В этом уже угадывался глубокий смысл: «Западно-европейский человек оставляет на родине все рутинное, устаревшее, негодное и берет с собой зародыши новой жизни; он является в новую страну с богатейшим запасом умственных и духовных сил, с денежным капиталом и в несколько лет изменяет физиономию страны; он предварительно делает на своей родине все, чтобы сколько-нибудь сносно жить в ней; и покидает ее только тогда, когда его усилия в этом направлении оказываются безрезультатными»¹⁵². Переселенец, вопреки планам государства, не стремился к прочной оседлости и поэтому о земле не заботился, при истощении надела он арендовал другой или уходил на другой переселенческий участок. Это породило своеобразный феномен «неполной аграрной оседлости»¹⁵³. «Пройдет несколько лет, земля выпашется, другой земли киргизы не дают, – и опять «тесно», опять начинай сначала, опять кончай тем же, опять бреди снимать сливки “под новый куст” или “на китайский

¹⁵¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 13452. Л. 54.

¹⁵² Русский. К вопросу о колонизации киргизских степей // Сибирь. 1897. 18 июня.

¹⁵³ Ильиных В. А. Указ. соч. С. 45.

клин”»¹⁵⁴. Достаточно быстро крестьянин признавал свой надел выпавшим, «свое существование мало обеспеченным», арендуемые земли не спасали от недородов и голодовок. Этот тип степного колонизатора получил в литературе наименование «кустанаец»¹⁵⁵. «Кустанаец» – в высшей степени хищник, для «извлечения из почвы последних соков» он использует улучшенные орудия и машины, для него характерны постоянное стремление идти дальше за целинными землями, нежелание затрачивать более интенсивный труд на обработку земли.

Сказочные поверья о существовании в Сибири «небывало богатых краев» и появление народных брошюр, завлекающих крестьян переселяться за Урал, провоцировали желание искать лучшей земли. В результате очередной колонизационный рывок завершался не созданием «сплошного густого русского населения», но, напротив, появлением в Сибири народной массы, «блуждающей по уездам бесцельно и безрезультатно» в поисках земель «около низации»¹⁵⁶. «Заветная мечта о лучших новых местах», «стадное чувство искания лучших мест» увлекали даже крестьян со средствами¹⁵⁷. Осторожно, не распространяя подобные оценки на всех крестьян, появляются в публицистике описания особого типа «хищника земли». С. П. Швецов, изучавший переселенческие селения на Алтае и наблюдавший этот процесс, не мог найти рационального объяснения такому явлению, когда крестьянин, мечтавший обрести землю в Сибири и получив ее,

¹⁵⁴ Дедлов В. Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб., 1894. С. 57–58.

¹⁵⁵ Естественно, что «бродячий кустанаец» был не единственным вариантом русского колонизатора. А. А. Кауфман в нескольких своих работах по переселению неоднократно утверждал, что русский переселенец – не однородное явление, а собирательный тип. В качестве составляющих компонентов этого целого он выделял: «пионера-таежника», «трудолюбивого латыша и белоруса», «переселенца-ростовщика», «казака-помещика» и др.

¹⁵⁶ Родигина Н. Н. «Terra incognita» или «Якорь спасения России»: сибирская тематика народнических общественно-политических журналов рубежа XIX–XX вв. // Актуальные проблемы отечественной истории XVI – начала XX в. Омск, 2005. С. 98–114.

¹⁵⁷ Пт-нь Ал. Киевские переселенцы и переселенческое дело в Ферганской области // Северный вестник. 1898. № 8–9. С. 192.

«опять идет искать счастья на новые места, счастья еще большего, самые формы которого для него смутны и неясны...». Выйдя из-под «власти» земли, потеряв с ней внутреннюю связь, он нередко становится «кулаком», бросает самостоятельно заниматься земледелием, скупает хлеб и приторговывает им, дает деньги в долг, а то и принимается эксплуатировать инородцев или своего же брата бедного переселенца. Вместо рачительного «коренного пахаря» появляется чистокровный стяжатель, «разжиревший расейский», «перекати-поле» или «шатун», который переходит с места на место, «расстраивая свое хозяйство, постепенно спускаясь на ту ступень, с которой он начал, – к бедности»¹⁵⁸. Виной всему рискованная страсть к обогащению, ставившая в тупик народников с их идеализацией русского мужика-крестьянина, которую они пытались объяснить наследственным «голодом нескольких поколений» и которая пагубно влекла от насыщения к стяжательству. Формируются, по словам Н. Каронина-Петропавловского, «нахлебническая культура», стремление к «легкой наживе», в деревню вторгается чуждый ей элемент купцов, мещан, писарей, лиц духовного звания, которые считают себя вне власти деревенского мира»¹⁵⁹. «Мало того, они усиливаются оттягать у смежных с ними бурят участки неистощенных земель и помышляют, конечно, в праздных мечтаниях, о том, что им со временем отдадут Монголию»¹⁶⁰. Схожая ситуация складывалась и в Акмолинской области. Хищническое истребление леса в степи крестьянами нередко сопровождалось заявлениями типа «На наш век хватит»¹⁶¹. Кокчетавский уезд, представлявший собой, по словам самих же крестьян, «положительно земной рай», казался скоро уже не таким привлекательным: леса безжалостно вырубались, целина

¹⁵⁸ Марусин С. [Шевцов С. П.]. В степях и предгорьях Алтая. «Шатуны» // Вестник Европы. 1895. № 9. С. 325, 340.

¹⁵⁹ Петропавловский Н. По Ишиму и Тоболу (из путешествий и исследований крестьянского быта Западной Сибири) // Записки ЗСО ИРГО. Омск, 1886. Кн. XVIII. Вып. I. С. 66.

¹⁶⁰ В. О-въ. Одна из сторон сибирского хозяйства // Степной край. 1895. 12 окт.

¹⁶¹ Юбилейный сборник Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Омск, 1902. С. 103.

быстро распахивалась. Русское население уходило дальше в Семиречье и, вновь получив там большие наделы, сдавало их в аренду дунганам и таранчам. Нашел переселенец на Алтае «настоящее земледельческое Эльдorado» и с «жадностью» набросился на необъятные пространства превосходной земли, «как крот в землю зарылся». «Любит рассеет землю: умрет на пашне!» – говорили про него не то с осуждением, не то с удивлением, старожилы¹⁶². «А теперь этот крестьянин был бы помешанным безумцем, – объяснял это явление ссыльный-народник Н. Каронин-Петропавловский, – если бы, ввиду простора, сел на маленький клочок земли и ухаживал бы за ней с ревностью французского крестьянина, имеющего два акра»¹⁶³. «Тенденция хищения, жажда обогащения», «стяжательства», нерасчетливая эксплуатация природных богатств объявлялись уже «всероссийским историческим грехом», «который красной яркой полосой проходит через всю нашу историю и есть продукт нашего страшного невежества, безграмотности, темноты и отсутствия каких-либо признаков культуры»¹⁶⁴.

Усвоив свою высокую миссию на окраинах, русский крестьянин не только стремился компенсировать расходы на переезд и водворение на новых местах, но рассчитывал и в дальнейшем получать от государства постоянное вознаграждение за свою роль государственного колонизатора. Такие настроения могли порождать иждивенческие настроения и стать дополнительной причиной экономической и культурной пассивности переселенцев, которые «отвыкали от всяких общественных обязательств, учреждения новых школ, больниц, запасных магазинов, устройства дорог, содержания общественного управления, постройки церквей, призрения сирот и убогих, даже наем на подводу священнику для совершения требы они считали обязанностью правительства»¹⁶⁵.

¹⁶² Кочаровский К. Переселенцы в Азиатской России // Записки ЗСО ИРГО. Омск, 1893. Кн. XVI. Вып. I. С. 31.

¹⁶³ Петропавловский Н. Указ. соч. С. 32.

¹⁶⁴ В. О-въ. Указ. соч.

¹⁶⁵ Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. II. Переселение русских людей в Приамурский край. Вып. III. О кругосветном переселении в Южно-Уссурийский край 1-й партии переселенцев, отправленной из Одессы в 1883 г. С. 14.

Надежда на поддержку государства превращала переселенца в иждивенца, «государственного пестуна», у которого исчезало рвение к труду и притуплялось чувство самостоятельности. «Разнообразные ссуды и льготные проезды, даровые кормежки и прочие блага привлекали не только безземельных, ищущих работу, но и лентяев, развращенных до мозга костей, и пропойц, бывших дома дармоедами, а для окраин составляющих тягчайшую обузу»¹⁶⁶. Осознание низкой эффективности крестьянской колонизации тем не менее не означало отказа от ее использования. В качестве выхода из ситуации предлагалось направить действия государства не только на расширение переселенческого хозяйства, но и на улучшение его качества, т. е. на поиск более самостоятельного и состоятельного колонизатора, организацию более эффективной целевой помощи со стороны государства и общества. А. А. Исаев уже рекомендовал ввести нравственный ценз для переселенцев. Он в частности отмечал: «Было бы правильно не допускать к переселению пьяниц, крестьян, вовсе нерадивых и запустивших свое хозяйство. Этим людям особенно тяжело устроиться на новом месте, требующем большого напряжения и телесных, и нравственных сил, они легче всего становятся переселенцами-неудачниками»¹⁶⁷. Между тем переселенцы стремились на все новые и новые земли, к которым «не нужно прилагать ни знаний, ни энергии, которых у них нет; часто случается, что они побывали уже и на мифическом “Китайском Клину”, и в Западной Сибири, и в Акмолинской области; кое-кто из них успел где-нибудь урвать кусочек новой земельки, истощить ее, а часть еще блуждает, высматривая “обетованную землю”»¹⁶⁸. Поэтому, доказывал А. А. Кауфман, колонизационная емкость Сибири не может быть измерена только количеством удобной земли, следует учитывать еще и качество самих переселенцев, если бы они состояли не из русских крестьян-земледельцев,

¹⁶⁶ Кауфман А. А. Переселение. Мечты и действительность. М., 1906. С. 18.

¹⁶⁷ Исаев А. А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб., 1891. С. 170–171.

¹⁶⁸ Русский. К вопросу о колонизации киргизских степей (голос из Тургайской области) // Сибирь. 1897. 20 июня.

а, например, «из староверов и сектантов, или из латышей и немецких колонистов, или из китайцев и корейцев, с их неизменно низкой оценкой своего труда и тысячами выработанной привычкой к интенсивной, почти огородной культуре»¹⁶⁹. Такого рода разочарования в колонизационном потенциале русского крестьянина становились частыми, хотя все еще заслонялись чувством сострадания и критикой бездействия властей, что составляло основное содержание переселенческой публицистики.

В специальных переселенческих изданиях, периодической печати, отчетах и записках чиновников все чаще выражались сомнения относительно культурного и хозяйственного потенциала русского крестьянина: не потерял ли он свою колонизирующую силу, не иссяк ли «народный гений созидательного творчества общинной жизни»? Характерно, что пессимистические тона появляются именно в тот момент, когда государство признает законность переселений, их благотворность для окраин и центра. Русские культурные ценности были важны не только потому, что они были русскими, но и потому, что считались «лучшими», «прогрессивными», такими, при помощи которых можно будет преодолеть «отсталость» азиатских народов. Это было не только полем борьбы «высшей» культуры с «низшей», но еще и пространством, где рождались новые культуры и новые идентичности. Поэтому сохранение русской идентичности (веры, языка и в целом культуры) в таких условиях приобретало особую значимость.

Появление на азиатских окраинах переселенцев, вытолкнутых из Европейской России преимущественно социально-экономическими причинами, никак не могло работать на создание их положительного имиджа. Фактически признавался не просто низкий уровень хозяйственной культуры новоселов, но даже более низкий по сравнению с инородцами. Переселенцы переходили в Сибири к более примитивным способам земледелия, что могло быть с хозяйственной точки зрения вполне целесообразным, но воспринималось как «отсталость» и даже экономический и куль-

¹⁶⁹ Кауфман А. А. Колонизация Сибири в ее настоящем и будущем // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 175.

турных регресс¹⁷⁰. «В Сибири его приемы земледелия становятся менее культурными, подворные владельцы и даже собственники превращаются в общинников, привязанность к церкви и школе слабеет, развивается бродяжнический дух»¹⁷¹. А. А. Кауфман призывал не переоценивать пример земледельца для кочевника, когда наплыв переселенцев обернулся деморализующим воздействием и даже стал сдерживать собственно казахское земледелие, когда кочевники могли сами не заниматься хлебопашеством, а превратиться в своего рода земельного рантье, сдавая землю в аренду крестьянам¹⁷². На официальном уровне вынуждены были признать, что русские крестьяне не стали образцом для переходящих к земледелию кочевников, которые «заимствовали у русских то же небрежливое, хищническое отношение к земле, последнее, к сожалению, проявляют на чужбине»¹⁷³. Не был готов переселенец и к быстрой адаптации своих сельскохозяйственных приемов к новым природно-климатическим условиям, не хватало у него и духа предприимчивости. Естественно, что переселенец искал тех условий, к которым он привык на родине, и если их не находил, то мог, при отсутствии необходимых знаний, решимости, выдержки и материальных средств, быстро терять терпение и уверенность в своих силах, бросал землю, с которой его мало что связывало. Отрыв же от земледельческих занятий и превращение крестьян в горожан не приветствовались властями и входили в противоречие с идеологическими установками на позитивный потенциал именно крестьянина-земледельца.

«Культурное бессилие» крестьян, приписываемое им многими из тех, кто был связан с переселенческим делом, могло

¹⁷⁰ Дорофеев М. В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX в. (к вопросу об «отсталости» системы полеводства) // Вестник Том. гос. ун-та. 2009. История. № 3 (7). С. 81–86.

¹⁷¹ Дедлов В. Л. Переселенцы на новые места. Панорама Сибири. М., 2008. С. 326–327.

¹⁷² Кауфман А. А. Переселение и колонизация. С. 331–332. См. также: Он же. Переселенцы-арендаторы Тургайской степи. СПб., 1897.

¹⁷³ Записка [Земского отдела МВД] по вопросу о содействии кочевникам киргизам к переходу в оседлое состояние // ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 647. С. 8.

иметь и политические последствия, которые не могли не волновать имперские власти. Впервые это было осознано на примере Приамурского края, где русские переселенцы долгое время не могли приспособиться к природно-климатическим условиям. Китайцы и корейцы, демонстрировавшие иные приемы агрикультуры, оказались более эффективными земледельцами. Ситуация выглядела тупиковой: «Самим обрабатывать землю по-русски – плохо, по-китайски – невыгодно, и сдача земли в аренду остается, таким образом, наилучшим исходом», – вынужден был заключить А. А. Кауфман. Однако это земледельческое поражение было опасным главным образом тем, что, вместо того чтобы препятствовать китайской и корейской миграции на российский Дальний Восток, земледельческая аренда, напротив, становилась мощным для нее стимулом. Русские старожилы и переселенцы бросали земледельческие занятия и предпочитали сдавать землю в аренду и жить за счет эксплуатации дешевого труда китайский и корейских мигрантов, становясь своего рода «маленькими помещиками».

Местная администрация под натиском переселенцев вынуждена была признавать самовольные захваты и попытаться как-то упорядочить земельные права. Но переселенческий поток уже нельзя было сдерживать – все новые волны переселенцев накатывали не только на инородцев, но и на русских старожилов, которые теперь также оказались обиженной стороной. Свое право на землю старожилы определяли тем, что ее «деды пахали, тут столько потов положено было, а теперь “чугунка” пройдет и вся земля “россейским” достанется»¹⁷⁴. Переселенческие чиновники, ответственные за успех порученного им дела, были заинтересованы (и не всегда бескорыстно) в том, чтобы как можно лучше устроить новоселов, не останавливаясь перед тем, чтобы отрезать у старожилов лучшие земли, огульно обвиняя последних в нерачительном ее использовании¹⁷⁵. Хотя местное начальство по мере сил и сомнительного бескорыстия внимательно следило за тем, чтобы крестьяне, промышленники, торговцы не притесняли инородцев,

¹⁷⁴ Соколов-Костромской П. И. Записки колонизатора Сибири. СПб., 1903. С. 64–65.

¹⁷⁵ Дорофеев М. В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX века. Томск, 2009. С. 241–242.

платящих ясак в Кабинет его императорского величества. Владевшие же значительными землями инородцы сами землепашеством занимались мало, но активно сдавали земли в аренду русским крестьянам, что порождало у последних чувство несправедливости. Поначалу переселенцы-арендаторы со своим полулегальным статусом и невнятными имущественными правами старались договориться с инородцами полюбовно, но со временем, укоренившись и численно усилившись, перешли к активным действиям, сопровождавшимся фактическим захватом угодий, пастбищ и пашен. Тем более что к рубежу XIX–XX вв. изменилась и правительственная политика, в которой возобладал курс на массовое переселение и «обрусение».

Особенно много нареканий вызывали самовольные захваты крестьянами лесных и луговых угодий, а также пашенной земли, что имело в разных районах Азиатской России примерно схожие сценарии. В начале в инородческом селении появлялось несколько семей русских крестьян, затем русская колония разрасталась за счет переселения вновь прибывающих переселенцев. Когда число приселившихся начинало превышать число туземцев, русские крестьяне делались уже полными хозяевами всех угодий. Подобным образом, утверждал знаток сибирских северных народов С. К. Патканов, образовалось весьма значительное число русских поселений по Нижнему Иртышу и Оби¹⁷⁶. В Горном Алтае, где разворачивался схожий сценарий самовольного крестьянского заселения, в защиту инородцев неожиданно выступили миссионеры, озабоченные сохранением земли для их будущей новокрещенной паствы¹⁷⁷. Схожая ситуация наблюдалась и в Степном крае, где переселенцы поначалу арендовали землю у казахов. Когда на этих землях вырастала русская деревня, крестьяне меняли тактику. Они переставали платить за аренду, заводили споры с казахами и засыпали уездное начальство просьбами и жалобами об испытываемых ими притеснениях и своей бедности. После

¹⁷⁶ Бирюкович В. На новых местах // Северный вестник. 1896. № 12. С. 232. См. также: Плотников А. Ф. (пристав 5 стана Томского уезда) Нарымский край (5 стан Томского уезда, Томской губернии) // Записки ИРГО по отделению статистики. СПб., 1901. Т. X. Вып. I.

¹⁷⁷ Дорофеев М. В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири. Томск, 2009. С. 307–308.

долгих мытарств, подкупа чиновников и казахских волостных управителей крестьяне достигали своей цели. Администрация, как правило, отговаривалась тем, что казахи сами виноваты, разрешив арендаторам не только обработку земли, но и постройку домов, и что теперь выселение переселенцев будет равносильно их разорению. Это порождало у крестьян чувство безнаказанности и уверенности, что власть обязана быть на их стороне. Нередкими становились случаи захвата не только земли, но и скота, что приводило к вытеснению казахов на новые места или даже за пределы Российской империи. «Обмануть киргиза, подстрелить его – самое обыкновенное для переселенца дело», – писал будущий известный историк Е. Шмурло¹⁷⁸. Русские крестьяне, – признавал Г. К. Гинс, – часто относятся к казахам с высокомерием и даже жестокостью. «Это презрение доходит иногда до полного отрицания в киргизах человеческой личности. Бывают на этой почве случаи бесчеловечной и бессмысленной жестокости: крестьяне безжалостно убивают киргизов и не чувствуют угрызений совести». Гинс делал из такого рода фактов общий вывод, хоть как-то спасающий народническую мифологию: «Русские мужики, заражаясь духом завоевателей, нередко теряют здесь свое *исконное добродушие*, а с ним и ту детскую добродушную улыбку, которую так любил в них Л. Н. Толстой, не находивший этой улыбки у городского пролетария. Они заражаются столь распространенной на окраинах с полудиким населением жадной наживы, привыкают к эксплуатации, отвыкают от гостеприимства, – они часто *делаются неузнаваемы*»¹⁷⁹. Бурятское население даже сторонилось русских, писал, подчеркивая остроту проблемы, прослуживший несколько лет в Забайкалье А. И. Термен: «Лучше подальше от этих культуртрегеров, сохраним свой старый строй, примем буддизм с его нравственными предписаниями, мы, по крайней мере, не выйдем от водки и болезней». Для многих обрусение означало, по его словам, «пасть и опошлиться»¹⁸⁰. Принятие христианства инородцами мало меняло ситуацию, а принявшие крещение не только не

¹⁷⁸ Шмурло Е. Указ. соч. С. 63.

¹⁷⁹ Гинс Г. К. В Киргизских аулах (очерки из поездки по Семиречью) // Исторический вестник. 1913. № 10. С. 331–332.

¹⁸⁰ Термен А. И. Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области. Очерки и впечатления. СПб., 1912. С. 13.

повышали свой статус в глазах крестьян, но получали обидные прозвища¹⁸¹ и выглядели «уродливыми» русскими в глазах как соотечественников, так и самих русских¹⁸².

С другой стороны, «культурная слабость» переселенцев внушала опасение, что, попав под влияние иностранцев и инородцев, русские люди утратят привычные национальные черты, отдалятся от своей родины, потеряют чувство верноподданности и даже подвергнутся ассимиляции. Профессор Э. Ю. Петри называл русского человека «превосходным колонизатором, так как он легко умеет применяться к измененным природным и культурным обстоятельствам, и в то же время дурным, так как он также легко утрачивает свои особенности, родовые, национальные и приобретенные культурой»¹⁸³. Невысокий уровень цивилизованности самих русских переселенцев и старожилов хотя и уменьшал культурную дистанцию между ними и местными народами, воспринимался как фактор, чреватый опасностью утраты самой «русскости». Опасение, что потомки переселенцев «потеряют уже всякую связь с Россией, позабудут склад ее жизни, ее верования, песни, легенды и будут думать, как думают крестьяне в Забайкалье, что Ермак завоевал их предков, всегда живших в Сибири, – они превратятся в сибиряков»¹⁸⁴.

Таким образом, переселение русских крестьян на окраины империи и новое иноязычное и иноверческое окружение становились серьезной проверкой самих русских на их «русскость» и приверженность к православию. Это не могло не заботить власти и христианских миссионеров. Раздавались голоса об угрозе самому русскому народу, который подвергается «отунгизиванию», «обьякучиванию», «отатариванию», «обурячиванию», «окиргизиванию» и т. д.¹⁸⁵ Утверждалось уже со страниц влия-

¹⁸¹ Омские епархиальные ведомости. 1914. № 11. С. 23.

¹⁸² Geraci R. Going Abroad or Going to Russia? Orthodox Missionaries in the Kazakh Steppe, 1881–1917 // *Of Religion and Empire. Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia*. Ithaca and London, 2001. P. 304–309.

¹⁸³ Петри Э. Ю. Сибирь как колония // *Сибирский сборник*. СПб., 1886. Кн. II. С. 92–93.

¹⁸⁴ Елпатьевский С. Я. Очерки Сибири. СПб., 1897. С. 23.

¹⁸⁵ См. подробнее: Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Обынодчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере

тельных журналов, что русские в Сибири в результате уменьшились ростом, их физическая сила ослабла, сократилась рождаемость, они утрачивают свои нравы и обычаи, веру, язык, переходят «от высшей культуры к более низкой», от земледелия к скотоводству и звероловству, строят вместо изб чумы и т. д.¹⁸⁶ Угрозы исходили не только от раскольников или других христианских конфессий, но и от иноверческих вероисповеданий (включая шаманизм), а социокультурная адаптация таила угрозу утраты «русскости». Инородческие заимствования фиксировались этнографами в быту и языке сибиряка, что стало почти хрестоматийным, войдя в учебные издания и популярные книги¹⁸⁷. И хотя подобное явление было не повсеместным и заметным лишь в «маргинальных» группах русского старожильского населения вдали от основных массивов их расселения, такая «химерическая этнография» обостренно воспринималась русской общественностью, озабоченной проблемой формирования русской нации. Уже Ф. Ратцель в своей «Политической географии», отмечая численное преобладание русских колонистов-мужчин в Сибири, видел в этом опасность утраты национально-государственной идентичности «историческими» народами в ходе их «пространственного распространения». Опасность «растворения» русских в туземной массе осознавалась, однако дальше публицистических фобий дело не пошло, и в отличие от Германской империи, которая установила в 1905 г. запрет для смешанных браков в своих африканских колониях, Российская империя хотя и смотрела на такие процессы с опаской, но сохраняла уверенность в доминировании процессов «обрусения»¹⁸⁸.

Такого рода разочарования в колонизационном потенциале русского народа становились частыми, хотя все еще заслонялись чувством сострадания и критикой бездействия властей, которая составляла основное содержание переселенческой публици-

Сибири, 1870–1914 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005. С. 199–227.

¹⁸⁶ Новые книги. Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия // Отечественные записки. 1882. № 5. С. 113.

¹⁸⁷ Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М., 1902. С. 143–145.

¹⁸⁸ Пуховская Е. Ю. Сибирский инородец и африканский туземец: «встреча» цивилизаций // Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении (XVIII – начало XX в.). Иркутск, 2008. С. 153.

стики. Г. К. Гинс, которому предстояло пережить революцию и гражданскую войну, в 1913 г. описывал ситуацию, которую породило массовое крестьянское переселение в азиатском пограничье кочевого и оседлого миров, не только как противостояние народа и власти, но и как «процесс внутренней глухой борьбы населения»¹⁸⁹. «Крестьяне-переселенцы в ряде земледельческих районов края, фактически растворившие старожильческое население, несли в своей ментальности высокий заряд социальной напряженности. Они не могли моментально стряхнуть с себя накопленную в местах своего прежнего проживания негативную реакцию на социальные противоречия»¹⁹⁰. Но и в самой Сибири была для этого база – разница между зажиточными и бедными здесь была выше, чем в Центральной России. Роль империи в этом столкновении была не только агрессивной или провоцирующей, но и сдерживающей темные инстинкты масс, что выплеснулось на поверхность, когда, по выражению философа В. В. Розанова, «начальство ушло». Крестьянская стихия, освободившись от сдерживающей и регулирующей опеки империи, обрушилась на инородцев с невиданной силой, грозила нанести существенный урон народническому интеллигентскому мифу о русском крестьянине¹⁹¹.

2.4. Казачество в колонизационных процессах конца XIX – начала XX века

Если в Сибири роль казаков признавалась сыгранной и их можно было, как казалось, без труда перевести в крестьянское сословие или сохранить в качестве небольших по численности вспомогательных полицейских сил в северных районах, то в степ-

¹⁸⁹ Гинс Г. К. Переселение и колонизация. СПб., 1913. С. 28. «Восстания и местная анархия расплозаются по всей Сибири: говорят, что главными районами восстаний являются поселения стольпинских аграрников, не приспособленных к сибирской жизни и охочих на то, чтобы пожить за счет богатых старожилов», – свидетельствовал один из видных деятелей колчаковской Сибири А. П. Будберг. – Будберг А. П. Дневник белогвардейца. Новосибирск, 1991. С. 254.

¹⁹⁰ Ильиных В. А. Указ. соч. С. 47.

¹⁹¹ См.: Ринчино Э.-Д. Великая революция и инородческая проблема в Сибири [Чита, 1918] // Элбек-Доржи Ринчино. Документы, статьи, письма. Улан-Удэ, 1994. С. 43–44, 55–62.

ных и дальневосточных областях будущее казачества выглядело далеко не однозначным. Щедрое наделение казаков за службу землей вызывало уже во второй четверти XIX в. сомнение: а не будет ли это препятствовать решению других правительственных задач и не целесообразнее ли переместить казаков на новые территории, поближе к государственным границам?¹⁹² Если прежде (и это крестьяне признавали за историческую заслугу казаков) «башкирцы бунтовали, киргизцы непокорствовали», то теперь «тихо», казаки лишь крестьян понапрасну «стесняют», вместо того чтобы воевать на «Китайском клину», куда их и нужно переселить¹⁹³. Однако перемещение казачьих станиц на границу с Китаем хотя и признавалось выгодным с военно-политической точки зрения, наталкивалось на нежелание казаков оставить уже обжитые места¹⁹⁴.

Дискуссия о будущем казачества развернулась в 1865 г. в связи с деятельностью Степной комиссии, которая пришла к заключению, что казачья колонизация внутри степи «отжила свой век», а казаков лучше передвинуть на новые границы империи, «чтобы их станицы разъединили казахов, живущих по обе стороны российско-китайской границы». А для водворения русского населения в крае лучше использовать свободную земледельческую и промышленную колонизацию¹⁹⁵. Особенно остро этот вопрос стоял в отношении Уральского, Оренбургского и Сибирского казачьих войск, которые оказались уже далеко от имперских границ, а Казахская степь, казалось, имела шансы превратиться во «внутреннюю» окраину. Однако военные действия в Туркестане и события, развернувшиеся в самой казахской степи, особенно в западной ее части, как реакция казахов на реформы 1868 г., заставили скорректировать взгляд на казахов как совершенно смирившихся со своей участью. Но и тогда было отмечено, что в восточной части степи преобразования не вызвали открытого недо-

¹⁹² Краснов Н. Народонаселенность и территория казаков Европы и Азиатской России // Военный сборник. 1878. № 1. С. 68.

¹⁹³ Дедлов В. Л. Переселенцы на новые места. Панорама Сибири. С. 45.

¹⁹⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 125. Л. 117–118.

¹⁹⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 120. Л. 61.

вольства и были минимизированы именно из-за размещения казачьих поселений внутри самой степи. Для казаков такие действия казахов были уже «в диковинку», а с покорением в 1873 г. Хивы, «этого притона всех непокорных киргизов», в степи, казалось, водворилось полное спокойствие¹⁹⁶.

Еще в большей степени, чем в степных областях, империя не была готова полностью отказаться от услуг казаков как воинов и земледельцев на Дальнем Востоке, где их заменить, особенно на первых порах, было просто нечем. Крестьянская колонизация здесь шла крайне медленно, а содержать регулярные войска из-за отсутствия хозяйственной инфраструктуры и развитых коммуникаций оказывалось чрезмерно дорого. Работавшая в Забайкалье в 1901–1903 гг. правительственная комиссия, возглавляемая А. Н. Куломзиным, пришла к выводу, что «так называемая казачья колонизация» не может ни по каким основаниям именоваться колонизацией, ибо она находится в полном противоречии с действительными колонизационными задачами – плотно заселить пустующие земли и обратить их в культурное состояние¹⁹⁷. Казачьи поселения на Амуре отличались от других окраин еще более строгой регламентацией, что отрицательно отразилось на их экономической эффективности. Принудительное расселение казаков, сопровождаемое казенным попечительством, подчеркивалось критиками казачьей колонизации, создало население апатичное, привыкшее к опеке. Казачество влачило в первые годы по большей части жалкое существование и было, как отмечал Н. М. Пржевальский, деморализовано, испытывая открытую неприязнь к новому краю¹⁹⁸. Забайкальские казаки предпочли, по примеру окружавших их бурят, скотоводство, сделав его главным источником своих доходов¹⁹⁹. По Амуре и Усури немногочисленные казаки

¹⁹⁶ Костенко Ю. Уральское казачье войско. Исторический очерк и система отбывания воинской повинности // Военный сборник. 1878. № 10. С. 308.

¹⁹⁷ Извлечение из журналов образованной в Хабаровске в 1909 г. комиссии по колонизационному делу // АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол (148). Оп. 487. Д. 762. Л. 472.

¹⁹⁸ Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае. С. 226–227.

¹⁹⁹ Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М., 1902. С. 163–164. О правительственной политике в отношении землевладения забайкальских казаков см. также: Андреев Ч. Г. Политика царского правительства в отношении за-

должны были контролировать огромную пограничную территорию протяженностью более 2 тыс. верст, что не могло не отразиться неблагоприятно на их хозяйстве. Казаки на Уссури имели хорошие земли, но их хозяйство было нередко хуже хозяйства крестьян, которые не только потратились на переселение, но уже успели обустроиться на новых местах²⁰⁰. Главным объяснением бедности многих казаков, которое выдвигалось их защитниками, было указание на трудности военной службы, которая отрывает казаков от хозяйства, а размещение казачьих станиц с учетом задач охраны границ и транспортной инфраструктуры, а не хозяйственной целесообразности, приводило к неутешительным экономическим результатам.

На рубеже XIX–XX вв. вопрос о продолжении казачьей колонизации Дальнего Востока поднимается в связи с так называемой «желтой опасностью». Местные власти решительно требовали усилить русский казачий элемент в Приамурском крае. Понимая экономическую нереальность замены казаков регулярными войсками, приамурский генерал-губернатор С. М. Духовской настоял на дополнительном отводе казакам огромного массива новых земель. Как и в случае казачьей «десятиверстной полосы» на Иртыше, стодесятинный «отвод Духовского» охватил наиболее плодородные и удобные земли, где крестьянам запрещалось селиться. Переселение казаков имело ограниченный успех как в земледельческом, так и в военном отношении, их явно было недостаточно для надежной обороны края, но они владели большими земельными наделами, которые предпочитали сдавать в аренду китайцам и корейцам, что противоречило политической задаче «обрусения» и демографического закрепления Приамурья за Россией. Несмотря на абсолютный рост численности казаков в Приамурском крае, приток сюда крестьян прогрессивно нарастал, и именно они стали в начале XX в. определять облик дальневосточной окраины. В столыпинском аграрном курсе казаки явно отошли на второй план, а их права на земли, как считалось, только

байкальского казачества в начале XX в. // Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении (XVIII – нач. XX в.). Иркутск, 2008. С. 266–275.

²⁰⁰ Краснов Н. Народонаселенность и территория казаков Европы и Азиатской России // Военный сборник. 1878. № 5. С. 113.

тормозят массовое крестьянское переселение²⁰¹. Казалось, что казачья эпоха в истории Дальнего Востока завершилась и теперь необходим переход к созданию в регионе демографической базы для формирования регулярной армии.

Какого-то внятного правительственного курса до конца имперского периода в отношении казачества так и не было разработано, хотя критика в адрес казаков как земледельцев и русских культуртрегеров нарастала. Власти постарались регламентировать казачье землевладение, провести размежевание земель между казаками и туземным населением, особенно в Забайкалье и степных казахских областях. Ситуация осложнялась нарастающим притоком сюда крестьян-переселенцев, которых могли привлекать и казачьи наделы плодородной земли. Критическое отношение к казачьей колонизации нарастало по мере ослабления непосредственной военной угрозы отторжения приграничных территорий. Казачье землевладение было признано менее эффективным средством колонизации в сравнении с более массовым крестьянским заселением окраин. В адрес казаков посыпались обвинения: «Покорив край, русские не могли перейти к культурной работе потому, что первоначальное завоевание совершалось исключительно с целью обогащения и первые завоеватели были совершенно неподготовлены к культурной роли. Это были грубые, невежественные люди с первобытной нравственностью, с сомнительным прошлым; правда, и при всем этом они оказались развитее инородцев, но не настолько, чтобы, покорив их, могли сознательно перейти к мирной культурной работе; они не приложили усилий даже к тому, чтобы разумно воспользоваться богатыми дарами природы или прокормить себя своим трудом. Напротив, они выбрали другой, более легкий способ наживы – грабеж покоренного инородца и расхищение природных богатств»²⁰².

Земледелие не получило успешного развития у казаков, а казенный паек «обеспечивал первые потребности жизни на пер-

²⁰¹ Кабузан В. М. Дальневосточный край в XVII – начале XX в. (1640–1917): историко-демографический очерк. М., 1985. С. 151; Рыбаковский Л. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990. С. 21.

²⁰² Седельников А. Н., Букейханов А. Н., Чадов С. Д. Исторические судьбы Киргизского края и культурные его успехи // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1903. Т. 18 (Киргизский край). С. 170.

вых порах, но в то же время, будучи, так сказать, даровым и обязательным, исключал настойчивость и энергию в труде, поддерживая этим отрицательные стороны характера»²⁰³. Даже те, кто не отрицал значения казаков как колонистов, признавали их низкую эффективность как земледельцев. «Прежняя постоянная военная служба на постоянном содержании от правительства, – по словам казачьего офицера и казачьего историка Ф. Усова, – приучила сибирских казаков к беззаботности об удовлетворении своих жизненных потребностей собственными силами, а экспедиции в степь, дававшие им случай к безнаказанным добычам от киргизского населения, развили у них непривычку к систематическому хозяйственному труду, склонность к легкой наживе и праздность»²⁰⁴. И. Ф. Бабков также отмечал, что до работ Степной комиссии заселение степи шло бессистемно и имело искусственный характер, а обеспеченные на первое время казенными средствами, имевшие возможность получать доходы от торговли или от скотоводства казаки мало заботились о земледелии и фактически отказались использовать орошение²⁰⁵. В Прииртышской степи преобладал тип казака, который, как описывал уроженец этих мест Г. Н. Потанин, – «ловкий торговец, кулак и плохой работник. При домах содержатся наемные работники, почти все из киргизов; сами же казаки предпочитают проводить время в разъездах по аулам для сбора своих долгов»²⁰⁶. По словам М. И. Венюкова, сибирские казаки «привыкли смотреть на степь, как на свою аренду», собирали, по сути дела, дань с кочевников, что породило обоюдные недружелюбные отношения, которые «существуют искони и, вероятно, долго будут существовать»²⁰⁷. Но и тогда, когда казаки

²⁰³ Леденев Н. З. История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1908. С. 174–175.

²⁰⁴ Краснов Н. Народонаселенность и территория казаков Европы и Азиатской России // Военный сборник. 1878. № 4. С. 264.

²⁰⁵ Бабков И. Ф. Общий взгляд на устройство русских поселений в северо-восточной части Киргизской степи // Известия ИРГО. 1869. С. 36–37.

²⁰⁶ История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Алматы, 2006. Т. VII. Г. Н. Потанин. Исследования и материалы. С. 306.

²⁰⁷ Политико-экономический комитет при Императорском Русском географическом обществе (собрание 22 марта 1861 г.) // Век. 1861. № 15.

занимались земледелием, оно оставалось примитивным с точки зрения современной агрикультуры. Почти все наблюдатели отмечали, что казаки используют землю экстенсивно, часть их занятий лежит вне сферы земледелия (скотоводство, рыболовство, охота, садоводство, лесной промысел, пчеловодство). Впрочем, пчеловодство у казаков Алтая считалось хуже, чем у крестьян. «О всех отраслях казачьего хозяйства можно сказать, что они ведутся по преданию, без всяких научных знаний. Иные земледельцы боятся улучшений в хозяйстве, как страшной ереси: “Так наши отцы пахали, и мы так же будем пахать...”». «Возможность распахать юртовые новые земли или арендовать баснословно дешево киргизские ведет к тому, что казаки мало заботятся о восстановлении плодородия выпаханых ими земель»²⁰⁸.

Научные эксперты, среди которых оказалось немало людей с народническими идеалами, оказывались в этом споре явно не на стороне казаков: «Крестьянская колонизация степи принесла уже ту культурную пользу, что разобщила киргиза-номада от казака, влиявшего на него крайне деморализующим образом, и познакомила его с более симпатичным оседлым населением и оседлой жизнью, и самая главная польза колонизации степи не казаками с стратегическими целями, а крестьянами»²⁰⁹. В 1903 г. Омский сельскохозяйственный комитет констатировал «факт полной запущенности казачьего хозяйства при изобилии годных под культуру земель». Одна из комиссий по казачьему вопросу отмечала, что «киргизы приносят большой вред казачеству, приучая станичников своим даровым трудом к лени». Но, несмотря на использование дешевой рабочей силы, у казаков обрабатывалось лишь 5 % земли, находящейся в пользовании. В 1908 г. представитель Главного управления землеустройства и земледелия Г. Ф. Чиркин, посетив Семиречье, открыто высказался за преимущественное поощрение крестьянской колонизации: «Крестьянская колонизация должна быть поставлена выше казачь-

²⁰⁸ Заметки о хозяйстве казаков Акмолинской области // Степной край. 1895. 22 июня.

²⁰⁹ Остафьев В. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // Записки ЗСО ИРГО. Омск, 1895. Кн. XXVIII. Вып. I. С. 59.

ей...»²¹⁰. Считалось, что крестьянское переселение при тех же земельных ресурсах даст в 4–5 раз больше жителей, чем казачье население, а значит, и больше призывников в армию. Казачья колонизация, рассчитанная на чрезмерно высокую обеспеченность земельными наделами, по мнению ГУЗиЗ, была не способна выполнить ни военную, ни экономическую задачи, а крестьяне более предпочтительны с хозяйственной точки зрения, так как они, в отличие от казаков, связанных войсковыми традициями, скорее создадут в крае частную собственность на землю²¹¹.

В развернувшейся полемике казаки на азиатских окраинах были поставлены под сомнение не как военная сила, но главным образом в качестве земледельцев. Утверждалось, что казаки землю почти не обрабатывают, предпочитая сдавать в аренду, ведут праздную жизнь²¹². Вид казачьих станиц «невзрачен», улицы «неправильные», – подтверждали этнографы, придавая такому взгляду значение научного факта, – «небрежность» в постройке жилья, просматриваются явная «недомовитость» казаков, отсутствие у них забот о «внешнем порядке». Из таких оценок делался, как правило, вывод: «Крестьянин, несомненно, более положительный тип, а как экономическая сила и более сильный и желательный элемент в заморском крае, нежели казак...»²¹³. «Существенная черта казака – нахрап, наскок, взять с боем. Отличительное свойство мужика – столь же энергичное, но пассивное сопротивление до последней крайности, стремление сесть на место тишком, да и прирасти к нему так, что даже казак не стащит, несмотря ни на какие нахрапы»²¹⁴.

²¹⁰ Чиркин Г. Ф. Положение переселенческого дела в Семиречье. СПб., б/г. С. 103.

²¹¹ Записка ГУЗиЗ «Об использовании для целей крестьянской колонизации земель, отведенных бывшим приамурским генерал-губернатором Духовским Амурскому и Уссурийскому войскам» (7 янв. 1910 г.) // АВПИР. Ф. Тихоокеанский стол (148). Оп. 487. Д. 762. Л. 328–337.

²¹² 1895 г. декабря 30. – Отчет Семиреченского губернатора о населении, включая казачество, и хозяйственной деятельности в Семиреченской области // Казачьи войска Азиатской России в XVIII – начале XX века (Астраханское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Уральское). М., 2000. С. 273–274.

²¹³ Седельников А. Н. Распределение населения Киргизского края по территории, его этнографический состав, быт и культура // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1903. Т. 18 (Киргизский край). С. 198.

²¹⁴ Дедлов В. Л. Переселенцы на новые места. Панорама Сибири. С. 45.

Авторитетный российский востоковед В. В. Бартольд подтверждал, что крестьянская колонизация в этом отношении имела большее воздействие на кочевников, нежели казачья²¹⁵.

Даже в официальных документах казаков оценивали как плохих хлебопашцев, чуждающихся земледельческого труда. «Казак, перенявши от киргиза много из одежды, пищи привычек, до того обленился, что не только земледелием заняться не в силах, но не нарубит дров для варки пищи, а наймет для этого киргиза...»²¹⁶. Считалось, что казаки хищнически истребляют лес, живут за счет сдачи земли в аренду. «Сопоставляя между собою два населения, оседлое и кочевое, не трудно прийти к заключению, что оседлые жители – казаки – ничего полезного не передали из своей жизни кочевнику. В земледелии киргизы превзошли их, так как по статистическим числовым данным на пашнях, обрабатываемых киргизами, хлеб родится несравненно лучше, в особенности в тех местностях, где возможно искусственное орошение полей; в разведении скота оседлое население не могло дать никаких новых приемов как для улучшения породы, так и в уходе за животными. За отсутствием заводской промышленности у казаков кочевники и в этом случае ничем не могли от них позаимствоваться. Наконец, самый способ ведения земледелия, с переложным хозяйством, принес кочевникам больше вреда, чем пользы, так как устранить этот метод хлебопашества составит немало забот для Правительства. Что же касается до образа жизни, то в этом случае наклонности казаков к лености и беспечности, в отношении даже своих личных интересов, только лишь благодаря особенным местным условиям, к счастью, не привились к кочевникам. Вот почему остается только желать, чтобы дело заселения киргизов на своих зимних стойбищах... совершилось без всякого участия со стороны казаков, в смысле совместного жительство, и вполне было бы изолировано от этого оседлого населения. Всякое сообщничество с этим сословием может принести один лишь только вред степному

²¹⁵ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1963. Т. II. Ч. 1. С. 332.

²¹⁶ Записка об улучшении хозяйственно-экономического быта киргизов Семипалатинской области (статского советника Попова и надворного советника Левицкого) // ГИАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11587. Л. 56.

киргизу, который в умственном отношении ничего не приобретет от казака, а в нравственном, быть может, даже и потеряет»²¹⁷.

Даже в Военном министерстве появились критики казаков как колонизаторов. А. Н. Куропаткин, хорошо знавший порядки, царившие на азиатских окраинах, подвел в 1910 г. неутешительный итог: «Первыми русскими пионерами в Семиречье были сибирские казаки, которые вместе с массой положительных качеств, присущих сибирякам, принесли также презрение к туземцу, на землю которого садились, взгляд на лес как на врага земледелия и хищнический способ эксплуатации почвы, т. е. залежную систему землепользования»²¹⁸.

Роль завоевателей, полицейская служба, причастность к злоупотреблениям местной администрации также не способствовали формированию положительного образа казака как представителя русского народа²¹⁹. Существует много свидетельств отношения казаков к инородцам с чувством превосходства или когда они становились их угнетателями и эксплуататорами²²⁰. Если для народов Сибири объектом социальной критики становились русские торговцы, промышленники и кулаки, то в степи считалось, что тлетворное влияние на инородцев исходит главным образом от казаков. «Он смотрит на себя прежде всего как на “слугу царского”, – описывал казаков в научно-популярном издании А. Н. Седельников, – гордится своим привилегированным положением, держит себя свысока в отношениях с крестьянином, которого унижительно именуется “мужиком”, а к казаку относится вообще презрительно, называет “собакой”, обмануть или обругать которого – обычное явление»²²¹. Несмотря на усвоение многих бытовых черт

²¹⁷ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11587. Л. 57–58.

²¹⁸ Казачьи войска Азиатской России. С. 273.

²¹⁹ Кузьминых В. И. Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Восточной Сибири // Урало-Сибирское казачество в панораме веков. Томск, 1994. С. 32–39.

²²⁰ Тема эта особенно чувствительна в современном национальном нарративе и обращает на себя повышенное внимание, например, казахстанских историков. См.: Абдиров М. Ж. Завоевание Казахстана царской Россией и борьба казахского народа за независимость (из истории военно-казачьей колонизации края в конце XVI – начале XX в.). Астана, 2000.

²²¹ Седельников А. Н. Распределение населения Киргизского края. С. 188.

и хорошее знание языка, казак сохранял чувство своего превосходства над инородцем. Публицисты и ученые не могли игнорировать факты, когда казаки относились к бурятам как к низшему племени²²², на китайцев могли устроить охоту, а казахов безнаказанно ограбить и даже убить, заявляя, что в этом нет особого греха, так как у инородца души нет, а только – «пар». Инородцы, по мнению русских, «поклоняются чорту», «нехристи», «знамо дело – собака», поэтому их можно обмануть, ограбить, что не только не было предосудительным, но и могло почитаться особым молодецеством²²³. С некоторым цинизмом казаки рассуждали: «Киргиз на то он и киргиз, чтоб в работниках служить; а у мужика на то и руки сделаны как крюки, чтоб за сохой ходить; мужик берет горбом, а казак умом да казачьей сметкой. Нашего брата бьют на службе, когда на мужика похож»²²⁴. Действительно, для казаков, имеющих большие земельные наделы, казахская беднота была дешевой и доступной рабочей силой. Для последних же наем на работу к казакам мог стать способом выживания и признавался наименьшим злом. Г. Е. Катанаев даже с некоторой симпатией писал, что в хозяйственном отношении и своем быту казак сам «полу-киргиз» и потому более привычен казаху, чем крестьянин или мещанин, еще «не спевшиеся с киргизами и не понимающие друг друга». «Укоренившееся дурное мнение о нравственности казаков, – писал бывший казачий офицер, впоследствии видный ученый и политик Г. Н. Потанин, – может быть, также имеет справедливое основание, но и его следует извинить. Весьма интересны отношения казаков к киргизам, в которых они не признают прав ни личности, ни собственности, пользуясь перед ними правом сильного с полным и искренним простодушием. Кража баранов из киргизских аулов во время пикетной жизни не считается у казаков преступлением. Это обыкновение они переняли у самих

²²² Хорошкин М. Забайкалье: очерк // Военный сборник. 1893. № 9. С. 148.

²²³ Карих Е. В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. Томск, 2004. С. 123. Правда, при этом русские крестьяне могли побаиваться мести не только самих аборигенов, но и их богов, перед которыми сохраняли суеверный страх.

²²⁴ Катанаев Г. Е. Хлебопашество в Бельгагачской безводной степи Алтайского горного округа // Записки ЗСО ИРГО. 1893. Кн. XV. Вып. II. С. 22.

киргизов, и оно свидетельствует о молодечестве как у тех, так и у других»²²⁵. По его словам, в этих делах казаки нередко действовали совместно с казахами, что считалось теми и другими особым удальством.

Казаки действительно чувствовали себя хозяевами в степи и не только были готовы продолжить захваты земель кочевников, но ревниво отнеслись к появлению новых земельных конкурентов – крестьян-переселенцев. Появление переселенцев с их жадной земли угрожало не только казахскому кочевому землепользованию, но и казачьему привилегированному землевладению. Не случайно казаки и казахи в своем негативном отношении к крестьянской колонизации ощутили взаимный интерес, что проявилось в годы Гражданской войны. Все это запутывало и без того непростую систему социально-экономических и правовых отношений, приводило к росту напряженности в районах, которые уже представлялись имперским властям «замурованными».

Не могла не беспокоить и сложность отношений, которые складывались между казаками и крестьянами-переселенцами. Признавая социальную близость и русскую национальную общность с ними, казаки демонстративно выделяли себя из крестьянской массы, а экономическая напряженность в землепользовании грозила перерасти в острый социальный конфликт. Наплыв крестьян-переселенцев не только вызывал тревогу у казаков покушениями на их земельные владения, но и сам был вызван стремлением оградить казачью культурную самобытность. Слышались обвинения, что «голодные и подчас обнаглевшие иногородцы» живут за счет казаков, хищнически относятся к землям и угодиям на казачьей войсковой территории, куда их неосторожно впустили когда-то из милости. Они отбирают у казаков их «кусочек хлеба», захватывают пастбища, безнаказанно ловят рыбу в казачьих озерах, выбивают дичь в войсковых лесах, при этом «сотой доли не несут той тяготы, что несет казак»²²⁶.

Помимо всего, казаки попали под подозрение и в сохранении ими «русскости», утверждения положительного русского

²²⁵ История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Алматы, 2006. Т. VII. Г. Н. Потанин. Исследования и материалы. С. 331.

²²⁶ Уралец. Почему обеднели казаки // Великая Россия: сб. ст. по воен. и обществ. вопросам. М., [1911]. С. 211–212.

имиджа среди туземного населения. На севере и северо-востоке Азии казаки, как отмечалось почти всеми, кто побывал там, утратили былой воинский дух, халатно относились к своей службе, некоторые из них даже не говорили по-русски, совершенно слившись с местным населением. Не случайно именно казаки-первопроходцы и их потомки первыми попали в поле зрения разного рода наблюдателей, поднявших тревожный вопрос об «обынородничаньи» русских на азиатских окраинах²²⁷. Особенно бедственным рисовалось положение казаков в Охотско-Камчатском крае и на берегах Лены. За якутскими казаками устойчиво закрепилось название «забытых»²²⁸. Показательно, что забайкальские старообрядцы («семейские»), ревниво оберегавшие не только старую веру, но и русские традиции, к сибирякам себя не причисляли, считая последних людьми без корней и ленивыми, хуже которых были только «обурятавшиеся казаки». И хотя тревога носила явно преувеличенный характер, была заметной лишь в «маргинальных» группах русского старожильского населения вдали от основных массивов их расселения, подобная «химерическая этнография» не только привлекала общественное внимание, но и оказывалась востребованной в правительственных кругах.

Именно утрата чистоты русского языка, а также некоторый религиозный индифферентизм казаков вызывали наибольшие опасения. Пугающим казалось то, что даже между собой казаки начинали говорить на местных языках, а их дети с трудом усваивали русскую речь. Почти все сибирские казаки употребляли в разговоре с казахами и даже между собой едва ли не охотнее казахские слова, нежели русские, заменили многие русские названия предметов казахскими, переняли некоторые бытовые казахские обычаи²²⁹. Впрочем, на вопрос Г. Е. Катанаева, зачем казак носит казахский бешмет, пьет кумыс и говорит «по-киргизски», один из казаков ему объяснил: «По-киргизски, ваше выс-б-дие,

²²⁷ Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология. М., 2005. С. 199–227.

²²⁸ А. Б. Забытый полк // Сибирь. 1897. 16 февр.

²²⁹ Краснов Н. Народонаселенность и территория казаков Европы и Азиатской России // Военный сборник. 1878. № 4. С. 265–266.

нельзя нам не говорить, потому с киргизским языком можно всю степь изойти; а киргиза когда дождешься, как начнет он по-русски говорить худо учиться, русский язык не киргизский – мудреный язык, ему скоро не выучишься... А что бешмет мы любим, да кумысом не брезгаем, так мы так полагаем, что в этом худого ничего нет; если бешмет удобен, отчего не носить, а кумыс вкусен, почему его не пить; кумыс и господа офицеры кушают...»²³⁰.

Подобные наблюдения оценки могли транслироваться в целом на казаков восточных окраин. Так, Н. М. Пржевальский, подкрепляя свой вывод авторитетом ученого, сделал общее заключение: «Ассимилирование происходит здесь в обратном направлении. Казаки перенимают язык и обычаи своих инородческих соседей; от себя же не передают им ничего. Дома казак щеголяет в китайском халате, говорит по-монгольски или по-киргизски; всему предпочитает чай и молочную пищу кочевников»²³¹. Своего рода этнографическим символом «объинородничанья» казака стал халат. В. В. Радлов в 1862 г. отметил в своем дневнике как весьма распространенное явление, что казак в казахской степи не только носит дома халат, но и может явиться в нем на службу²³². У забайкальских и дальневосточных казаков широкое распространение получила меховая одежда, напоминавшая одежду аборигенного населения²³³. Уральские же казаки всерьез обсуждали вопрос о введении особой военной формы для степных казачьих войск наподобие того, как это было сделано на Кавказе²³⁴. Отмечалось также, что повседневной одеждой казака считается бешмет или халат «киргизского покроя». «Русский сарафан и кокошник неизвестны коренным казачкам». В пищу казак часто употребляет баранину, а вот традиционные русские каши редки. Не отличаются казаки и набожностью, редко посещают церковную

²³⁰ Катанаев Г. Е. Хлебопашество в Бельгагачской безводной степи Алтайского горного округа // Записки ЗСО ИРГО. 1893. Кн. XV. Вып. II. С. 23.

²³¹ Пржевальский Н. М. О возможной войне с Китаем (Урга, 22 окт. 1880 г.) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1883. Вып. I. С. 299–300.

²³² Радлов В. В. Из Сибири: страницы из дневника. М., 1989. С. 83.

²³³ История казачества Азиатской России: в 3 т. Екатеринбург, 1995. Т. 2. С. 135.

²³⁴ Оренбургское казачье войско // Военный сборник. 1874. № 6. С. 280.

службу, хотя обряды исполняют исправно, на судьбу не ропшут, но, в отличие от крестьян, не ищут утешения в молитве. Даже физиономия нашего казака выродилась и всего чаще напоминает облик своего соседа-инородца», а леность казаков и многие другие отрицательные качества в их поведении и характере объявлялись следствием регрессивного воздействия туземцев²³⁵.

Антропологический тип казака-старожила действительно имел своеобразные черты, однако неславянский элемент в казачестве не был значительным, если не считать особых казачьих формирований из инородцев, главным образом из бурят. В Сибирском казачьем войске, где нерусских было немного, большинство наблюдателей все же отмечало «уклонения от русского типа к монгольскому»²³⁶. Это стало следствием смешанных браков в начальный период жизни казаков в Сибири. В социальной и религиозной сферах процесс утраты русских и православных черт был менее заметен, чем в хозяйственных практиках, бытовых заимствованиях и лингвистическом словаре казаков.

В целом же, несмотря на бытовые и даже языковые заимствования, казаки оставались в рамках русской народной культуры, однако наблюдателями эта «инаковость» не могла не фиксироваться и подавалась нередко как цивилизационная угроза. Именно против такого стереотипа решительно протестовал один из самых авторитетных идеологов казачьего единства, а в конце XIX в. руководитель Экспедиции по исследованию степных областей Ф. А. Щербина: «Чужим был и киргиз для Сибирского казака, хотя в быту Сибирских казаков замечались черты, сходственные с чертами в быте киргизского населения, но скользившие, так сказать, по поверхности быта, касаясь частию одежды, а частию пищи. В глухих местах, в близком соприкосновении с киргизами, казака по одежде иногда нельзя было отличить от киргиза; казаки охотно ели конину, особенно жеребят, пили кумыс и пр. На это влияли одинаковые естественные условия края, способствовавшие

²³⁵ Пржевальский Н. М. О возможной войне с Китаем. С. 299–300.

²³⁶ Краснов Н. Народонаселенность и территория казаков Европы и Азиатской России // Военный сборник. 1878. № 4. С. 265. См. также: Крих А. А. Тюркский компонент в составе западносибирского казачества (первая половина XIX в.) // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск, 2005. С. 512–525.

широкому развитию скотоводства в его примитивных пастбищных формах, чем и объяснялись преобладание в пище животных веществ и сходство некоторых видов одежды, благодаря езде верхом и условиям степной жизни. Но наряду с этим соответствием этнографических черт, казачья идеология в области отправления обязанностей, характер казачьих порядков и управления, землепользование, отстаивание своих интересов на принципе казачьего права, идея общности казачьих войск и т. п. были так же далеки от идеологии киргизов, как небо от земли»²³⁷. Щербина особо подчеркивал осознание сибирскими казаками духовного и сословного единства со всем русским казачеством.

В этом споре сами казаки, указывая на исторические заслуги, продолжали настаивать не только на своей военной функции, но и на более широко понимаемой русской цивилизационной миссии. Казачьи идеологи формулировали историческую задачу казаков на азиатских окраинах следующим образом: «Если бы даже слияние с центром у покоренных, неславянских областей произошло бы полное, долго еще эти области не проникнутся идеей государственности, в них всегда будут жить надежда отпадения, стремления центростремительные. Казачество, как крайнее русское население, всегда или долго еще будет играть роль цемента: теперь от него, помимо задач проведения государственных идей, нередко требуется применение мер чисто физического воздействия, позже – и дай Бог, чтобы это произошло поскорее, – за ним надолго сохранится роль русского, имперского культуртрегера в самом широком значении этого слова»²³⁸.

У казачьей интеллигенции появляется понимание необходимости формирования «в казаках нравственной силы, пробуждения надлежащего духа и сознания собственного достоинства, состоящего в том, чтобы каждый казак понимал и знал себе настоящую цену»²³⁹. Таким образом «казачий вопрос» входил в сферу национальной и социальной политики. Не случайно среди сибирских областников оказалось несколько казачьих офицеров, а фор-

²³⁷ Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Париж, 1928. С. 349–350.

²³⁸ Там же. С. 345–346.

²³⁹ Оренбургское казачье войско // Военный сборник. 1874. № 6. С. 277.

мирующая казачья интеллигенция готова была политически актуализировать «казачий вопрос». Именно из ее среды раздаются протесты против восприятия казачества как исторического реликта, пережитка «средневековья». События 1865 года, связанные с открытием заговора «сибирских сепаратистов», не случайно взволновали члена Степной комиссии А. К. Гейнса. Он с тревогой записал в своем дневнике: «...Нельзя безусловно поручиться за то, чтобы с течением времени казаки не стали в руках господ, в роде Потаниных et Co, враждебны Правительству». Он также заключал: «В политическом отношении казаки не приносят в степи той пользы, которую можно ожидать a priori. Эти люди, нарядившиеся в киргизские халаты, говорящие со своими детьми по-киргизски, называющие приезжих из-за Урала русскими, а себя казаками, едва ли могут служить орудием обрусения в степи»²⁴⁰. Оказавшись в Государственной думе, казаки сформировали свою особую депутатскую фракцию, начали издавать свои газеты и журналы, появились свои казачьи историки и литераторы. Наиболее активными, разумеется, были казаки Дона, Кубани и Терека, но и в Азиатской России казаки искали новые формы своей социокультурной консолидации. Однако «казачий вопрос» не стал угрожающим для русской идентичности, замыкаясь главным образом в рамках экономических и культурных проблем. Вместе с тем казачья интеллигенция могла пропагандировать идеи казачьей сословной и социокультурной консолидации, призывая сохранять традиции казаков, в число которых неизменно включались историческое служение России и «природная русскость». Актуализация героического прошлого казаков, собирание фольклора и этнография, появление собственных газет и журналов, музеев, общественных организаций как способа конструирования общности и казачьей идентичности могли восприниматься неоднозначно и вызывать подозрения в желании расколоть единство русской нации. Казачья вольность, преданность престолу и верность Православию переплетались в этом дискурсе, предлагая неоднозначные ответы на вызовы современности. При этом не исключались уникальная способность казаков контактировать с ины-

²⁴⁰ Гейнс А. К. Собрание литературных трудов. СПб., 1897. Т. 1. С. 117.

ми народами, приспособленность к жизни и службе на азиатских окраинах, декларируемая комплиментарность в отношении туземного населения.

Таким образом, если над казачеством еще не нависла реальная угроза, то задолго до революции стали вызревать подозрения в его экономической и социокультурной неэффективности, инициированные переселенческими чиновниками и этнографами, среди которых на азиатских окраинах империи было немало политических ссыльных-народников. Народнический дискурс с его трепетным отношением к русскому крестьянину (особенно к бедствовавшему переселенцу) и угнетаемому инородцу, обреченному на «вымирание», захватившим широкие слои российской интеллигенции (не исключая и части чиновников), не мог не отразить сложного отношения к казакам, которые с трудом вписывались в представления о замученном царизмом народе. Сословная замкнутость казаков и территориальная «чересполосность» с крестьянскими и инородческими поселениями создавали дополнительные трудности для миграционной политики и проведения преобразований в управлении и судопроизводстве, что рассматривалось как важная часть процесса модернизации. Военная колонизация, которая становилась препятствием свободного переселения, обрекала многие стратегически важные и экономически выгодные районы на пустынную. Однако весь этот критический пафос оценок не означал полного отрицания исторических заслуг казаков и их военного значения в крае в настоящем и будущем. Речь пока шла лишь о смене колонизационных приоритетов в пользу крестьян. С одной стороны, за казаками закрепилась репутация надежных агентов для непосредственного и постоянного наблюдения за кочевниками. С другой, как подчеркивал уже в эмиграции бывший директор Новочеркасского реального училища М. А. Горчуков, «голос крови», лежащий в основе всякого национализма, совершенно чужд казачеству: его понимание своего достоинства выше; оно утверждается на основах высшего порядка. Этим объясняется поразительная сила ассимиляции, претворяющей национальную пестроту в однородную казачью массу»²⁴¹.

²⁴¹ Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. С. 125.

2.5. Православие и «русскость» в колониционном и конфессиональном контекстах

Массовое движение крестьян на окраины заставило обратить внимание не только на экономическое, но и на религиозно-нравственное состояние русских. Нарастала тревога, что русский человек, оторвавшись от привычной социокультурной среды, может легко поддаться чужому влиянию и утратить связь с коренной Россией. Отчеты губернаторов, поступающие в центр с окраин, были наполнены жалобами на низкий уровень умственного и нравственного развития крестьянского населения, нехватку сельских священников, их жалкое материальное положение и падение авторитета у народа, недостаток церквей и школ и, напротив, избыток кабаков.

Сохранение «православности» самими русскими на азиатских окраинах вызывало серьезную обеспокоенность прежде всего со стороны церковных деятелей. Расчеты на то, что своим примером православные переселенцы привлекут инородцев к христианству, не оправдались. Настораживали большое количество старообрядцев и сектантов в Сибири, влияние ислама и ламаизма. «Общее убеждение всех переселенцев, что всех русских сибиряков покорил Ермак» и они тут опять «обасурманились»²⁴². Местные чиновники рапортовали начальству, что «православные переселенцы разнятся от старожилов тем, что более религиозны и часто посещают церкви»²⁴³. Поражали не только просторы и природные богатства Сибири («Вот в какую страну приехали, странно как-то даже») или отсутствие соломенных крыш, но и то, что в сибирских селах, несмотря на зажиточность жителей, церкви деревянные, небогатые, а многие просто убогие²⁴⁴. Современники отмечали, что при частых и тесных контактах с иноверцами рус-

²⁴² Пономарев С. Указ. соч. С. 155.

²⁴³ Цит. по: Овсянкин И. Колонизация и переселенческое дело // Алтай. Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск, 1890. С. 342.

²⁴⁴ Алексеев П. С. Как, бывало, езжали. Воспоминания о проезде зимою из Москвы в Читу // Русский вестник. 1899. № 10. С. 606; Серебрянский М. Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке. М., 1996. С. 32, 37.

ский человек «и сам стал как-то равнодушнее к своей вере»²⁴⁵. Так, еще в 1846 г. один из приходских священников сообщал архиепископу: «Не поймешь теперь, кто из них кто, ибо православные не знают ни церкви Божьей, ни обязанностей своих, а от священников своих бегают как от татар»²⁴⁶. Переселенцы представлялись более стойкими в православной вере, нежели сибиряки-старожилы. Недостатки православных священнослужителей, включая их нехватку и низкий уровень проповеднического и полемического таланта («захолустные» батюшки), усугубляли религиозную ситуацию. «В дикой киргизской степи, в которой живет сельское пришлое население края, богатая почва для процветания всевозможных сект», – отмечалось на междуведомственном совещании, состоявшемся при степном генерал-губернаторе 21 апреля 1910 г.²⁴⁷

В специальной записке о состоянии церковного дела в Сибири, подготовленной канцелярией Комитета министров, указывалось на необходимость объединения духовной жизни сибирской окраины и центральных губерний «путем укрепления в этом крае православия, русской народности и гражданственности»²⁴⁸. Постановка такой важной задачи, по мнению правительства, была вызвана сибирскими особенностями: религиозным индифферентизмом сибиряков-старожилов и разнородным этноконфессиональным составом населения. «Можно сказать, что единственным цементом, связующим в одно целое жителей поселка, собранных нередко из разных мест и чужих друг другу, без которого связь немыслима и не может установиться для мирной жизни общине, является общность веры. Отсюда происходит то трогательное любовное отношение переселенческих обществ к устройству своей церкви и прихода, которое выгодно отличает переселенцев на новом месте не только от сибирских старожилов, но даже иногда от их же земляков на родине, не переживших горького чувства ли-

²⁴⁵ Кирьяков В. В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири). М., 1902. С. 327.

²⁴⁶ Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области. Ф. 329. Оп. 3. Д. 139. Л. 5. Авторы благодарны Е. М. Бежан за указание на эту оценку.

²⁴⁷ Омские епархиальные ведомости. 1910. № 12.

²⁴⁸ Церковное дело в районе Сибирской железной дороги // Россия. Комитет Сибирской железной дороги: материалы. Б. м., [1894]. Т. I. С. 116.

шения церкви, отдаления от родного храма. Но то же чувство отдаления от родины особо оживляет и повышает в переселенце и общее чувство привязанности к оставленному далеко за Уралом коренному гнезду предков – к центральной России, где осталось столько близкого, о чем здесь, вдали от всего, воспоминание становится особенно живо и дорого»²⁴⁹.

Управляющий делами Комитета Сибирской железной дороги А. Н. Куломзин настаивал на срочных мерах по сближению Сибири с Россией и призывал не жалеть денег на школы и православные церкви, чтобы не дать сибиряку «дичать»²⁵⁰. Признавая в целом более высокий, чем у российского крестьянина, уровень умственного развития сибиряка-старожила, он обращал внимание правительства на то, что отсутствие «руководства со стороны церкви и школы и влияние ссыльных придало развитию сибиряка не предвещающий ничего хорошего отпечаток». В 1894 г. был учрежден специальный фонд имени императора Александра III по сбору средств на постройку церквей и школ для переселенцев, а строительство православных храмов было объявлено «народным» делом²⁵¹. Посетив Сибирь в 1910 г., П. А. Столыпин с осторожным оптимизмом фиксировал рост православных церквей и школ в крае, заключив, что «опасность нравственного одичания переселенцев будет менее грозной»²⁵².

Местные власти на окраинах нередко оказывались в ситуации, когда общегосударственная установка на распространение православной веры как важного имперского фактора входила в противоречие с колонизационными задачами и стремлением

²⁴⁹ Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 198.

²⁵⁰ Куломзин А. Н. Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 204. Л. 107; Д. 202. Л. 37.

²⁵¹ Воронец Е. Н. Великое русское дело в Сибири. Харьков, 1898. См. также: Ремнев А. В. Правительственный взгляд на церковное и школьное строительство в зоне Сибирской железной дороги на рубеже XIX–XX вв. // История культуры советского общества. Омск, 1990. С. 67–70; Соловьева Е. И., Константинов Д. В. Деятельность фонда имени императора Александра III в церковном строительстве Сибири // Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1992. С. 105–114.

²⁵² Записка председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. СПб., 1910. С. 124.

«сделать край русским». С православным миссионерством успешно конкурировала светская установка расширительного толкования русскости. Власти не могли не учитывать высокой степени устойчивости русских крестьян-старообрядцев и духоборов (молочан, хлыстов) к ассимиляции в иноэтничной среде, сохранению ими русскости при отдаленности от русских культурных центров. И хотя правительство в своих заботах о хозяйственном освоении и демографическом закреплении новых территорий, а старообрядцы в своем стремлении найти свободу вероисповедания и лучшие условия для жизни шли разными путями, сторонились друг друга, но в результатах их устремленности на восток было многое, что могло их сближать. В числе первых переселенцев на азиатские окраины были (нередко принудительно) старообрядцы и сектанты, которых привлекла сюда религиозная свобода, они также дали «сильных, состоятельных, хозяйственных и энергичных новоселов»²⁵³. Путешественник-интеллигент искал «идеального крестьянина» и часто находил его в семейском старообрядце²⁵⁴. К рубежу XIX–XX вв. определение «инородец» помимо сословно-юридического значения приобрело еще и расширительный политический смысл, в котором определяющим стала «русскость», идентифицируемая через русскую культуру и русский язык, и в такой ситуации «русские сектанты, даже самые яростные враги православия, даже самые подозрительные в глазах правительства по своим социальным учениям, но сохранившие великорусский говор, остаются неизменно в списках настоящего русского народа»²⁵⁵.

Насаждение православного элемента как один из доминирующих принципов окраинной политики на востоке зачастую вступал в противоречие с задачами успешной колонизации. Даже православные иерархи вынуждены были признать возможность и необходимость привлечения к освоению наиболее сложных

²⁵³ Болховитинов Л. М. Колонизаторы Дальнего Востока // Великая Россия: сб. ст. по воен. и обществ. вопросам. М., 1910. Кн. 1. С. 220.

²⁵⁴ Костров А. В. Забайкальское старообрядчество в трудах дореволюционных авторов // Вестник Том. гос. ун-та. 2009. Вып. 11 (79). С. 329–334.

²⁵⁵ Штернберг Л. Инородцы: общий обзор // Формы национального движения в современных государствах. СПб., 1910. С. 531.

с климатической и хозяйственной точек зрения территорий, которым угрожала экономическая или демографическая экспансия извне старообрядцев и сектантов. Дискриминационные мероприятия в отношении раскольников (двойной оклад до 1782 г., запрещение выбирать в крестьянскую администрацию лиц неправославного вероисповедания до 1883 г.) сохраняли свою силу и действенность на уже освоенных и плотно заселенных территориях для борьбы с пропагандой «лжеучений». Там же, где на первый план выдвигались задачи колонизации, местные власти не только активно привлекали староверов для освоения сложных участков, но и намеренно подселяли («подсыпали») к ним православных²⁵⁶. Последствия подобного объединения были легко предсказуемы: староверы отправлялись «в глубь первобытных лесов, в уединение, никем и ничем не нарушаемое», что полностью совпадало с планами администраторов. Несмотря на то, что старообрядцы в результате многоэтапной миграции в Сибирь и на Дальний Восток испытали этнокультурное влияние со стороны украинцев, поляков, белорусов, бурят, коми (зырян и пермяков), обских угров (ханты и манси) и других народов, они тем не менее сохраняли русскую идентичность. Это обстоятельство не могло быть не замечено местными властями, которые, проявляя большую, нежели в центре страны, религиозную терпимость, активно использовали старообрядцев в колонизационном закреплении восточных территорий за империей.

Привлекательность «национальной устойчивости» сочеталась с хозяйственной эффективностью старообрядческих и сектантских колоний. Вместе с тем на самом верху понимали, как свидетельствует записка князя Н. А. Орлова, поданная в 1858 г. Александру II, что «раскольники не враги Православной Церкви, они только противники ее казенности и смешения духовной власти со светской», а «солдат или казак-раскольник ни в чем не уступает своим православным товарищам»²⁵⁷. Старообрядцы и духоборы не только доказали свою политическую лояльность

²⁵⁶ Михайлов Г. Г. Староверы как колонизаторы Уссурийского края // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 249.

²⁵⁷ Цит. по: Ершова О. П. Старообрядчество и власть. М., 1999. С. 163.

и преданность престолу в Западном крае и в Закавказье, но и продемонстрировали успешность русской колонизации там. Правительство при выработке политического курса учитывало фискальный, верноподданный, конфессиональный, экономический (колониционный) факторы. В идеале это означало, что старообрядец или сектант, перешедший в единоверие, а лучше в православие, платежеспособный, преданный царю и отечеству, должен был переносить свой образ жизни на слабозаселенные русскими людьми территории и тем самым способствовать их интеграции в имперское пространство или, другими словами, способствовать социокультурному «поглощению» новых земель²⁵⁸. На практике такая идиллия была трудно осуществима, поэтому местные власти оказались в сложной ситуации выбора оптимального для государства, с их точки зрения, варианта, отыскать который так и не удалось. Правительственная политика в их отношении оставалась и противоречивой, и непоследовательной. Представители переселенческих структур («всеазиатская земская управа»²⁵⁹), не всегда разделявшие национальный подход к колониционному делу, при оценке конфессиональности колониста на первый план выдвигали его способность водворяться прочно и быстро с минимальными для государства затратами. А. А. Кауфман в качестве типичного переселенца-пионера, «который надеялся только на Бога и самого себя, не боялся сибирской суровой природы, умел побеждать все препятствия и затруднения и приспособляться к бесконечному разнообразию естественных, культурных, экономических условий Сибири», выделял забайкальского «семейского» и алтайского «каменщика»²⁶⁰. В отчете руководителя Общеземской организации, созданной для оказания продовольственной и медицинской помощи переселенцам Приамурского края, Г. Е. Львова отмечалось, что в максимально короткие сроки (3 года) благополучия достигло только молоканское селение Толстовка, которое «не зна-

²⁵⁸ Бежан Е. М. Конфессиональная политика государства и церкви в отношении старообрядцев и русских сектантов в первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2008.

²⁵⁹ Вошинин В. П. На сибирских просторах. СПб., 1912. С. 89.

²⁶⁰ Кауфман А. А. Переселение. Мечты и действительность. М., 1906. С. 18.

ет ни пьянства, ни многочисленных праздников православной церкви»²⁶¹. Успешность водворения остальных переселенческих поселков, заключал он, будет возможно оценить не так быстро, только спустя 15–20 лет.

На рубеже XIX–XX вв. существовал проект заселения старообрядцами и русскими сектантами соседней с Амурской областью территории Маньчжурии. После принятия законов о веротерпимости в 1905–1906 гг. на Дальний Восток было переселено около 3 тыс. австрийских и румынских старообрядцев. Генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер писал в 1912 г.: «Староверы зарекомендовали себя здесь хорошими сельскими хозяевами и являются особо желательным элементом при заселении отдаленных и глухих местностей, прокладывая тем пути для следующих за ними других переселенцев»²⁶².

Не без основания считается, что именно старообрядцы сыграли ведущую роль в формировании особого типа русского крестьянина на Амуре: «...Дерзнувшие на самостоятельность мысли в религиозных вопросах, закаленные тяжелой школой борьбы за “оказательство” своих убеждений – староверы и главным образом сектанты-рационалисты (духоборы, баптисты, молокане) – явились полными силы “бойцами” против тяжелых природных условий новой страны и в значительной степени победили их. Они (подчеркнуто в тексте. – А. Р., Н. С.) дали тон Амурской крестьянской жизни»²⁶³. Лучшими представителями русской гражданственности в крае М. И. Венюков считал старообрядцев, во многом благодаря тому, что они «всегда держались в стороне от официального мира и от больших дорог»²⁶⁴. Местная администрация, обязанная отслеживать состояние раскола на вверенной ей территории, подчеркивала лояльность и законопослушность старообрядцев: «Что касается материальной силы, то раскольничья масса всегда отличалась и отличается трудолюбием, береж-

²⁶¹ Татищев А. А. Амурская область в колонизационном отношении // Вопросы колонизации. 1909. № 5. С. 183.

²⁶² Унтербергер П. Ф. Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912. С. 18.

²⁶³ Приамурье. Факты, цифры, наблюдения. Собраны на дальнем Востоке сотрудниками общеземской организации. М., 1909. С. 720.

²⁶⁴ Венюков М. И. Россия и Восток. СПб., 1877. С. 75.

ливостью и трезвостью, что, к сожалению, не составляет общей характеристики большинства православных. Оттого раскольники всегда отличаются зажиточностью сравнительно с их соседями православными, и эта зажиточность всегда давала и дает раскольникам возможность говорить о правоте их веры»²⁶⁵.

Амурский губернатор И. К. Педашенко доносил царю, что «староверы отнюдь не антихристы, а напротив – образцовые подданные»²⁶⁶. В начале 1880-х гг. забайкальский военный губернатор Л. И. Ильяшевич предлагал использовать забайкальских старообрядцев – «семейских» – в качестве проводников имперской политики среди бурят, которых бы они могли приучить к оседлому земледелию²⁶⁷. Терпимость к гонимым в Центральной России приверженцам старой веры проявляли не только представители местной администрации, но и некоторые иерархи Русской православной церкви. Так, важное значение, как наиболее дееспособному колонизационному элементу, придавал старообрядцам архиепископ Иннокентий²⁶⁸. Обеспокоенный последствиями «реактивного воздействия монголо-бурят на некоторую часть русского населения» в Забайкалье, офицер Генерального штаба М. В. Грулев с симпатией писал о старообрядцах: «Эта часть русского населения выделяется тем, что вышла совершенно чисто из горнила монголо-бурятского влияния, сохранив в полной неприкосновенности и чистоте все свои этнические особенности, религиозные верования, древнерусский патриархальный образ жизни и любовь исключительно к земледельческому труду»²⁶⁹. Чиновник

²⁶⁵ Всеподданнейший отчет начальника Томской губернии за 1879 г. // ГИАОО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 17047. Л. 170–171.

²⁶⁶ Венюков М. И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970. С. 62.

²⁶⁷ Поездка в Сибирь и на остров Сахалин в 1881–1882 гг. Из путевого дневника М. Н. Галкина-Враского // Русская старина. 1901. № 1. С. 189.

²⁶⁸ Барсуков И. П. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский. С. 394–395. Очевидно, это не было исключением в российской имперской политике. Схожий факт, имевший место на западной окраине империи, приводит Л. Е. Горизонтов. – Горизонтов Л. Е. Раскольничий клин. Польский вопрос и старообрядцы в имперской стратегии // Славянский альманах, 1997. М., 1998. С. 148.

²⁶⁹ Грулев М. В. Из прошлого Забайкалья (к истории нашей миссионерской деятельности на окраинах) // Русская старина. 1904. № 4. С. 222–223.

Переселенческого управления Г. К. Гинс открыто заявлял: «Каждый старообрядец и сектант из коренных русских людей неизмеримо ближе к осуществлению русской государственности на далекой окраине, чем самый благожелательный к ней по идее инородец, чуждый по происхождению, нравам и обычаям, по своеобразию культуры, по направлению ума и, наконец, по религии»²⁷⁰. И если в Петербурге все еще опасались «вредного влияния раскольников в религиозном отношении», то окраинные власти поощряли переселение старообрядцев, отмечая их высокий колонизационный потенциал²⁷¹ и то, что они, по словам известного исследователя Дальнего Востока начала XX в. В. К. Арсеньева, сохранили «облик чистых великороссов»²⁷². А в самом начале XX в. приморский губернатор Н. М. Чичагов предложил переселить сектантов из тех, кто не отвергает самозащиты, чтобы таким образом пополнить ряды защитников Камчатки. Старообрядцы и духоборы привлекали местную администрацию еще и тем, что надеялись только на себя и не требовали помощи от правительства. Но эти предложения так и не были реализованы²⁷³. Отношение к русским сектантам и старообрядцам на азиатских окраинах могло меняться по мере заселения их приверженцами официальной церкви, но всегда оставалось настроженным, а на опасность их соседства особенно указывали клерикальные круги и разделявшие их взгляды некоторые местные чиновники. Оставались и после 1905 г. некоторые правовые ограничения для старообрядцев и русских сектантов. Сохранялись опасность ухода русских приверженцев в раскол, о чем не уставали напоминать миссионеры, а также вероучительная пропаганда старообрядцев среди инородцев²⁷⁴. Однако их «русскость» и высокий

²⁷⁰ Гинс Г. К. Право сектантов на переселение и земельное устройство в Туркестане // Журнал Министерства юстиции. 1913. № 2. С. 168.

²⁷¹ Шмулевич М. М. Очерки истории Западного Забайкалья. XVII – середина XIX в. Новосибирск, 1985. С. 25.

²⁷² Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Новосибирск, 1994. С. 73–74, 78.

²⁷³ Якименко Н. А. Переселенческая политика царизма и проблема заселения Камчатки в начале XX в. (1900–1916 гг.) // Проблемы аграрной истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1979. С. 18–20.

²⁷⁴ Данилко Е. С. Общие особенности распространения старообрядчества в нерусской среде на территории Урало-Поволжья // Старообрядчество:

колониционный потенциал оценивались в целом высоко, о чем неоднократно публично заявлял, например, и П. А. Столыпин.

Н. Н. Муравьев-Амурский был готов заселить край колонистами, которые Петербургу могли казаться опасными. Так, в начале 1860 г. он, по примеру Закавказского края, просил разрешить селиться в городах Приамурского края раскольникам любого толка, кроме скопцов. Вместе с тем он проявлял настороженность к представителям протестантизма и вообще к деятельности иностранных конфессиональных миссий²⁷⁵. Муравьев-Амурский ходатайствовал также о переселении меннонитов, надеясь, что они станут для края образцовыми фермерами²⁷⁶. В качестве желательных переселенцев Комитет по заселению Дальнего Востока называл в 1909 г. румынских старообрядцев, некрасовцев, прибалтийских латышей, австрийских подданных из Галиции и даже поляков²⁷⁷. П. Головачев, разумеется, осуждал скопцов, но признавал, что они живут богато даже в Якутском и Олекминском округах, доказывая тем, что и там можно заниматься земледелием²⁷⁸.

И хотя правительство в своих заботах о подготовке базы для обороны и будущего имперского расширения и сектанты в своем стремлении найти свободу вероисповедания или лучшие условия для жизни шли разными путями и сторонились друг друга, но в результатах их устремленности на восток было многое, что их сближало. Принцип русскости на далекой окраине стоял выше стремления добиться церковного единства, отражая важные тенденции в формировании общерусской национальной идентичности. В иерархии идентичностей конфессиональность здесь явно уступала национальному фактору.

Колонизационные заслуги старообрядцев и сектантов как «вполне соответствующие условиям и нуждам края» были отме-

история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Улан-Удэ, 2007.

²⁷⁵ Сердюк М. Б. Религиозная жизнь Дальнего Востока (1858–1917): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1998. С. 18–19.

²⁷⁶ Барсуков И. П. Граф Н. Н. Муравьев-Амурский. М., 1891. Т. II. С. 296.

²⁷⁷ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 3. Л. 20.

²⁷⁸ Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М., 1902. С. 167–168.

чены и IV Хабаровским съездом окраинных администраторов и сведущих людей (август 1903 г.). Хозяйства русских сектантов, как и иностранных колонистов, характеризовались как многопрофильные, что в условиях освоения окраины имело принципиальное значение. Благоприятные хозяйственные условия (много земли арендованной и купленной в собственность; научились брать арендную плату даже с китайцев) в сочетании с трудолюбивой, трезвой и скромной жизнью, «большей степенью умственного развития, постепенно вырабатывали привычку из малого извлекать возможно большее»²⁷⁹. Консерватизм религиозной жизни ни в коей мере не распространялся на экономические предпочтения колонистов, и они в новых условиях легко шли на модернизацию в хозяйствах, усовершенствование орудий труда, освоение незнакомых прежде промыслов и ремесел. Причины такой предприимчивости наблюдатели видели не только в зажиточности сектантов, реальной взаимопомощи и солидарности однообщинников, но и в большей развитости (даже «интеллигентности»²⁸⁰) в сравнении с православным колонизатором, особенно малороссом. Малороссы, в силу хозяйственной консервативности, заниматься любым трудом, помимо земледелия, считали зазорным, «ремесел не знали, торговлю не любили и даже презирали»²⁸¹.

Особая «интеллигентность» сибирских староверов, по мнению различных наблюдателей, была следствием более высокого уровня грамотности и непохожих на великорусские быта и досуга. Даже православные миссионеры вынуждены были согласиться с тем, что раскольники и сектанты «писание знают и живут хорошо», «русской ругани не слышно и не видно курящих табак» и поэтому если кто и нуждался в просвещении, так это именно православные. Малокультурность русского православного населения при отсутствии каких-либо школ, курсов или развлече-

²⁷⁹ Из отчетов Омского епархиального противосектантского и противораскольнического миссионера И. А. Ливанова (отчет о деятельности миссионеров за вторую половину 1903 и за 1904 г.) // Омские епархиальные ведомости. 1905. № 15. С. 17.

²⁸⁰ Михайлов Г. Г. Староверы как колонизаторы Уссурийского края // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 257.

²⁸¹ Кохановский А. Указ. соч. С. 9.

ний и отдалении церковного надзора и просвещения приводила к развитию пьянства. «...В казачьи поселки лучше не заглядывать: там и пьянство, и песни, и ругань, и драка, и блудодейство, и убийство, и все это делают православные...» – передавал в своем отчете миссионер И. Ливанов слова сектанта²⁸².

Помимо хозяйственных способностей русских староверов окраинные администраторы ценили и большую терпимость в сравнении «и с мужиками, и с казаками» по отношению к инородцам. Умение вживаться без конфликтов в иноэтничное и иноконфессиональное пространство позволяло более эффективно «втягивать и перерабатывать» иную культуру, а также распространять пусть и сомнительную с точки зрения официальной церкви, но все-таки русскую веру²⁸³. Получалось, что стремление к изоляции и уединению общин не было абсолютным: стараясь не допускать близкого соседства с православными, сохраняя религиозную самостоятельность, старообрядцы находили возможным и даже прибыльным общение с местными инородцами. Старообрядцы умудрялись «высоко держать знамя своей национальности» даже среди фанатичного в религиозном плане населения²⁸⁴.

Позиции местной светской власти и духовенства в отношении русских колонизаторов далеко не всегда совпадали. Представителям Русской православной церкви и особенно ее передового отряда – миссионерам – приходилось встраивать свои представления о конфессиональном многообразии сибирского населения в достаточно жесткую государственную иерархию эффектив-

²⁸² Ливанов И. Из впечатлений и практики миссионера // Омские епархиальные ведомости. 1905. № 2. С. 30.

²⁸³ Подробнее см.: Данилко Е. С. Механизмы самосохранения русских и финно-угорских старообрядческих общин Урало-Поволжья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007; Аргудяева Ю. В. Роль старообрядцев Дальнего Востока в сохранении традиционной культуры русских // Отечественная история. 1999. № 4. С. 13–17; Варга Ю. К. Ментальные механизмы адаптации старообрядцев в Сибири // Факторы формирования духовного мира и социального облика населения Западной Сибири с древности до современности. Томск, 2004. С. 129–134; Шелегина О. Н. Результаты и перспективы адаптационных процессов в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири (XVIII – начало XX в.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 2. С. 116–125 и др.

²⁸⁴ Иванов А. Русская колонизация в Туркестанском крае // Русский вестник. 1890. № 11–12. С. 245.

ных колонизаторов. Для них задачи «христианизации» и «обрусения» оставались неразделимыми. Прежняя политика веротерпимости, начиная с Екатерины II, объявлялась ошибочной и не удовлетворяющей «требованиям православно-русской государственной жизни»²⁸⁵. Сложность положения церковных деятелей была обусловлена необходимостью сохранять преданность государственным идеалам, поддерживать местную власть, но при этом не забывать и конфессиональные интересы, не всегда совпадающие с интересами светских властей. Ситуация особенно обострилась в «разгар освободительства» в связи с принятием законов о веротерпимости 17 апреля 1905 г. и ответной реакцией духовной власти, критиковавшей правительство и пытавшейся сконструировать особое видение национальной программы для азиатских окраин.

Выстраивая образы «своих» русских – православных – и «чужих» – сектантов и раскольников, – миссионеры вынуждены были прибегать к их противопоставлению, опровергая зачастую достаточно устоявшиеся представления о нравственности старообрядцев. Тот же миссионер И. Ливанов писал, что раскольники ведут правильный образ жизни только в «численном меньшинстве» в сравнении с православными. В чисто раскольничьих селах «царит полная распущенность нравов: пьянство, разврат, свобода развода, семейные неурядицы...»; «нравственность среди Бухтарминских раскольников невелика: все они отличаются показным пустосвятством; редкие не пьют вина, но от чая отказывается большинство. Лукавство, хитрость, своеволие и пронырство, умение обойти закон – отличительные черты бухтарминских раскольников»²⁸⁶. «Шутки со скабрёзным содержанием в большом ходу при обыденных разговорах. Милостыня подается, но она не служит проявлением сострадательного духа, а есть мертвое исполнение обычая. Всякая ложь, особенно если она направляется к оправданию и поддержке упования старообрядческого, принимается и распространяется»²⁸⁷.

²⁸⁵ Воронец Е. Н. По поводу ожидаемых церковно-государственных преобразований в Сибири. М., 1887. С. 5.

²⁸⁶ Из отчетов Омского епархиального противосектантского и противораскольнического миссионера И. А. Ливанова ... С. 17.

²⁸⁷ Отчет противораскольничьего и противосектантского миссионера // Омские епархиальные ведомости. 1910. № 10. С. 12.

Не всегда приемлемая уже к этому времени для светских имперских властей и национально ориентированных русских идеологов однозначная связь «русский значит православный» активно проповедовалась со страниц «Омских епархиальных ведомостей», главным образом епископом Омским и Семипалатинским Гавриилом. «“Православный” человек и “русский” человек – в нашей стране понятия тождественные. Невозможно представить себе на Руси русского человека – душою и сердцем – без православных верований, без церкви и религии, без того, что составляет душу и сущность нашего родного Православия»²⁸⁸. Неожиданные для церкви национальные характеристики паствы появляются как средство защиты от леворадикальной интеллигенции, атеизма, но и как попытка вернуть содействие государства своих исключительных конфессиональных прав. Церковные по своей сути проблемы подменяются национальными и политическими, а сектант и раскольник в такой трактовке уже представляли не просто отщепенцами официальной церкви, но предавшими государственные и национальные идеи. Смешение этих контекстов порождало ряд новых линий в полемических произведениях православных миссионеров. Например, последовательное разоблачение сектантов, в частности баптистов, как религиозного течения иностранного происхождения, во главе которого стоит «инородец и иностранец Фетлер» (очевидно, Фестлер), а пропаганда их вероучения ведется «на деньги иностранного происхождения». «Продавший свою веру завтра продаст отчизну, да что продаст! – даром отдаст – из злобы и ненависти своей низкой продажной души!» Прежнее конфессиональное определение «баптист» заменяется на «немца-баптиста».

Миссионеры акцентировали внимание властей на потенциально опасном объединении политической оппозиции и сектантов. В своих программных речах Гавриил неоднократно указывал на неразрывную связь «свободомыслящей оппозиции» (леворадикальной интеллигенции) с антирусскими национальными взглядами и вероотступничеством. «Свободомыслящие, составляя оп-

²⁸⁸ Фокин И. Речь в общем собрании Православного Миссионерского общества, 2 мая 1910 г., в г. Омске // Омские епархиальные ведомости. 1910. № 10. С. 25.

позицию всюду, во всех национальных вопросах, особенно в еврейском, польском и финляндском, грубо и цинически попирают кровные русские интересы, вступаются за инородческие домогательства, изошряясь в придумывании хитроумнейших объяснений...»²⁸⁹. Протоиерей И. Восторгов при открытии Иркутского миссионерского съезда, демонстрируя свою политическую осведомленность, рассказал присутствующим о книге «знаменитого революционера Степняка (Кравчинского)», распространяемую под заглавием «Штундист Павел Руденко», в которой предпринимается попытка сблизить и слить воедино сектантов и политических ссыльных на почве протеста и борьбы против власти²⁹⁰. Епархиальный миссионер Несмеянов указывал, что баптистская пропаганда в своих целях идет гораздо дальше религиозной проповеди, стремясь к подрыву государственного строя.

«Не следует забывать, – отмечал автор статьи “Сибирские скорпионы и овцы прот. И. Восторгова”, – что сибирские священники сохранили в течение веков своих прихожан в православной вере даже при наличии того якобы бесцерковья...»²⁹¹. Появление раскольников и сектантов на сибирской окраине расценивалось как один из опасных «подарков метрополии». Подчеркивалась особая опасность сектантства именно на окраинах, которые утрачивают духовное родство с отечеством и поэтому «легко могут отпасть», стать добычей врага или даже добровольно предать родину. Государственный смысл русской крестьянской колонизации отмечал И. Восторгов в речи перед переселенцами 9 июня 1909 г. в Сретенске Забайкальской области: «...Знайте, переселенцы, что вы близки сердцу нашего Царя и всего русского народа, что вы не какие-либо несчастные или отверженные, не какие-либо изгнанники из России, ей ненужные, нет, вы – ее великие сыны, любимые дети; знайте, что когда идете вы на переселение,

²⁸⁹ Заметки о ненормальной общественно-государственной жизни в нашем отечестве со времени издания закона о свободах (продолжение) // Омские епархиальные ведомости. № 23. 1910. С. 37.

²⁹⁰ Речь о. прот. Восторгова при открытии Иркутского миссионерского съезда по предложению об открытии Общесибирского миссионерского съезда // Омские епархиальные ведомости. 1910. № 17. С. 40.

²⁹¹ Сибирский священник. Сибирские скорпионы и овцы прот. И. Восторгова // Омские епархиальные ведомости. 1912. № 14. С. 35.

то вы чрез это служите великому Божьему призванию России и вместе с тем великому русскому государственному делу. Вы – передовые распространители святой нашей веры: вы – передовые борцы и защитники русского Царства; вы способствуете сохранению и закреплению за ним неизмеримых пространств Сибири и Дальнего Востока и служите будущему нашей дорогой России»²⁹². «Для русского государства на окраинах сектантство и раскол, противление Церкви и холодность к вере – это самое страшное и опасное зло. Как калеки на войне не только не нужны, а вредны, так и *холодные русские переселенцы* не только не безопасны, но и прямо вредны для русского государственного дела»²⁹³.

В этой ситуации – при наступлении «совсем чужих» – несколько меняется общее отношение к все же «своим» старообрядцам: «Наши русские раскольники стоят своей косной массой, упорные и холодные, в стороне от горя Православной церкви... Они наши братья по крови и не ушли из Церкви до пределов ереси. А потому тем сильнее печаль наша при виде этой косности и буквоедства в то время и в такие годы, когда во весь рост вырос и поставлен вопрос: быть или нет православной Руси и православно-русской государственности, или на развалинах великого народа и царства должна безраздельно царить иудомасонская, армяно-жидо-польская республика или целый их ряд? Пора расколу нашему протянуть братскую руку к господствующей Православной церкви и, забывши старые счеты на почве обряда и буквы, объединиться в единую дружную православно-русскую семью под знаменем Креста Христова в ограде единой святой соборной апостольской Церкви»²⁹⁴. Вместе с тем известный этнограф Л. Я. Штернберг уже с научной точки зрения констатировал, что «русские сектанты, даже самые злостные враги православия, даже самые подозрительные в глазах правительства по своим социальным учениям, но сохранившие великорусский говор, остаются неизменно в списках настоящего русского народа.

²⁹² Восторгов И. Доброе слово переселенцу. Речь произнесена 9 июня 1909 года в Сретенске Забайкальской области, в присутствии 6000 переселенцев: [Интернет-портал «Русское воскресенье»]. URL: <http://www.voskres.ru:80/bogoslovie/ioann1.htm> (дата обращения: 18.11.2012).

²⁹³ Там же.

²⁹⁴ Фокин И. Указ. соч. С. 27.

И всем хорошо известно, что за этой классификацией кроется серьезная политическая сущность, целый комплекс политических отношений огромной важности»²⁹⁵.

2.6. «Обрусение с примесью сибирского оттенка»

Прибывающие из Европейской России крестьяне через два или три поколения «осибирячивались», усваивали те черты, которые казались многим наблюдателям отличными от истинно русских. Считалось, что, подобно англичанину, который превратился в янки, «русский преображается в сибиряка»²⁹⁶, имеющего даже свой особый антропологический тип и яркие этнографические особенности²⁹⁷. Один из путешественников XIX в. заметил: «Сибиряки, когда дело идет об их родине, всегда немного гасконцы»²⁹⁸. Сибиряк (или «челдон») было понятием не столько культурно-этническим, сколько указующим на свое символическое «первенство» на этой территории по сравнению с переселенцами, своего рода перенесение права «захвата» земли на социально-экономические отношения в целом, подкрепленные культурными различиями²⁹⁹. Со страниц газет и журналов Н. М. Ядринцев и его соратники доказывали, что в Сибири, как в Америке или Австралии, нет аристократии и жестко разделенных сословий, все чувствуют себя равноправными. Правда, как и янки, сибиряк грубоват, недостаточно образован, но зато в нем развиты чувство собственного достоинства и предприимчивость. Отрыв сибиряков от

²⁹⁵ Штернберг Л. Я. Иностранцы. Общий обзор // Формы национального движения в современных государствах. СПб., 1910. С. 531–532.

²⁹⁶ Петри Э. Сибирь как колония. С. 93.

²⁹⁷ Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М., 1902. С. 143–145; Кузнецов В. К. Русские старожилы в Сибири и Средней Азии // Азиатская Россия. Т. 1. С. 185–187. Сверкунова Н. В. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического анализа. СПб., 2002.

²⁹⁸ Цит. по: Савельева Л. П. Истоки сибирского регионального сознания, или О конструировании воображаемой реальности // Россия и Восток: взгляд из Сибири в начале тысячелетия. Иркутск, 2002. С. 155.

²⁹⁹ Бережнова М. Л. Загадка чалдонов: история формирования и особенности культуры старожильского населения Сибири. Омск, 2007. С. 125–126.

«общерусского исторического корня», когда русские в Сибири «потеряли в воспоминаниях начало своей истории», «разбилась здесь вся старая Русь с ее преданиями», беспокоил областников, но открывал для них новое поприще для творческих и научных поисков. «Итак, русские переселенцы не перенесли в Сибирь светильника искусства, огонь его потух от бушующего таежного ветра. Стало быть, в этой стране придется зажигать его вновь»³⁰⁰. Однако еще в 30–40-е гг. XIX в. С. И. Гуляеву удалось собрать достаточно большой комплекс фольклорных данных, которые свидетельствовали, что русские в Сибири не оторвались полностью от своего прошлого³⁰¹. Н. Каронин-Петропавловский усматривал в сибиряках своеобразный застывший русский тип московского периода, который, впрочем, перестал уже походить на современный «российский». «В сибирской деревне все грубо, неостроумно, мизерно, плохо, но все опрятно и полезно. Крестьянская мысль, представленная самой себе в степях и лесах, не произвела ничего большого и нового в материальной обстановке, но все понемногу улучшила, вычистила, приспособила. Сибирские крестьяне ничего не прибавили к тому, что они вынесли из России, но все вынесенное сохранили в лучшем виде. <...> Достоинства и недостатки, вынесенные из старой родины, – все он сохранил и все поднял на одну ступень выше»³⁰².

Современники отмечали, что сибиряки держали себя особняком и частенько говорили: «Он из России»³⁰³. Ссылный революционер-народник С. Я. Елпатьевский был поражен увиденным в Сибири: «Среди разнообразных элементов, населяющих сибирскую деревню, нет только одного – русского. <...> “Русского” не видно и не слышно, России не чувствуется в Сибири»³⁰⁴. П. А. Кропоткин зафиксировал в дневнике в 1862 г. свои впечат-

³⁰⁰ Ядринцев Н. М. Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири // Литературное наследие Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 82.

³⁰¹ Хмырова С. Р. Историческое сознание русского населения Сибири во второй четверти XVIII – конце XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006.

³⁰² Петропавловский Н. Указ. соч. С. 34.

³⁰³ Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири. СПб., 1912. С. 21.

³⁰⁴ Елпатьевский С. Я. Чужая земля // Страна без границ. Тюмень, 1998. Кн. I. С. 133.

ления о характере сибиряка, сознающего «свое превосходство над русским крестьянином». Комментируя это обстоятельство, он пояснял, что о России и о «рассейских» сибиряки отзываются с презрением, а само слово «рассейский» считается даже несколько обидным»³⁰⁵. «О российских вспоминали, что они лапти носили и что «у них всегда было грязнее в доме, чем у чалдонов и сибиряков». Про хохлов рассказывали, что это те же русские, только говор у них другой»³⁰⁶. Приехавшему в начале 1870-х гг. на службу в Сибирь П. П. Суворову также пришлось столкнуться с подобным явлением. «Это слово «российские»... имеет глубокий, даже политический смысл. В нем заключается представление о России как о чем-то отдаленном, не имеющем родственного, близкого соотношения ее к стране, завоеванной истым русским. В Иркутской губернии, – писал он, – мне даже приходилось слышать слово “метрополия” вместо Россия»³⁰⁷. Суворов заметил также в сибиряках некоторую ненависть к приезжим, особенно чиновникам, которых именовали «навозными». Действительно, долгое время пришлые из Европейской России составляли в основной своей массе чиновников и торговцев, которых воспринимали как притеснителей, а еще уголовных ссыльных – «посельщиков», – а потому для сибиряка российский был «непременно жулик»³⁰⁸. Опустившийся ссыльный, чиновник, приехавший поправить за счет службы в Сибири свои дела, и даже интеллигент не чуждаются продавать «закон», погрязли в пьянстве и разврате. Для сибирского старожила такие представители оставленной его предками России становились очередным свидетельством и напоминанием о покинутой родине, с которой его связывала не только ностальгия.

Еще более резкие характеристики, на этот раз самого сибиряка, содержатся в «Записках о Сибири» политического ссыльного И. Г. Прыжова, который писал в 1882 г. в «Вестнике Евро-

³⁰⁵ Крopotкин П. А. Письма из Восточной Сибири. Иркутск, 1983. С. 46–47.

³⁰⁶ Русские в Омском Прииртышье (XVIII–XX вв.): историко-этнографические очерки. Омск, 2002. С. 51.

³⁰⁷ Суворов П. П. Записки о прошлом. М., 1898. Ч. 1. С. 140.

³⁰⁸ Российские люди в Сибири (очерк сибирского крестьянства) // Восточное обозрение. 1884. № 43.

пы» о том, что русский народ совершенно одичал в Сибири, сибирское население «слишком часто, если не вообще, – тупое и озлобленное», ему доставляет удовольствие «сожрать заезжего человека или, как здесь говорится, “российского”»³⁰⁹. Об этом писали такие авторитетные авторы, как ссыльные-народники Н. М. Астырев, Н. Г. Короленко, Г. И. Успенский. «Идеал сытого довольства» сибирского крестьянина уже не радовал «интеллигента», как писал один из авторитетных знатоков крестьянской жизни Н. М. Астырев. Уж слишком он был не похож на его собственный идеал русского крестьянина, воспетый и выстраданный великой русской литературой и увлекший на народническое служение многих интеллигентных русских людей. Из-под пера Астырева (со ссылкой на исследования этнографов и собственные наблюдения, а также претензией отобразить наиболее типичные черты) предстает образ сибиряка как человека хотя и добившегося известного материального благосостояния, но ставшего «сухим материалистом», забывшего свою историю, утратившего многие прежние нравственные качества и даже равнодушного к религии. Сибиряк привык уважать силу и власть денег, стал человеком самостоятельным и самонадеянным, прагматичным, как американец. Он не музыкален и не поэтичен, равнодушен к школе, хотя более грамотен, чем его собрат в европейской части России. Но эта грамотность не расширяет его «умственные горизонты», а служит лишь утилитарным целям. Уголовные ссыльные оказали на сибиряка тлетворное воздействие, понизили его нравственный уровень. Главное же заключалось в разочаровании, что сибиряк утратил те симпатичные черты пусть бедного, но потенциально духовно богатого русского крестьянина, которого так жалели и превозносили многие народнически настроенные интеллигенты независимо от того, находились ли они во власти или были в оппозиции к ней. «У него нет представлений о мужицком кресте, о крестьянской доле, какие имеются у его отдаленных родичей, оставшихся тянуть лямку серяка-мужика в Европейской России...». За крестьянской общиной в Сибири не сохранилось традиционного названия «мир», что лишает ее «той тени идеализа-

³⁰⁹ Прыжов И. Г. 26 московских пророков, юродивых, дур и дураков и другие труды по русской истории и этнографии. СПб., 1996. С. 181.

ции, которая еще может быть наблюдаема в России», и больше походит административному термину «сельское общество»³¹⁰. А. А. Кауфман также отмечал, что амурские крестьяне выглядели настоящими американцами, не похожими на русского мужика³¹¹. И вот этот «сибирский янки» – «материалист до мозга костей», которого мало волнуют «проклятые вопросы», занимающие русского крестьянина, смелее его, в нем нет «ни раболепства, ни страха перед кокардой; он знает себе цену; знает свои права и при случае умеет отстоять их. Суровая природа научила его надеяться только на самого себя, выработала находчивость и самоуверенность. Скептик в душе, он пунктуально исполняет все обрядности, но на духовенство, равно как и на администрацию, смотрит со скрытым презрением. Подчиняясь поневоле, он стремился откупиться от чиновников, а нередко готов протестовать и мстить: за обиду «поломать в тесном месте ребра начальству, а то и всадить пулю»³¹².

Хищническое отношение крестьян-переселенцев к окружающей среде и эксплуататорские выпады в адрес инородцев вызвали беспокойство властей и неприятно раздражали народнически настроенную интеллигенцию. Для В. Л. Дедлова русский народ (как когда-то для М. П. Погодина), «может быть, и чудной народ, но прежде всего ему нужно искренне и с сокрушением признаться, что он дурной народ». И он упоминает уже Ф. М. Достоевского, который настроил интеллигенцию по камертону: «русский народ дурен, но идеалы его хороши»³¹³.

Страницы столичных изданий были заполнены описаниями разного рода путешественников, которые тиражировали «образ» сибиряка как своего рода «культурную аномалию». Обобщая эти доминирующие в общественном восприятии стереотипы, польский исследователь В. Брониславский, который провел несколько лет в Сибири, так характеризовал подобные описания: «Таким образом, сибирская народность – явление почти патоло-

³¹⁰ Астырев Н. М. Очерки быта населения Восточной Сибири // Русская мысль. 1890. № 10. С. 94.

³¹¹ Кауфман А. А. По новым местам (очерки и путевые заметки). 1901–1903. СПб., 1905. С. 46, 48.

³¹² Александров В. Аргунь и Приаргунье: путевые заметки и очерки // Вестник Европы. 1904. № 9. С. 283.

³¹³ Дедлов В. Л. Переселенцы на новые места. Панорама Сибири. С. 51.

гическое, обреченное с точки зрения уголовной антропологии на исчезновение»³¹⁴. «Поверхностные исследователи Сибири, – подчеркивал он, – стараются нас уверить, что сибиряк испорчен до мозга костей, что он поклоняется грубой силе, что в ней видит все назначение человека, что, словом, он унаследовал хищнические инстинкты от первых пионеров»³¹⁵. На этом фоне переселенцы не только выглядели страдающей стороной, но и представлялись более привлекательными с точки зрения распространения русской культуры на азиатские окраины России. Народнически настроенные писатели, по мнению В. Брониславского, оказались перед дилеммой: «Оборванный, обездоленный, несчастный изгнанник внушал сострадание и чуть не симпатию, а на голову сибиряка обрушились иные чувства душевно оскорбленного и возмущенного посетителя страны “чудес и курьезов”. В силу странной логики чувств на сибиряка и пала ответственность за безобразные устои сибирской гражданской жизни»³¹⁶.

Конфликты между переселенцами и старожилами становились массовыми, иногда доходя до кровавых столкновений³¹⁷. Переселенцы поставили под сомнение право старожилов владеть землей на основе вольного захвата, требовали передела: «Допрежь того сибиряк на нашем брате ездил, а потом уж мы его объезжаем. На сходе как загромим, как загромим, все на своем поставим. Ни в жисть не уступим»³¹⁸. Но дело было не только в земельных противоречиях, это были, как отмечали многие наблюдатели, как бы два заметно обособленных мира в одном обществе, «много культурных различий – в привычках, потребностях и традициях, в ведении хозяйства, а отсюда взаимное непонимание, нередко презрение и всегда холодность в обоюдных отношениях»³¹⁹. «И так сермяжная рать идет приступом на сибирское раздолье, средств

³¹⁴ Брониславский В. Существует ли сибирская народность // Сибирь. 1897. 9 марта.

³¹⁵ Там же. 1897. 13 июня.

³¹⁶ Там же.

³¹⁷ Ноздрин Г. А. Массовые переселения в Сибирь в конце XIX – начале XX в. С. 77–82.

³¹⁸ Пономарев С. Указ. соч. С. 156.

³¹⁹ Овсянкин И. Указ. соч. С. 341–342.

остановить это движение у старожилов нет, им остается только вести партизанскую войну против ненавистных пришельцев»³²⁰. Не пуская переселенцев на свои земли, препятствуя вселению в старожильческое село, не желая родниться (вступать в браки), сибиряк, замечал С. П. Швецов, боялся за себя и будущее своих детей, боялся, что здесь наступит «та же Россия»³²¹. У старожилов уже само слово «переселенец» становилось синонимом слова «голодненький». При этом сибирские старожилы постарались нажиться на нуждах переселенцев, эксплуатируя «простоватого» российского крестьянина и нередко откровенно издеваясь над ним. «Рассейские» казались сибиряку, уже утратившему многое ментально присущее русскому крестьянину, странными в их жажде земли, заботе о душе и упованиях на Бога³²². Впрочем, некоторые старожилы при наплыве переселенцев сами уходили на новые места, это случалось часто тогда, когда численность переселенцев достигала критической массы и они захватывали руководство на сельском сходе. Однако это было не устойчивой враждебностью, а всего лишь временной отчужденностью, которую смягчали общая русская культура и православная вера.

В отношении переселенцев старожильческое общество обладало большими правами, оно могло самостоятельно принимать решение о причислении переселенцев. В случае приселения к старожильческой волости переселенцы были обязаны получать разрешения в виде приемных приговоров. Принимая переселенцев, старожилы не только наделяли их землей, но и включали в податную общность, беря на себя ответственность за исправную выплату податей и повинностей. Исследователи основу конфликта между старожилами и новоселами видели не только в узко-хозяйственных проблемах перераспределения угодий, но и в столкновении «в корне различных порядков землепользования», например, великорусской общины (у русских, вятичей, пермяков) и белорус-

³²⁰ Лыкошин Н. С. Переселение и переселенцы. Самарканд, 1892. С. 51.

³²¹ Марусин С. [Шевцов С. П.] Переселенческое движение на Алтае // Алтайский сборник. Т. 1. Томск, 1894. С. 34.

³²² Успенский Г. И. Полн. собр. соч. Киев, 1903. Т. XI. С. 83–86, 159–165.

ского, польского подворного владения³²³. Возникающее же «ненавидство», усиленное традиционными фобиями по отношению к чужому, стало проявляться в самых разнообразных сферах деятельности крестьянского общества, но ярче всего в общинных практиках.

Сибирские старожилы, недовольные новыми порядками, вызванными притоком переселенцев, ворчали: «Доведут, как в России: ни хлеба, ни денег не станет»³²⁴. Депутат от Забайкальской области и председатель Сибирской парламентской группы Н. К. Волков объявил с думской трибуны, что «стон стоит по всей Сибири», так как переселенческие чиновники отбирают у сибирских старожилов, казахов и бурят лучшие земли, а «беспредельная емкость» Сибири всего лишь миф³²⁵. Вызывали опасения и требования сибиряков расширить права самоуправления, тогда как в центре казалось, что если ввести в Сибири земские учреждения, то главную роль в них будут играть старожилы и казаки, которые станут препятствовать устройству новоселов и обеспечению их землей. «Если земство в чем-нибудь себя проявит, – утверждал один из экспертов Министерства земледелия А. А. Кауфман, – то только в одном: в усиленных стараниях закрыть край для дальнейшего вселения»³²⁶.

Старожильческое русское население Сибири никогда не было однообразным, а представляло собой «русское население, пересыпанное инородцами, подвергалось разным расовым помесям, почему самый русский народ представляет здесь ряд ступеней от настоящих русских, сохранивших много подлинной народной старины, до тех последних вариаций типа, где полузабывается самый народный язык, и до обрусевших инородцев, где русское племя является только поверхностным слоем; одно только разли-

³²³ Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.). Т. 1. Историко-статистическое описание 100 поселков. М., 1895.

³²⁴ Гарин-Михайловский Н. Г. По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову // Гарин-Михайловский Н. Г. Собр. соч. М., 1958. Т. 5. С. 21–22.

³²⁵ Вошинин В. П. Переселенческий вопрос в Государственной думе III созыва. Итоги и перспективы. СПб., 1912. С. 52–53.

³²⁶ Кауфман А. А. Наш Дальний Восток и его колонизация // Русская мысль. 1909. № 12. С. 65.

чие в характере природы, а в зависимости от этого и образе жизни, и занятиях, помимо всяких других причин дает начало различию этнографического типа»³²⁷. Прежде, подчеркивал председатель правительства П. А. Столыпин, необходимо теснее связать местное население общерусскими интересами, чтобы оно перестало быть «механической смесью чуждых друг другу выходцев из Перми, Полтавы, Могилева»³²⁸.

Чтобы остановить процесс отчуждения переселенцев от «старой» России и восстановить в «новой» России знакомые и понятные властям черты русских людей, необходимо было заняться целенаправленной культуртрегерской работой в отношении них самих. «Из двух моих поездок по Сибири, – вспоминал А. Н. Куломзин, – я вернулся под глубоким впечатлением, что если мы энергически не примемся за насаждение в Сибири народного образования, в основу его не положим идею сближения этой обширнейшей нашей колонии с метрополиею путем расширения в школе родиноведения, если мощною рукою не примемся за объединение Сибири с Европейскою Россиею, то нам грозит в близком будущем великое бедствие». По его наблюдениям, сибиряку присущи огрубелость нравов, преобладание «индивидуальных интересов над общественными», а также «полное отсутствие каких-либо исторических преданий, традиций, верований и симпатий». Сибиряк, утверждал А. Н. Куломзин, забыл свою историю, забыл родину и, живя несколько веков замкнутою зауральскою жизнью, перестал считать себя российским человеком. Однако у него уже пробудилась любовь к своей новой родине, и сибиряк с особой ревностью относится к тому, что в России пренебрежительно отзываются о Сибири. Это было отражением не только процесса региональной идентификации, но и своего рода сибирского шовинизма, который проявлялся в пренебрежительном отношении к переселенцам, которых нередко именовали «лапотниками», «неумытыми» и «необразованными». А. Н. Куломзин

³²⁷ Белявский Ф. Н. Распределение населения Западной Сибири, его этнографический состав, быт и культура // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1907. Т. 16 (Западная Сибирь). С. 222.

³²⁸ Записка председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. СПб., 1910. С. 124.

писал в мемуарах, что перед его внутренним взором «каким-то кошмаром» стояла мысль о том, что «в более или менее отдаленном будущем вся страна по ту сторону Енисея неизбежно образует особое отдельное от России государство»³²⁹.

На пути консолидации российской нации стояли как локальные (региональные) этнографические особенности, так и словные различия, которые, казалось, могли быть преодолены в Сибири с большим успехом за счет формирования «большой русской нации» и социального проекта создания единого русского гражданства. Однако славянское население Сибири и Дальнего Востока оставалось сложным не только по этническому (русские, украинцы, белорусы), конфессиональному (православные, старообрядцы, сектанты) и сословному (крестьяне, казаки, отставные солдаты и моряки) признакам, но и по региональным характеристикам мест выселения. Насажение русскости в крае распространялось не только на великороссов, малороссов и белорусов, но и вообще на все славянское население. Это получило отражение в весьма экстравагантном проекте о переселении на Амур чехов (планировалось поселить около 1000 чешских колонистов по побережью от устья Амура и до границы с Кореей). Обосновывая свой план, Н. Н. Муравьев-Амурский отмечал: «Славяне понимают Россию как родную им землю; они соединят свою пользу с пользою русского населения. Передадут свои познания в усовершенствованном хозяйстве, будут преданы общему благу нового их отечества. Славяне переселяются в другие страны, но везде они, подавляемые чуждыми элементами, привыкают с трудом, – в России же должно быть напротив»³³⁰. Известный славист А. Ф. Гильфердинг с высоты своего научного авторитета подтверждал тогда же, что западные славяне будут на Амуре гораздо лучшими колонистами, чем немцы, которые останутся «чуждыми русскому народу» и неизвестно как себя поведут во время вражеского нашествия. «Славянин же, – заключал он, – смотрит на Россию как на родную землю и охотнее поедет в русские владения, чем куда бы то ни было. Немец не скоро научится по-русски и будет всегда держать себя в исключительном положении; чех,

³²⁹ Куломзин А. Н. Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 204. Л. 107.

³³⁰ Отчет по Восточной Сибири за 1860 г. // РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 202. Л. 3.

моравец, словенец, словак через месяц заговорят по-русски, а детей их от русских вы не отличите; чех и всякий другой славянин соединит свои интересы с интересами русского населения, передаст ему свои познания в усовершенствованном хозяйстве, будет предан общему благу России, которая тотчас же делается для него отечеством, и в случае опасности постоит за нее до последнего издыхания»³³¹.

Сохранявшиеся региональные этнокультурные различия, частые межэтнические браки, этнокультурные контакты и хозяйственное взаимодействие, тесное соприкосновение с конфессиональной и социокультурной инославянской средой явно подталкивали к консолидации на основе русской нации и не способствовали оформлению за Уралом украинского или белорусского национальных анклавов. «Со временем происходили утрата прежнего этнического самосознания, замена его представлением о единой национальной принадлежности, то есть шел процесс вторичной консолидации восточных славян, но на бытовом уровне продолжал сохраняться культурный полиморфизм»³³². Оторванное от привычной социокультурной среды, оказавшееся в неведомом краю, в иных природно-климатических условиях, вынужденное существенно скорректировать свои хозяйственные занятия, непосредственно соприкоснувшись с культурой Азии (непривычной и привлекательной), славянское население обостренно ощутило свою русскость, очищенную от местных особенностей, столь стойко сохраняемую на его бывшей родине.

Украинцы и белорусы хотя и сохраняли довольно долго свой язык и черты бытовой культуры, в условиях Сибири и Дальнего Востока, оказавшись (даже компактно проживая отдельными поселениями и численно преобладая в отдельных районах) среди выходцев из великорусских губерний, сибирских старожилов

³³¹ Гильфердинг А. Ф. Мнение западных славян об Амуре и его колонизации // Амур. 1860. 28 июня. С. 373–374. В начале XX в. интерес к переселению проявляли черногорцы. – Хлебникова В. Б. Черногорцы на русском Дальнем Востоке и в Китае // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII–XX вв. (к 350-летию начала похода В. Д. Пояркова на Амур). Владивосток, 1993. С. 80–82.

³³² Фетисова Л. Е. Адаптационная роль фольклора в системе бытовой культуры первопоселенцев Приамурья и Приморья // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток, 2000. С. 27.

и сибирских и дальневосточных народов, поселившись в значительной степени в городах, работая на золотых приисках и стройках, были более восприимчивы к культурным заимствованиям и проявляли более высокий уровень этнической и конфессиональной толерантности, демонстрировали большую, чем на исторической родине, приверженность идее общерусской идентичности. В отличие от Европейской России, где шел процесс формирования украинской и белорусской наций, вызвавший у петербургских властей политические опасения, в Азиатской России процессы стихийного культурного единения преобладали, что вполне устраивало местную администрацию. И, как следствие, в правительственных взглядах на славянское население Сибири и Дальнего Востока преобладало в целом индифферентное отношение к культурным различиям между великороссами, украинцами и белорусами, их поглощение русской нацией представлялось делом времени. Местная администрация до начала XX в. три славянских народа нередко обозначала одним термином – русские. Приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер писал в начале XX в., что переселенцы для дальневосточных областей выбирались в основном из Малороссии и «ими предполагалось создать на месте стойкий кадр русских землепашцев, как оплот против распространения желтой расы»³³³. Действительно, население украинских сел в Сибири и на Дальнем Востоке России быстро переходило на русский язык, а к 1930-м гг. в большинстве случаев сменило и свое этническое самосознание, оставив неостребованной идею «Зеленого клина»³³⁴.

Русскость далеко не ограничивалась только объединением славянских этносов, но могла включать и другие народы, в известной мере абстрагируясь от принципа «чистоты крови»³³⁵. В смешении разнородных этнических элементов на российском

³³³ Унтербергер П. Ф. Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912. С. 4.

³³⁴ Кабузан В. М. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996. С. 210.

³³⁵ См., например: Новоселова [Крих] А. А. Свои среди чужих: иноэтнические компоненты в составе русских Среднего Притарья в конце XIX в. // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. Омск, 2001. № 6. С. 118–124.

имперском пространстве при преобладании русской культуры и общих хозяйственных интересах и формировался на окраинах «здоровый русский тип», который являлся олицетворением всего «чисто национального русского», расширявшего пределы «матушки Руси». И эту, начатую инстинктивно, работу русского народа призывали продолжить сознательно³³⁶. В 1896 г. правительство попыталось даже законодательно предписать, чтобы переселенцы русского происхождения по возможности включались «в состав обществ из переселенцев русского происхождения»³³⁷.

Переписи населения не только фиксировали численность и многообразие населения империи, но и предоставляли статистические данные для оптимистического прогноза «продвижения русских земель»³³⁸. Организаторы первой Всероссийской переписи 1897 г. хотя и не смогли выработать убедительные критерии определения национальности, спешили доложить, что статистические данные демонстрируют «ту незыблемую истину, что при всем многообразии своего населения (140 отдельных народов) Россия есть достояние русской народности, постепенно и неуклонно распространяющейся на запад, юг и восток». Особенно успешна русская колонизация в азиатских владениях, где «значительное большинство инородцев сибирских и северных уже обрусели, исповедуют православную веру, живут как русские, отличаются от них только происхождением». Здесь «русские переселенцы приобрели вполне прочное положение и, выполняя возложенную на них историей культурную задачу, твердо держат знамя своей религии и народности». Великорусы – «живые и умные по природе», «предприимчивые», «в их характере много гибкости, подвижности и глубокой религиозности», привержены к своему бытовому укладу и общинному землепользованию и круговой поруке. Примечательно, что в доказательство такого вывода в официальном издании Комитета министров суммировали численность

³³⁶ Термен А. И. Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области: очерки и впечатления. СПб., 1912. С. 132.

³³⁷ ПСЗ-III. № 12777. 15 апр. 1896 г.

³³⁸ Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940. М., 2010. С. 21.

великорусов, малороссов и белорусов (видоизменения русского народа), прибавляя к ним нередко и «обруселых инородцев»³³⁹.

Положение осложнялось появлением сибирской интеллигенции, которая под влиянием федералистских и национальных теорий пыталась выстроить концепцию колониальности Сибири, выдвигая экономические, культурные и даже политические претензии имперскому центру. Формирование у сибирского старожильческого населения чувства территориальной обособленности, осознание своей непохожести и чувства региональной социально-экономической ущемленности создавали объективные предпосылки выстраивания иной, конкурирующей с «большой русской нацией» сибирской идентичности, а сибирские областники надеялись мобилизовать ее в политических целях в «торге» между центром и Сибирью³⁴⁰. Поэтому они не только с такой тщательностью фиксировали формирование новых черт в культуре старожильческого сибирского населения, но и воспринимали «обрусение с примесью сибирского оттенка» украинцев как определенную закономерность. «Нам известно, – констатировали в «Восточном обозрении», – что то же самое происходит со всеми переселенцами в Сибири – все частные областные особенности через одно поколение стираются и пришлые элементы претворяются и преображаются в новую этнографическую форму и вид соответственно местным условиям. Эта метаморфоза и переход от разнообразия к местному единству и сходству составляет закон колониационного процесса, который, вероятно, будет иметь свое значение в исторической жизни Сибири»³⁴¹. Так, выходцы из Малороссии, прожившие длительное время в Сибири, стали отличать себя от украинцев, живущих на Украине, оказавшись в неустойчивой промежуточной этнической идентичности: «Там настоящие укра-

³³⁹ Алфавитный список народов, обитающих в Российской империи. СПб., 1895. С. 1–3, 21, 25.

³⁴⁰ Подробнее см.: Ремнев А. В. «Сибирский народ»: колониальный и региональный контексты несостоявшегося интеллектуального проекта XIX века // Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике. Иркутск, 2010. С. 46–54.

³⁴¹ Осибирячение переселенцев // Восточное обозрение. 1884. № 31.

инцы, а мы ни русские, ни украинцы»³⁴². Отсутствие собственной украинской интеллигенции, национальных школ, газет, культурных обществ приводило к тому, что письменная культура для них была русской, что ускоряло процесс смены идентичности, работало одновременно на формирование «сибирства» и на создание «большой русской нации». Однако этот процесс не был бесконфликтным, нередко были случаи, когда старожилы, раздраженные земельными спорами с прибывшими украинцами, использовали прозвище «хохол» как синоним чего-то презренного, убогого, несчастного и досадливого, получая в ответ не менее обидное – «кацап»³⁴³. Хотя в слове «хохол» (нередко становящемся и самоназванием) всегда присутствовало признание за украинцем своего – русского, только своеобразного³⁴⁴. Конечно, понятие «сибиряк» относилось преимущественно к «русским» (включая великороссов, малороссов, белорусов и даже некоторые финно-угорские народы), но оно могло стать максимально широким, включив всех жителей Сибири³⁴⁵. «Осибирячевание» разных народов (в том числе прибывающих из Европейской России) могло объективно стать более мягким вариантом вхождения в «русскость», не вызывая резкой утраты самобытности.

Сибирским областникам не были чужды народнические настроения и стремление совершить «хождение в Сибирь», но они быстрее своих европейских коллег избавились от идеалистических воззрений на крестьянина. Их оценки оказались более реалистичными, но в данной ситуации их симпатии оставались на стороне сибиряков-старожилков. Важную роль в этой полемике сыг-

³⁴² Демина О. С. Этническое самосознание и самоидентификация украинских переселенцев Алтайского края // Алтайская деревня во второй половине XIX – начале XX в. Вып. 2. Барнаул, 2004. С. 116.

³⁴³ Липин А. М. Переселение украинцев в Западную Сибирь и земские учреждения во второй половине XIX – начале XX в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2000. С. 304.

³⁴⁴ Кутилова Л. А. Украинцы в Сибири: пути этничности (конец XIX – начало XX в.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 1998. С. 78–81.

³⁴⁵ Крих А. А. Этносоциальные группы сибиряков в имперской практике XVIII – XIX веков // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века. Новосибирск, 2007. С. 151–158.

рала газета «Сибирь», выходившая под редакцией И. П. Михайлова в Петербурге. Несмотря на то, что в ней сотрудничали многие бывшие политические ссыльные и известные всей России писатели и ученые, все же она пыталась продолжать областнические традиции «Восточного обозрения» в его петербургский период. Эти издания объединяло осознание того, что русский крестьянин-переселенец не способен осуществить культуртрегерскую миссию не только в отношении старожила-сибиряка, но даже и в отношении скотовода-киргиза, которого он должен был бы приучить к земледелию. Он сам нуждался в просвещении и усвоении передовых форм сельского хозяйства, так как «чрезвычайно консервативен и не привык чему-либо научаться»³⁴⁶. Какой пример он может оказать: «Являясь в качестве просвещенного колонизатора, он обыкновенно строит курную избу, роет в земле нору, вычисляет по погоде крещенского сочельника погоду в июле и ковыряет безводную степь допотопной косулей, “русским” плугом, а когда ничего от земли не получает, становится в тупик перед новыми условиями природы, которых даже не предвидел. В лучшем случае он перенимает от туземцев способы обработки земли, а то предпочитает возвратиться “на старину”, “в Рассею”»³⁴⁷. Так что он не может никого чему-либо научить и дорого обходится местному населению, у которого отнимает землю.

Образ Сибири – своего рода «мужицкого царства», свободного от помещиков – появившийся во многом благодаря ссыльным декабристам, с 1880-х гг. был востребован и развит народнической периодикой как воплощение их идеалов общинного социализма. Однако, соприкоснувшись с сибирской действительностью, многие из них должны были существенно скорректировать свои социалистические мечтания в отношении сибирского крестьянина. Прежние эпитеты заменялись метафорами, что «Сибирь – не якорь спасения для России», «Сибирь – дочь России, во всем похожая на родную мать»³⁴⁸. При обсуждении в 1905 г. во-

³⁴⁶ Русский. К вопросу о колонизации киргизских степей (голос из Тургайской области) // Сибирь. 1897. 20 июня.

³⁴⁷ Там же. 1897. 18 июня.

³⁴⁸ Родигина Н. Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе XIX – начала XX в.: основные итоги изучения // Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII – начала XXI в. Новосибирск, 2006. С. 99–100.

проса о крестьянском представительстве в Государственной думе в правящих кругах потребовали преимуществ для внутренних губерний, заявляя, что крестьянские депутаты от Сибири, Туркестана и Степного края «не помогут государственному строительству»³⁴⁹. П. А. Столыпин, так много сделавший для хозяйственного и культурного развития Сибири, хотя и не сомневался в верно-подданности переселенцев с их «правильным, чистым, русским миросозерцанием», предупреждал, что нельзя упустить момент: «Иначе бессознательно и бесформенно создастся громадная, грубо-демократическая страна, которая скоро задавит Россию Европейскую»³⁵⁰. Не случайно он затормозил введение земства в Сибири, опасаясь, что старожилы займут в нем господствующие позиции и будут препятствовать переселенческому движению. «Если земство в чем-нибудь себя проявит, – утверждал видный правительственный эксперт по переселенческому делу А. А. Кауфман, – то только в одном: в усиленных стараниях закрыть край для дальнейшего вселения»³⁵¹. Предвидел он и опасность появления региональных и национальных лозунгов типа: «Сибирь для сибиряков», «Киргизия для киргизов» или «Бурятия для бурят»³⁵².

В отличие от «украинского вопроса», «сибирский вопрос» не перешел в опасную фазу политического сепаратизма, оставаясь в рамках требований расширения местного самоуправления и финансово-хозяйственной самостоятельности, хотя и доходил до идей автономизма с особой Сибирской областной думой. Массовое переселенческое движение начала XX в., породившее напряженность в отношениях сибирских старожилов и новоселов, вместе с тем снижало политическую остроту сибирского регионализма. Началась десубэтнизация сибиряков как старожилов, которые превратились в специфическую географическую (региональную) группу русских. На пути единения сибиряков стояли ло-

³⁴⁹ Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 178.

³⁵⁰ Письмо П. А. Столыпина Николаю II, 26 сентября 1910 г. // П. А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 62.

³⁵¹ Кауфман А. А. Наш Дальний Восток и его колонизация // Русская мысль. 1909. № 12. С. 65.

³⁵² Кауфман А. А. Колонизация Сибири в ее настоящем и будущем // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 171.

кальные различия, которые принесли переселенцы из мест их выхода, а также нараставшие противоречия между старожилами и переселенцами, особый статус казаков, конфессиональное самообособление старообрядцев, негативное отношение всех их к внедрению в их среду уголовных поселенцев³⁵³. Такого рода столкновения, вызываемые неравенством группового положения и воспринимаемые как несправедливые, могли быть не только конструктивными, но и деструктивными. Одновременно усилился приток (особенно в период революции и гражданской войны) в Сибирь и интеллигенции, которая становилась многочисленной и заряженной общероссийскими социальными задачами, и, как с обеспокоенностью отмечал А. В. Адрианов в письме Г. Н. Потанину, идея областничества «растворилась» в социально-политических проблемах, «как растворилась интеллигентная группа сибиряков в нахлынувшей массе интеллигенции в Сибирь»³⁵⁴. Областничество могло иметь успех до тех пор, пока не произошли партийная политизация и поляризация интеллигенции. Сибирский областнический проект (а именно в нем активнее всего использовался колониальный дискурс) был отодвинут на второй план более конкурентными национальными и социальными программами.

Рассмотренные аспекты презентаций и репрезентаций темы крестьянской колонизации позволяют приблизиться к пониманию того, каким образом она оказалась включена в имперские теории и практики «обрусения», в каких плоскостях шло ее обсуждение, какое место она занимала в национальной концепции «единой и неделимой» России³⁵⁵. При очевидной разнице в мас-

³⁵³ О процессах адаптации и сложных этнических и групповых идентичностях русских в Сибири см.: Шелегина О. Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири (историко-этнографические аспекты. XVII–XX вв.). М., 2001–2002. Вып. 1, 2; Бережнова М. Л. Этническая идентичность как исторический феномен (на примере этногруппового деления русских Сибири) // История. Антропология. Культурология. Программы и избранные лекции. Омск, 2004. Ч. II. С. 59–81.

³⁵⁴ Цит. по: Шиловский М. В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона. Новосибирск, 2008. С. 127.

³⁵⁵ Rieber Alfred J. «Colonizing Eurasia», *Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History* / ed. by N. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. Routledge, 2007. P. 269, 272.

штабах и целях теоретических концепций и объяснительных моделей их объединяли схожая цивилизационная риторика и признание исключительной важности роли русского крестьянина в политическом, экономическом, социокультурном и ментальном расширении «Русской земли». Предлагаемые идеологические формулы уже не скрывались в служебных документах или научных трактатах, а тиражировались и пропагандировались журналами и газетами, становясь важным фактором пропаганды и стереотипизации исторического и географического смыслов крестьянского движения на восток. В результате для переселенческого движения крестьян был найден новый, порой противоречивый, политически нагруженный имперскими и национальными смыслами язык описания. Демонстративно отказываясь признавать за своими азиатскими окраинами колониальный статус, подчеркивая их неразрывную связь с центральной Россией, имперские эксперты и даже их оппоненты оставались в рамках одного дискурса и предпочитали говорить об азиатских окраинах лишь как об объекте колонизации, но не колониальной эксплуатации.

Оптимистический сценарий «обрусительных» планов, казалось, мог быть обеспечен «народным» характером колонизации, подкрепленным соответствующим набором ценностей «истинно русского» человека. В этой схеме «эффективный» русский колонизатор преображал «чужое» пространство в «свое» (русское, православное, крестьянско-земледельческое). Рост численности русского населения в азиатской части империи должен был продемонстрировать успех курса на «слияние» окраин с центром страны, но крестьянское переселение создавало для властей новые проблемы, обостряя социальные, национальные и конфессиональные противоречия за Уралом. Во многом именно аграрные миграции крестьян в ряду референтных правительственных вопросов породили «киргизский вопрос», поставили бурят и якутов в ряд «проблемных народов». Империя так и не нашла баланс интересов между желанием снизить остроту аграрного кризиса в центре страны, заселить азиатские окраины и сохранить лояльность местного населения. Хотя переселенческие общества Сибири и Дальнего Востока России в XIX – начале XX в. все же имели невысокие показатели этнической конфликтности с тенденцией ее возрастания

на фронтальной периферии: на юге Западной Сибири («киргизский вопрос») или юге Дальнего Востока («желтый вопрос»)³⁵⁶.

С одной стороны, переселенцы часто не считались с нормами традиционного землепользования, а чувство национального и культурного доминирования могло усиливаться государственной поддержкой. В их настроениях могли возобладать тенденции русской национальной консолидации, что усиливалось чувством военного и численного превосходства, хотя в реальности оно не всегда было подкреплено культурными или экономическими преимуществами. Переселенцы оставались далекими от осознания своего высокого цивилизационного предназначения и были своего рода «неимперскими империалистами» (по определению В. Сандерланда), по-крестьянски прагматичными во взглядах на туземное население и озабоченными главным образом количеством и качеством земли. Во взаимоотношениях власти и туземцев русские переселенцы могли стать важной «третьей силой», способной придать процессу колонизации новое имперское измерение. Однако казаки и крестьяне «не были ни убежденными агентами имперской власти, ни носителями “цивилизаторской” миссии, ни миссионерами»³⁵⁷, хотя их стремились возвысить и включить в решение геополитических и национальных задач. Но только они, по мнению многих имперских экспертов, могли стать реальной силой, способной сплотить огромное политическое пространство России, добиться «слияния» ее окраин с русским государственным ядром.

С другой стороны, сами русские крестьяне-переселенцы часто оценивались как «отсталые», а их «культурное бессилие» ставило под сомнение возможность осуществления ими цивилизаторской миссии. Под подозрение попало и казачество, которое обвинялось не только в отсутствии культуртрегерского потенциала, но и в утрате самой «русскости». Обеспокоенные конфессиональными противоречиями со старообрядцами и духоборами,

³⁵⁶ Куприянов А. Великороссия и Сибирь – материк этнического спокойствия в море имперской конфликтности (1881–1904 гг.) // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. М., 2001. С. 122–135.

³⁵⁷ Брейфогл Н. Контакт как созидание. Русские сектанты и жители Закавказья в XIX в. // Диаспоры. М., 2002. № 4. С. 185, 188.

власть и официальная церковь все же признавали их устойчивость к ассимиляции в иноэтничной среде, отдавая должное сохранению ими «русскости» при отдаленности от русских культурных центров. Православность начинала уступать национальности, в которой базовыми оказывались язык, культурные традиции и государственные ценности.

Даже если признать, что масштабы «культурного бессилия» и утраты «русскости» были преувеличены, приходится учитывать, что они серьезно беспокоили имперские власти и пробивали серьезную брешь в их идеологических схемах. Сосуществующие одновременно оптимистические и пессимистические оценки «русской колонизации» главным образом отражали различие во взглядах на возможные перспективы «русского дела», нежели на реальное положение русского крестьянства в регионе, не только вынуждали подвергнуть ревизии некоторые постулаты имперской идеологии, но и расшатывали народнические установки интеллигенции.

Старые русские социальные болезни лишь обострились на азиатских окраинах и потребовали иной диагностики. Это было связано в первую очередь с необходимостью уточнения самого понятия «русскости», внесения корректив в оценки необходимого тождества «русскости» и «православности», устойчивости религиозности русского населения, региональных различий и конфликтов старожильческого и переселенческого крестьянства. Даже если возникающие проблемы и не являлись политически опасными, степень их «злободневности» и «остроты» могла быть усилена как в личных, так и в корпоративных интересах. Несомненная тенденциозность в подборе и интерпретации фактов была присуща как апологетам русской колонизации, так и их оппонентам. И хотя они сходились в признании политической значимости народного движения на азиатские окраины, одни предпочитали акцентировать внимание на ее «русскости» и встраивать крестьянское движение в имперские геополитические проекты, другие предпочитали игнорировать их, замещая имперский и национальный нарративы социальным. Вместе с тем повышение благосостояния в результате переселения неожиданно грозило утратой некоторых симпатичных черт русского крестьянина, которые у представителей имперской власти и народной интеллигенции

нередко совпадали (хотя и существенным образом различались в их трактовке) и были одинаково пугающими. Разрушение мифологии русского крестьянина с ее декларируемой высокой культурной открытостью, цивилизационной комплиментарностью, высокой религиозностью, что усиленно насаждала русская литература, было частью влиятельного не только в общественных, но и в правительственных сферах народнического дискурса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Со второй половины XIX в. усиливающееся движение русского населения на имперские окраины (как стихийное, так и регулируемое государством) начинает сознательно восприниматься и в правительстве, и в обществе как целенаправленное политическое конструирование империи. Сложный, неоднородный (в этническом, конфессиональном, экономическом смыслах) миграционный поток потребовал от государства принципиально новых административных, институциональных, политических решений. Это был своего рода комплекс сверхзадач, в процессе обобщения которых был сформулирован новый национальный курс на создание «единой и неделимой» России. С этого времени переселенческое движение становится важной частью научного, общественного и политического дискурсов, приобретая не только региональное, но и национальное измерение.

Вместе с тем во взглядах имперских наблюдателей, теоретиков и практиков на крестьянское переселение никогда не существовало единства. Но при очевидной разнице в масштабах и целях теоретических концепций и объяснительных моделей их объединяли схожая цивилизационная риторика и признание исключительной важности роли русского крестьянина в политическом, экономическом, социокультурном и ментальном расширении России. Предлагаемые идеологические формулы уже не замыкались в служебных документах или научных трактатах, а тиражировались и пропагандировались журналами и газетами, становясь важным фактором формирования общественного мнения, стереотипизации исторического и географического смыслов крестьянского движения на восток. В результате для переселенческого движения крестьян был найден новый, порой противоречивый, политически нагруженный социальными, имперскими и национальными смыслами язык описания.

Управление миграционными процессами осуществлялось в позднеимперской России в рамках учреждения нового типа – Переселенческого управления. С момента своего создания Переселенческое управление по уровню полномочий, широте охвата территории, специфической и весьма широкой сфере деятельно-

сти вполне могло претендовать на статус не ниже министерского. Неофициальное наименование Переселенческого управления – Министерство Азиатской России – отражало уже сложившуюся подведомственную территорию, но не намечаемые перспективы включения в ведение управления не только заселяемых Азиатских окраин, но и колонизируемых территорий Европейского Севера, Кавказа, Новороссии, а также мест выдворения переселенцев. В таком случае переселенческое ведомство управляло бы всей территорией империи, включая помимо окраин и внутренние, коренные губернии Европейской России. В управлении же азиатскими окраинами доминировал не столько колониальный, сколько территориальный принцип управления, что было обусловлено огромным пространством империи и сохранявшимися коммуникационными разрывами.

Российская империя не имела «министерства колоний», но, как и другие европейские державы, вынуждена была перенимать некоторые методы администрирования, в том числе создавать особые органы управления окраинами. Однако на пути их четкой институционализации стояли причины, помимо демонстративного отказа признания колониальных методов своей политики в Азии, порожденные самой природой самодержавного правления. К тому же в России, может быть, в большей степени, нежели в морских империях, вынуждены были обращать на свои окраины пристальное внимание, потому что именно на периферии лежали основные заботы о безопасности (внутренней и внешней), именно там империя соприкасалась с себе подобными и должна была с ними конкурировать. Утрата территорий не только могла угрожать державному престижу, но и, как казалось, нарушала государственную целостность страны. Главную ставку империя делала на народное миграционное движение, призванное изменить географию и демографию страны, «обрусить» земли и народы на востоке империи, что становилось важным идеологическим ресурсом и политическим инструментом консолидации имперского пространства. В случае Сибири и Дальнего Востока это был еще и вполне реальный шанс превратить их в «русскую национальную территорию».

Переселенческое управление сыграло роль координационного центра и научного звена в колонизационных проектах импе-

рии. Конструируя новое административно-правовое пространство переселенческого дела, научно осваивая колонизуемые местности, переселенческие чиновники совместно с общественными и научными деятелями создавали новую сферу сотрудничества власти и общества в деле освоения и интеграции территории, способствовали формированию гражданского общества и нации.

Обострение национальных вопросов на имперских окраинах, а также формирование собственно русского национализма постепенно корректируют цивилизационный дискурс российского интеллектуального общества. Деление общества на «мир культуры» и «мир дикости» постепенно усложняется, наполняясь новыми, в том числе этническими, территориальными, конфессиональными, характеристиками. Как показывает опыт колонизации восточной окраины Российской империи, задача административной организации региона вынужденно имела приоритетное, даже по сравнению с хозяйственным освоением, значение. Именно поэтому символы власти, а не освоение территории или плоды ее хозяйственной эксплуатации, являлись свидетельством присоединения территории, вследствие этой же причины административные преобразования в сибирской деревне, как правило, предшествовали поземельным реформам. Построение административной вертикали, доходящей до каждого жителя отдаленного населенного пункта, заполнение властного вакуума являлись фактически первой степенью «приобретения» нового пространства.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
ВЭО – Вольное экономическое общество
ГАИО – Государственный архив Иркутской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГИАОО – Государственный исторический архив Омской области
ГУЗиЗ – Главное управление землеустройства и земледелия
ГУЗС – Главное управление Западной Сибири
ИРГО – Императорское Русское географическое общество
КСЖД – Комитет Сибирской железной дороги
КЗДВ – Комитет заселения Дальнего Востока
МЗиГи – Министерство земледелия и государственных имуществ
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

ОГЛАВЛЕНИЕ

От соавтора	3
Введение	16
Глава 1. Колонизационные процессы в позднеимперской России: концепты, институты и практики	33
1.1. Переселение и колонизация конца XIX – начала XX века: в поисках научных терминов и политических смыслов.....	34
1.2. Колонизационная политика самодержавия в Сибири: этапы и направления.....	50
1.3. Управление миграционными процессами в позднеимперской России	75
1.3.1. Становление переселенческого ведомства.....	75
1.3.2. Комитет Сибирской железной дороги	83
1.3.3. Переселенческое управление Министерства внутренних дел.....	88
1.3.4. Комитет по заселению Дальнего Востока	106
Глава 2. Колонизация Азиатской России в геополитическом и национальном измерениях	121
2.1. Научная экспертиза колонизации азиатских территорий Российской империи	121
2.2. Крестьянская колонизация в геополитических координатах «внутреннего империализма» и национализма	146
2.3. Русское колонизационное культуртрегерство под сомнением	164
2.4. Казачество в колонизационных процессах конца XIX – начала XX века.....	187
2.5. Православие и «русскость» в колонизационном и конфессиональном контекстах.....	205
2.6. «Обрусение с примесью сибирского оттенка»	221
Заключение	243

Научное издание

Ремнев Анатолий Викторович
Суворова Наталья Геннадьевна

**Колонизация Азиатской России:
имперские и национальные сценарии второй
половины XIX – начала XX века**

Монография

Редактор *К. И. Бородина*
Технический редактор *А. И. Шестков*

Подписано в печать 05.12.2013. Формат 60x84/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Печ. л. 15,6. Уч.-изд. л. 14,3.

Тираж 200 экз. Заказ К-71.

Издательство ООО «Издательский дом “Наука”».
Отпечатано в типографии ООО «Издательский дом “Наука”»,
Омск, пр. Комарова, 15, офис 1, тел./факс: +7(3812) 700-502